

25-5-142

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

La-Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

5

БАКУ • 1989

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1989

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ
LA TURCOLOGIE SOVIÉTIQUE
SOVIET TURKOLOGY
SOWJETISCHE TURKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

Ответственный секретарь
Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhieva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabiyev (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

Executive secretary
N. G. Nadzhatov

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdžanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga (Moscow Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

Э. Р. ТЕНИШЕВ

СОВЕТСКОМУ КОМИТЕТУ ТЮРКОЛОГОВ — ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

I. Советский комитет тюркологов (СКТ) возник благодаря идее и неустанным хлопотам акад. А. Н. Кононова.

Тюркологи Советского Союза, число которых достаточно велико, давно осознали необходимость создания органа, который бы соединял и направлял их усилия. Такому объединяющему началу была придана форма научного комитета (наряду с научными советами) в системе АН СССР.

Советский комитет тюркологов был организован при Отделении литературы и языка АН СССР постановлением президиума АН СССР от 11 октября 1973 г. (№ 758). Одновременно было опубликовано положение, разъясняющее основные задачи, а также состав и организацию его работы [1. С. 113—115]. В разделе «Общие положения» указывалось: СКТ создается из числа ученых, специалистов по тюркской филологии, работающих в учреждениях АН СССР и ее филиалов, в академиях наук союзных республик, научно-исследовательских учреждениях автономных республик, а также в высших учебных заведениях [1. С. 114].

В числе первоочередных задач комитета назывались: координация и разработка основных направлений научно-исследовательских работ в области тюркологии в союзных и автономных республиках; налаживание научных и организационных связей с национальными объединениями (обществами) тюркологов (востоковедов) зарубежных стран; разработка предложений о программе и участии советских ученых в международных конгрессах и симпозиумах тюркологов; издание материалов международных конференций и симпозиумов тюркологов, проводимых в СССР [1. С. 114].

О составе и организации работы комитета было сказано: состав СКТ утверждается президиумом АН СССР; СКТ проводит пленарные заседания один раз в год; в период между пленарными заседаниями работой комитета руководит его бюро; СКТ предоставляется право привлекать себе в помощь научных и научно-технических сотрудников институтов ОЛЯ и ОИ АН СССР; для практической работы комитет может создавать комиссии или рабочие группы, куда могут входить ученые, не являющиеся членами комитета [1. С. 115].

Советский комитет тюркологов находится на финансовом и хозяйственном обслуживании Института языкознания АН СССР, имеет свою ежегодную смету расходов, утверждаемую директором института в пределах общего объема затрат [1. С. 115].

Один год после создания СКТ (1973—1974) потребовался для разработки его структуры и состава, а также научных основ и практических планов, и, следовательно, начало деятельности СКТ приходится на год 1974.

II. Первоначально комитет состоял из 35 чел.: бюро — 11 чел., председатель, два его заместителя и ученый секретарь.

19 мая 1987 г. бюро ОЛЯ АН СССР утвердило обновленные структуру и состав СКТ. При комитете были организованы десять секций: по истории тюркоязычных народов; по истории Турции; по тюркской ономастике; по тюркской лексикологии; по тюркоязычному фольклору; по монголоведению; по алтаистике; по тюркской компаративистике; по машинному фонду тюркских языков; по учебникам и учебным пособиям. Число членов СКТ возросло до 75; 21 из них вошли в состав бюро. Ввиду возросшего объема работ были утверждены четыре заместителя председателя СКТ: двое (Москва и Ленинград) — по наиболее объемной филологии, один — по историческим дисциплинам и один — по внешним связям. До 1986 г. СКТ возглавлял А. Н. Кононов. Его заместителями были: П. А. Азимов, Э. Р. Тенишев, учеными секретарями — Н. З. Гаджиева (1973—1975) и Г. Ф. Благова (1975—1986).

19 мая 1987 г. постановлением бюро ОЛЯ АН СССР (№ 57) председателем СКТ был утвержден Э. Р. Тенишев, его заместителями К. М. Мусаев, С. Н. Иванов (филология), Ю. А. Петросян (история) и Т. Д. Меликов (внешние связи). Научно-теоретическую работу СКТ осуществляет ответственный секретарь И. В. Кормушин, научно-организационную — ученый секретарь А. А. Чеченов.

III. Деятельность СКТ складывается из следующих моментов: определение наиболее актуальной проблематики в области тюркологии и оказание помощи научным и учебным учреждениям республик в ее внедрении в исследовательские планы; координирование усилий тюркологов в выполнении намеченных исследований; издательская работа; подготовка и проведение совещаний, симпозиумов, пленарных заседаний СКТ, всесоюзных тюркологических конференций; издание журнала и осуществление зарубежных связей.

1. Выявление и формулирование наиболее актуальных научных направлений и тематики — как общетюркологической, так и национальной — в зависимости от особенностей их развития в тот или иной период и требований, предъявляемых практикой: СКТ принимал участие в долгосрочном планировании тюркологических исследований по языкознанию, литературоведению и фольклористике в академических научных учреждениях республик.

Советским комитетом тюркологов на основании годовых планов, отчетов, вышедшей продукции систематически собиралась информация о ведущихся и планируемых научно-исследовательских учреждениях и вузах страны тюркологических исследованиях и исходя из этого разрабатывались рекомендации по повышению теоретического уровня трудов и улучшению координации научных изысканий на местах. Так, V пленарное заседание СКТ (Москва, 6 марта 1979 г.) отметило как важный момент рост числа сравнительных исследований по тюркским языкам и усиление историзма в тюркологических трудах, что, естественно, предполагает углубление и расширение тематики исторических взаимосвязей тюркских языков с другими языками как алтайской общности, так и иных групп; одновременно возрастает требование строгого разграничения исторической грамматики и истории литературных языков, усиления внимания к историко-культурной и текстологической про-

блематике и к развитию филологических обследований старотюркских письменных памятников. По поручению СКТ в феврале 1987 г. в Институте языкознания АН СССР состоялся всесоюзный симпозиум. XI пленарное заседание (Москва, 8—19 марта 1985 г.) выдвинуло задачу исследования малоизученных тюркских языков Сибири, создание словарей по редким сибирским языкам — шорскому и тофаларскому. В настоящее время сибирские тюркологи активно включились в эту работу. В целях расширения обмена опытом постановки и выполнения исследований СКТ заслушивает сообщения руководителей академических институтов и кафедр вузов: так, на его XIII пленарном заседании (Москва, 21 апр. 1987 г.) выступили директор Института языкознания АН КазССР А. Т. Кайдаров, директор Башкирского ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы БЦ УО АН СССР З. Г. Ураксин, зав. кафедрой казахского языка КазГУ М. Т. Томанов, директор Института уйгуроведения АН КазССР Г. С. Садвакасов.

2. Для повышения качества подготовки специалистов по национальным филологиям СКТ (VII пленарное заседание—Москва, 10 марта 1981 г.) просил минвузы и минпросы союзных республик предусмотреть в перспективных планах издание учебно-методической литературы по специальности «Тюркские языки и литературы», привести учебные программы по таким дисциплинам, как «Общее языкознание», «Введение в тюркское языкознание», «Родной язык», в соответствии с новейшими достижениями общего и тюркского языкознания (соответственно литературоведения, фольклористики). По его поручению эту работу ведет И. А. Андреев.

3. Специальной комиссией Советского комитета тюркологов проанализирована тематика диссертационных работ по различным направлениям тюркологии. Установлено (VI пленарное заседание — 10—11 марта 1980 г.), что некоторые работы по тематике и научным результатам малоэффективны, а в ряде случаев не связаны с планами данного учреждения; выбор тем должен идти в русле актуальных направлений современных научных разделов тюркологии.

4. СКТ рассматривал (IX пленарное заседание — Москва, 10—11 марта 1983 г.) смежную с тюркологией область — монголоведение в его истории и современном состоянии, обратив внимание на задачи, актуализировавшиеся в последнее время.

Развернувшаяся в стране перестройка, утверждение демократии и гласности в государственной, общественной и научной деятельности решительно потребовали от тюркологов качественных перемен в работе и подготовке кадров. Вступил в силу и такой важный фактор, как межнациональные отношения, со всевозрастающей ролью науки в их регулировании. Новый этап в тюркологии предполагает избавление науки от догматизма, немедленный отклик на запросы жизни, развертывание критики и самокритики, опору на творческую инициативу тюркологов. Обобщая внесенные во время дискуссии по научным и научно-организационным вопросам предложения, СКТ на своем XIII пленарном заседании (Москва, 20—21 апр. 1987 г.) выдвинул ряд направлений, обращенных к практике:

а) анализ функционирования тюркских языков на современном этапе; изучение социальных функций тюркских и русского языков в различных сферах общественной жизни республик;

б) историко-генетические, типологические и контрастивные исследования; организация комплексных работ в области сравнительных исследований;

в) подготовка к созданию машинного фонда тюркских языков с организацией группы специалистов;

г) проведение подготовительной работы по составлению научной программы «Пратюркский лексический базис» с последующим обсуждением программы и формированию соответствующего коллектива при Институте языкознания АН КазССР. Сейчас эти предложения внедряются в научную практику республики. Необходимы дальнейшие поиски актуальных направлений и тем, рассмотрение их научной и практической целесообразности на основе итогов научно-исследовательской работы институтов и вузов республик, которые желательно ежегодно публиковать в журнале «Советская тюркология».

5. Большое место в работе СКТ занимает издательская деятельность. По инициативе комитета Н. А. Баскаков и Э. В. Севортян составили и опубликовали в журнале «Советская тюркология» (1976. № 1) «Программу требований по тюркскому языкознанию для поступающих в аспирантуру АН СССР».

С целью совершенствования методического руководства по изучению тюркских диалектов и лингвистического анализа средневековых тюркских письменных памятников Л. Т. Махмута по поручению СКТ составила «Краткую схему описания тюркских диалектов» (Сов. тюркология. 1983. № 5), Э. И. Фазылов предложил систему анализа памятников, а И. А. Абдуллин — схему описания тюркоязычных рукописей [2. С. 8—29].

При участии комитета был подготовлен ряд научных сборников, вышедших в свет: 1) Тюркологические исследования (М., 1976); 2) Тюркологический сборник. 1974 (М., 1978); 3) Тюркологический сборник. 1975 (М., 1978); 4) Тюркологический сборник. 1976 (М., 1978); 5) *Turcologica*: К семидесятилетию акад. А. Н. Кононова (Л., 1976); 6) *Turcologica*-1986: К восьмидесятилетию акад. А. Н. Кононова (Л., 1986).

Большое значение для тюркского языкознания будет иметь «Диалектологический атлас тюркских языков СССР» (ДАТЯ), вдохновителем создания которого был В. М. Жирмунский. Коллективный труд выполняется по единой программе усилиями диалектологов всех союзных, автономных республик, краев, областей с тюркоязычным населением.

Начиная с февраля 1977 г. проводятся ежегодные заседания постоянного семинара по тюркской лингвистической географии, организованного и руководимого М. А. Бородиной, а также рабочие встречи и совещания представителей четырех зон ДАТЯ. В настоящее время в Институте экономики, истории, языка и литературы СО АН СССР группой лингвогеографов под руководством Н. Н. Широковой составлен макет корпуса ДАТЯ. Он состоит из введения (основные принципы), справочного материала (список пунктов с административным делением и диалектами, список эксплораторов и т. д.), вопросника, 275 таблиц (весь материал атласа), 206 карт (карта-основа ГУК — 1977) и технических комментариев к картам.

Печатание ДАТЯ возможно в Новосибирске. Но вопрос публикации упирается в сложность финансирования, о чем уже говорилось на XII пленарном заседании СКТ (Нальчик, 14 мая 1986 г.).

Начиная с 1976 г. СКТ принимает участие в международном коллективном труде «Лингвистический атлас Европы» (ЛАЕ). Атлас использует материалы восьми тюркских и одного из монгольских языков (калмыцкого) [3. С. 86—89]. Из печати вышли два выпуска ЛАЕ [4—7].

После выхода последних выпусков атласа завершится издание его малой формы. Одновременно творческий коллектив ЛАЕ ведет подготовительную работу по изданию большой формы атласа. Если малый атлас схватывает только ономастологический уровень, то большой вберет в себя все языковые уровни.

СКТ курирует и другие крупные научные работы, обладающие общетеоретическим значением. К ним относится серия сводов древних тюркологических памятников, в частности «Корпус древнетюркских памятников». Первый труд из этой серии — «Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея», подготовленный Д. Д. Васильевым, вышел из печати в Ленинграде в 1983 г. В 1988 г. он был удостоен премии Стамбульского университета.

«Корпус древнетюркской эпиграфики Монголии», исполнителем которого является С. Г. Кляшторный, готовится к изданию в Венгрии; подготовлен к публикации «Корпус северокавказских рунических памятников» С. Я. Байчарова. Завершены в авторском исполнении «Корпус эпиграфических (булгарских) памятников Поволжья» Ф. С. Хакимзянова и «Корпус армянописьменных памятников кыпчакского языка XVI в.» И. А. Абдуллина. К сожалению, выход в свет трех последних затягивается, на что уже обращалось внимание.

К 1990 г. намечается закончить «Корпус древнерусских сообщений о тюркских народностях (домонгольского нашествия)» Я. Р. Дашкевича. На будущее намечается работа над корпусами рунических памятников Алтая, Прибайкалья, Киргизии, где раньше были лишь единичные находки, публикация тюркоязычных источников об Украине XVI—XVII вв. Подготовка и издание подобных корпусов обогащает тюркологию новыми материалами, и вполне естественно, что СКТ заинтересован в своевременном и полном завершении всего объема намеченных работ.

6. За прошедшие пятнадцать лет Советский комитет тюркологов принимал участие в организации и проведении тридцати научных конференций, совещаний и симпозиумов по различным проблемам тюркского языкознания, литературоведения, фольклористики, истории, этнографии и искусствоведения в Москве, Ленинграде, столицах республик и отдельных городах страны. Наиболее крупные из них — следующие Всесоюзные тюркологические конференции (ВТК):

- а) Вторая (Алма-Ата, 27—29 сент. 1976),
- б) Третья (Ташкент, 10—12 сент. 1980),
- в) Четвертая (Ашхабад, 10—12 сент. 1985),
- г) Пятая (Фрунзе, 31 авг. — 5 сент. 1988).

В каждой конференции принимали участие до 500 ученых-тюркологов из союзных республик и из стран Европы и США.

На заседаниях трех секций ВТК обсуждались наиболее актуальные проблемы тюркского языкознания, национальных литератур, этнической и культурной истории тюркоязычных народов Советского Союза. Деятельность ВТК освещалась в печати [8. С. 82—100; 9; 10. С. 99—103; 11—13; 14. С. 85—93].

Итоги ВТК показали, что для более полного обсуждения научных проблем и налаживания взаимной информации необходимо расширение круга участников, главным образом за счет тюркологов Европы и США. Для этого следует добиться разрешения о переводе ВТК в ранг международных конгрессов. В период между крупными ВТК проходили пленарные заседания СКТ и региональные (тематические) конференции и совещания:

- I пленарное заседание (ПЗ) — 9—10 янв. 1975 г. Москва (Благова Г. Ф., Левитская Л. А.//Сов. тюркология. 1975. № 2. С. 111—120);
- II ПЗ — Москва, 18 марта 1976 г. (Благова Г. Ф., Серова Л. Г.//Сов. тюркология. 1976. № 2. С. 118—121);
- III ПЗ — Москва, 4 марта 1977 г. (Благова Г. Ф.//Сов. тюркология. 1977. № 2. С. 104—109);
- IV ПЗ — Москва, 3 марта 1978 г. (Благова Г. Ф.//Сов. тюркология. 1978. № 2. С. 95—102, 103);
- V ПЗ — Москва, 6 марта 1979 г. (Благова Г. Ф.//Сов. тюркология. 1979. № 2. С. 96—103, 104—107);
- VI ПЗ — Москва, 10—11 марта 1980 г. (Благова Г. Ф.//Сов. тюркология. 1980. № 2. С. 91—102, 103—105);
- VII ПЗ — Москва, 9—10 марта 1981 г. (Благова Г. Ф.//Сов. тюркология. 1981. № 2. С. 98—105, 105—109);
- VIII ПЗ — Москва, 9—10 марта 1982 г. (Благова Г. Ф.//Сов. тюркология. 1982. № 2. С. 99—105, 106—109);
- IX ПЗ — Москва, 10—11 марта 1983 г. (Благова Г. Ф.//Сов. тюркология. 1983. № 3. С. 97—103, 103—107);
- X ПЗ — Чебоксары, 9—10 окт. 1984 г. (Благова Г. Ф., М. Н. Скворцов//Сов. тюркология. 1984. № 6. С. 93—94, 95—98);
- XI ПЗ — Москва, 18—19 марта 1985 г. (Благова Г. Ф.//Сов. тюркология. 1985. № 2. С. 101—104, 104—106);
- XII ПЗ — Нальчик, 12—13 мая 1986 г. (Благова Г. Ф.//Сов. тюркология. 1986. № 3. С. 91—96; Поцелуевский Е. А. С. 76—98, 99—101);
- XIII ПЗ — Москва, 20—21 апр. 1987 г. (Кормушин И. В.//Сов. тюркология. 1987. № 6. С. 113—119; Мусаев К. М. С. 120—122; Резолюция. С. 122—124);
- XIV ПЗ — Москва, 18—20 апр. 1988 г.;
- XV ПЗ — Уфа, 31 мая—2 июня 1989 г.

На пленарных заседаниях ставились дискуссионные темы теоретического характера: проблема частей речи, или грамматическое описание тюркских языков, проблемы источниковедения и текстологии, заслушивались информация о состоянии национальных филологий, сообщения директоров академических институтов и заведующих кафедрами вузов республик. На каждое заседание выносились отчетные доклады СКТ за год и обсуждение новых планов. Руководство журнала «Советская тюркология» выступало с сообщением о работе журнала.

С 1984 г. СКТ стал практиковать выездные ПЗ, посвященные как общетюркологическим, так и региональным проблемам. X ПЗ, состоявшееся в 1984 г. в Чебоксарах, рассмотрело состояние исследований тюркских языков Поволжья и спорные вопросы болгароведения; XII ПЗ, проведенное в 1986 г. в Нальчике, развернуло общую дискуссию о сложных и осложненных конструкциях тюркских языков и обсудило состояние и перспективы тюркологических исследований в Кавказском регионе: кумыковедения, ногаеведения, северокавказского литературоведения и фольклора карачаевцев и балкарцев второй половины XIX—начала XX в.; XV ПЗ, прошедшее в 1989 г. в Уфе, уделило внимание, наряду с общими проблемами по тюркской истории и филологии, анализу отдельных вопросов, связанных с башкирской филологией (классическое наследие) и искусствоведением. В разделе «Хроника» журнала «Советская тюркология» регулярно появлялись отчеты и обзоры ПЗ, почти все составленные Г. Ф. Благовой.

Следует отметить, что из десяти секций СКТ конкретными делами заявили о себе только три: по истории Турции, машинному фонду тюрк-

ских языков и тюркской компаративистике. Секция истории Турции провела учредительное собрание; на нем, в частности, было принято решение о подготовке к организации I Всесоюзной тюркологической конференции (XIII ПЗ СКТ—1987 г.). В стадии разработки находятся научные направления секций по тюркскому машинному фонду и тюркской компаративистике.

7. С самого начала создания СКТ курирует журнал «Советская тюркология» — орган ОЛЯ АН СССР, СКТ и АН Азербайджанской ССР. На ПЗ и бюро СКТ заслушивается информация о научном уровне журнала, о деятельности его редколлегии и редакции. В 1987 г. на XIII ПЗ СКТ в связи с истечением срока деятельности руководство журнала было полностью обновлено.

Признавая большую ответственность журнала перед отечественной тюркологией, XIII ПЗ поставило задачу быстрее налаживания регулярной работы редколлегии, повышения качества публикуемых материалов и ликвидации в кратчайший срок отставания выхода журнала.

Редколлегия в новом составе собирается довольно организованно. Энергично и целеустремленно работают редакция и руководящий состав журнала, особенно его бакинская часть. В результате журнал вошел в график уже с 5-го номера 1988 г. Можно надеяться, что это привлечет к нему большее число подписчиков, чем есть сейчас. В настоящее время главная задача редакционных работников — добиться высокого научного уровня публикуемых статей. Журнал может быть более профилирующим по сравнению с вышедшими номерами, чаще печатать материалы зарубежных авторов, различного рода информативные материалы. Роль «Советской тюркологии» в организации и координации проводящихся в стране тюркологических исследований велика, и потому свой центральный журнал для тюркологов не роскошь, а очевидная необходимость.

8. В силу ряда причин Советский комитет тюркологов длительное время не имел никаких прямых контактов с коллегами и научными центрами других стран, не принимал участия в формировании делегаций советских тюркологов, направляющихся на различные международные конгрессы и симпозиумы [15]. Между тем интересы науки настоятельно требуют усиления международных научных связей тюркологов.

СКТ выдвинул идею создания постоянно действующего советско-турецкого коллоквиума по проблемам тюркской филологии. Предложение было поддержано Отделением литературы и языка, президиумом АН СССР, МИД СССР, турецкими коллегами и нашло свое выражение в 6-й статье Программы научного и культурного сотрудничества между СССР и Турецкой Республикой. Согласно этой статье стороны в порядке очередности ежегодно организуют у себя двусторонние коллоквиумы ученых по вопросам тюркологии и приглашают по 5—7 участников другой стороны сроком на 7 дней. Поскольку идея проведения коллоквиумов принадлежала советской стороне, СКТ предложил организовать первую встречу советских и турецких ученых в Советском Союзе.

Первый советско-турецкий коллоквиум на тему «Огузский эпос „Книга моего деда Коркуда“ как памятник тюркской культуры» был проведен Советским комитетом тюркологов и АН Азербайджанской ССР в Баку (1—7 июля 1988 г.).

Советские и турецкие ученые заинтересованно обсуждали общетюркские проблемы тюркского фольклора, вопросы, связанные с изучением языка, стилистики, поэтики, структур поэтических текстов «Кни-

и моего деда Коркуда». Основной формой работы коллоквиума была дискуссия, свободный обмен мнениями.

По единодушному мнению турецких и советских ученых, встреча в Баку явилась важным событием в тюркологической науке. В резолюции коллоквиума, в частности, говорилось: «1. Учитывая значение эпоса „Книга моего деда Коркуда“ в историко-культурной жизни тюркских народов, намечено совместными усилиями советских и турецких ученых подготовить новый научно-критический текст огузского эпоса, создать словарь „Книги...“ с указанием сюжетов и мотивов эпоса; составить библиографический указатель работ, посвященных „Книге...“». Для успешного функционирования постоянно действующего советско-турецкого коллоквиума было решено создать институт сопредседателей, проводящий научно-организационную работу. По рекомендации СКТ председателем советской части коллоквиума утвержден Т. Д. Меликов — заместитель председателя Советского комитета тюркологов.

Первый советско-турецкий коллоквиум вызвал большой резонанс в тюркологическом мире. Целиком посвятил коллоквиуму свой 305-й номер за 1988 г. турецкий журнал «Тюрк култюрю» («Türk kültürü»). В трех номерах журнала «Тюрк эдебиаты» («Türk edebiyatı») напечатана статья проф. Саима Сакаоглу с благоприятным отзывом о работе коллоквиума; полностью опубликовал материалы бакинской встречи журнал «Бюллетень». Журнал «Советская тюркология» также начинает публикацию выступлений участников Первого советско-турецкого коллоквиума.

В конце марта 1989 г. должен был состояться Второй советско-турецкий коллоквиум на тему: «Литературные тюркские языки. Становление и развитие». Однако из-за бюрократических проволочек советская делегация в Турцию так и не выехала. СКТ вынужден был обратиться к турецкой стороне с просьбой перенести коллоквиум на более поздний срок.

Хотя проведение советско-турецких коллоквиумов оговорено межгравительственным соглашением, при их проведении приходится сталкиваться с многочисленными трудностями. В связи с новой системой финансирования зарубежных командировок многие академические институты не в состоянии выделить деньги на приобретение билетов для своих сотрудников, включенных в состав советской делегации. Поездки советских ученых в Турцию и прием турецких ученых в СССР должны финансироваться за счет бюджета президиума АН СССР.

Советские ученые регулярно участвуют в работе лишь одного форума — Международного тюркологического конгресса, организуемого Стамбульским университетом. Если раньше в Турцию выезжали 2—3 человека, то начиная с 1982 г. число советских участников конгресса постоянно растет. Благодаря усилиям СКТ на VI Международном тюркологическом конгрессе, состоявшемся в 1988 г., советская делегация была представлена 15-ю учеными.

Приходится констатировать, что при формировании советской делегации мнение СКТ часто игнорируется. Происходит это главным образом из-за ведомственных амбиций и чрезмерной «активности» отдельных ученых, хотя в таких случаях необходимо в первую очередь отстаивать интересы науки, ее авторитет.

За последнее время Советский комитет тюркологов получил ряд предложений по расширению международного научного сотрудничества в области тюркологии:

а) заведующий отделением тюркской филологии Измирского университета проф. Фикрет Тюркмен от имени ректора университета предлагает провести в Измире международный семинар по тюркским дастам;

б) президент Главного лингвистического, исторического и культурного общества Суар Илькан предлагает осуществить обмен специалистами-тюркологами для выполнения рекомендаций, принятых на Первом советско-турецком colloquium, в частности для подготовки «Словаря „Книги моего деда Коркуда”», указателя сюжетов и мотивов эпоса, а также для создания русско-турецкого и турецко-русского словарей;

в) по программе ЮНЕСКО «Великий шелковый путь» турецкие ученые предлагают создать фонд по спасению и музейной охране эпиграфических памятников тюркской письменности и смешанную комиссию экспертов из СССР, США, Турции, КНР и МНР;

г) институт тюркологических исследований Страсбургского университета (Франция) предлагает создать двусторонний советско-французский colloquium по проблемам тюркологии;

д) Советский комитет тюркологов получил от инициативной группы, в которую входят такие крупные ученые, как проф. Ирен Меликофф (Франция), акад. Георг Хазаи из ВНР, проф. Базен из Франции, проф. Барбара Флеминг из ФРГ, приглашение принять участие в создании Международного комитета тюркологических исследований (СИЕТ).

Как видно из этого перечня, внешние связи СКТ стали более крепкими.

Отмечая пятнадцатилетие СКТ, следует определенно заявить, что создание комитета было своевременной и необходимой мерой. Советский комитет тюркологов с полной очевидностью подтвердил право на свое существование. Его работа привлекает внимание широкой общественности [16; 17]. Но это совсем не означает, что деятельность СКТ лишена недостатков. В работе как самого СКТ, так и его бюро, пленарных заседаний в перспективном планировании просматриваются и недостатки и трудности.

Сложнее всего обстоит дело с перспективным планированием и введением рекомендаций в практику. СКТ получает очень малую, сравнительно с возможной, информацию о тюркологических исследованиях. Рекомендации же накладываются на утвержденные планы, и никто не хочет их менять, хотя планы отражают потребности практики и должны быть подвижными. Не удается до сих пор привести в движение секции — приводные ремни от комитета к исследователям. СКТ обращается с просьбой ко всему своему составу, ко всем тюркологам проявлять большую активность и инициативу, присылать свои мнения и предложения по совершенствованию структуры и деятельности СКТ, его бюро и секций.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Об организации Советского комитета тюркологов // Сов. тюркология. 1974. № 2.

² Абдуллин И. А. Описание первых произведений большевистской печати на татарском языке периода революции 1905—1907 годов. Казань, 1986.

³ Донадзе Н. З. Лингвистический атлас Европы и его тюркский ареал // Сов. тюркология. 1986. № 5.

⁴ Atlas Linguarum Europae: Cartes. Vol. 1, fasc. 1. Van Gorcum, Assen, Pays-Bay, 1983.

⁵ Atlas Linguarum Europae: Commentaire. Vol. 1, fasc. 1. Van Gorcum, Assen/Maastricht, Pays-Bay, 1983.

⁶ Atlas Linguarum Europae: Cartes. Vol. 1, fasc. 2. Van Gorcum, Assen Maastricht, Pays-Bay, 1986.

⁷ Atlas Linguarum Europae: Commentaire. Vol. 1, fasc. 2. Van Gorcum, Assen/Maastricht, Pays-Bay, 1986.

⁸ Насилов В. Н., Благова Г. Ф., Каскабасов С. Л., Қормушин И. В., Насилов Д. М., Султанов Т. И. Всесоюзная тюркологическая конференция//Сов. тюркология. 1976. № 1.

⁹ Проблемы современной тюркологии: Материалы Всесоюзной тюркологической конференции, 27—29 сент. 1976. Алма-Ата. 1979.

¹⁰ Данилова А. В., Каримов К., Гаюпов С. И., Атамирзаева С., Сарымсаков Б., Мамаджанов С., Ахмедходжаев И., Ахунова М. 3-я Всесоюзная тюркологическая конференция//Сов. тюркология. 1981. № 1.

¹¹ Фольклор, литература и история Востока: Материалы 2-й Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1984.

¹² Тюркское языкознание: Материалы 3-й Всесоюзной конференции. Ташкент, 1985.

¹³ Вопросы советской тюркологии: Тез. докладов и сообщений, Ашхабад, 10—12 сент. 1985 г. Ашхабад, 1985.

¹⁴ Қормушин И. В., Поцелуевский Е. А., Пюрбеев Г. Ц. 4-я Всесоюзная тюркологическая конференция//Сов. тюркология. 1986. № 6.

¹⁵ Раздел о внешних связях СКТ написан Т. Д. Меликовым.

¹⁶ Обществ. науки. 1981. № 2.

¹⁷ Вестн. Агентства печати «Новости». 1983. 21 марта, № 55.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

М. Т. ТОМАНОВ

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

История языка может быть построена как на атомистическо-диахронной, так и на системно-синхронной основе. В первом случае целью является изучение истории отдельных элементов языковой структуры, во втором случае на передний план выдвигается изучение истории развития языка по периодам, на основе синхронных срезов, причем язык понимается как целостная единая структура. Об этих направлениях исторического изучения языка говорили и классики отечественной тюркологии, в частности П. М. Мелиоранский, отмечавший, что для создания исторической грамматики тюркских языков «необходимо ознакомиться со всеми современными турецкими наречиями, проследить, насколько это возможно, всю двенадцативекую историю турецкого языка вплоть до древнейших доступных нам памятников его, привести в связь и объяснить исторически все встречающиеся и раньше существовавшие в турецком языке фонетические явления, формы и синтаксические конструкции» [1]. И далее ученый подчеркивает, что «современные диалекты сохраняют часто... многие древние формы и слова, не дошедшие до нас в сравнительно новых письменных источниках, и представляют, таким образом, драгоценное, часто незаменимое пособие для понимания и отчасти лингвистического разбора наиболее древних памятников» [1. С. 1]. Подобного рода лингвистический анализ предполагает обращение к сравнительно-историческому методу, применением которого к области казахского языкознания отмечены работы Н. Сауранбаева [2. С. 241—251, 294—302], С. Аманжолова [3] и других, заложившие основы генетической истории казахского языка. В них было доказано наличие определенной связи казахского языка с языками кыпчакско-огузской группы, носители которых некогда обитали на берегах Сырдарьи, Волги и Черного моря, в Крымской степи.

Как известно, принцип системности языковой структуры, утвердившийся в лингвистике XX в., внес коррективы и в историческое языкознание. Так, история языка теперь может быть представлена в качестве истории становления и трансформации составляющих язык систем. При этом для получения подлинной картины исторической жизни языка необходимо совмещение диахронного и синхронного аспектов его изучения, выступающих как взаимодополнительные.

1. Для построения исторической грамматики казахского языка результаты синхронного изучения должны сыграть первостепенную роль и вот почему.

Письменных памятников старины на казахском языке известно немного. Памятники кыпчакского языка, которые принято считать свидетельствами об удаленном в глубокое прошлое этапе истории казахского языка, в большинстве своем относятся уже к послемонгольской эпохе и как раз в языковом отношении неоднородны. К тому же любой памятник, сколь бы ценным он ни был, дает представление лишь об определенном периоде языковой истории, а следовательно, не может послужить основой для создания динамического описания исторической жизни языка. Поэтому результаты синхронного анализа языка, отнюдь не отгороженного от анализа диахронного (синхрония, как известно, вовсе не идентична статике), обретают особую ценность. Синхронное изучение выявляет наличие двух или большего числа синхронных состояний, предполагающих рассмотрение их в историческом аспекте. Приведем в качестве примера некоторые результаты синхронного изучения казахского языка, которые могут быть использованы при составлении его исторической грамматики. В области фонетики и фонологии это так называемое чередование или соответствие согласных звуков: в анлауте — $ж \sim н$ (*жайқал*, *найқал*), $ж \sim д$ (*жалаң*, *далаң*); в ауслауте — $қ(г) \sim й/у$, $к(г) \sim й/у$, $қ/к \sim \emptyset$ (*нуль*), $р \sim з$, $р \sim з \sim й$ (*кетік*, *кету*, *қатық*, *қату*; *кішік*, *кіші*, *көз*, *көр* и т. д.); в инлауте — $р \sim й$, $қ(к) = й/у$ (*тіре*, *тайа*, *бақ*, *байқа* и т. д.).

Для лексического строя современного казахского языка характерно активное использование корневых омонимов типа *соғыс*, *соғыс*, *айтыс*, *айтыс*, являющихся реликтами эпохи, когда грамматическая дифференциация еще не играла присущей ей ныне роли и лексико-грамматическое понимание подобных форм зависело от их синтаксической функции.

К числу морфологических особенностей современного казахского языка относятся формы выражения категории времени глагола типа *барғысы келді*, *барғым келді*, в составе которых употреблены именные аффиксы *-сы*, *-м*, как бы «посторонние» здесь и в известной мере «противоречащие» нынешнему пониманию языковых явлений, согласно которому линии словоизменения глагола и имени представляют собой, каждая в отдельности, самостоятельные сложившиеся системы. В целом же результаты синхронного исследования определяют и направление диахронного изучения грамматической структуры казахского языка.

2. Понятие системности применительно также и к историческому изучению языка предполагает взаимодействие различных уровней языковой структуры: фонетика связана с морфологией, морфология — с синтаксисом, лексика — с морфологией и синтаксисом. Взаимодействие это, в свою очередь, определяет и логику развития языковой структуры, так что изменения, происходящие на одном из ее уровней, неизбежно влекут за собой изменения и на других уровнях языка. При этом качественные изменения, претерпеваемые языковой структурой, зависят от специфики строения языковых уровней. Подвижность лексического состава языка в какой-то мере оказывает влияние на грамматическую и фонетическую системы языка. Лексическое наполнение морфологических категорий, фонетические изменения определяют вариативность слов, морфем, грамматическую омонимию и синонимию языка. В истории казахского языка прослеживаются фонетические трансформации, которые привели к образованию новых форм, обусловивших изменения в системе некоторых морфологических категорий и последовавшую затем семантическую дифференциацию слов и форм. В качестве примера можно привести имена прилагательные типа *жақын*, *жуық*, *жуыс*, *жағыс*, имена существительные типа *қорық*, *алық-берік*, *ұрыс*, *мұздақ*.

Можно предположить, что адъективации и субстантивации подобного рода слова подверглись после оглушения конечного g ($g > k$). Адъективация явилась логическим следствием употребления их в функции определения, тогда как субстантивация — результатом употребления их в функции дополнения. Оба процесса, безусловно, шли параллельно, иначе из одних и тех же форм не образовались бы две разные, хотя семантически и перекликающиеся части речи. Для исторической грамматики казахского языка (да и некоторых других тюркских языков) представляют интерес и временные формы от деепричастий и причастий типа *барыптын* (деепричастие+личные аффиксы) и *баратынмын* (причастие+личные аффиксы), являющиеся стилистическим вариантом характерного для казахского языка правила непосредственного присоединения личных аффиксов к глагольным корням, утвердившегося, на наш взгляд, еще в эпоху образования единого казахского народного языка.

3. Изучение фонетических вариантов в диахронии обуславливается тем, что процессы варьирования происходят на любом уровне языка и на любом этапе его развития. Каждый синхронный срез в перспективе развития языка как бы соединяет прошлое с будущим: он заключает в себе информацию о предыдущем этапе языковой истории и в то же время служит основой последующего языкового состояния. При этом варианты в данном синхронном срезе являются своего рода отражением единства синхронии и диахронии. Варианты на всех уровнях языка функционально дифференцируются или вытесняют друг друга. Иллюстрацией к этому в современном казахском языке являются формы на *-у* и на *-қ*, слова с аффиксами *-қ*, *-к*, слова с ауслатными *р*, *з* и т. д. Фонетические варианты служат и основой образования синонимичных грамматических форм. В современном казахском языке, например, формы на *-лық*, *-лы* и на *-қыр*, *-қыш* образуют синонимичные имена прилагательные. В современном языке многие фонетические варианты так далеко отошли друг от друга, что требуется уже восстановить весь процесс звуковых изменений этого типа. Видоизменяясь, эти формы проникли и в другие части речи, образуя в современном казахском языке целый ряд слов и форм с синонимичными значениями.

Это можно проиллюстрировать на примере слов и форм, различающихся следующими соответствиями:

$p \sim z$; ср.: *сусыра* ~ *сусыз*, где современный аффикс отрицания *-сыз* восходит к именному *-сыр*, элемент *-а* в *-сыра* — глаголообразующий. Таким образом, казахский *-сыз* — это вариант древнетюркского *-гыр(а)* (*қаған+сыр(а)*). Формант *-сыр(а)*, как можно предположить, является сложным образованием, состоящим из двух самостоятельных элементов *-сы* и *-р*. Факты показывают, что семантика отрицания связана с последним. Однако его нельзя отождествлять с *-с* в *-мас* ($> -маз$); *-с* в *-мас* восходит к показателю причастия (или глагольного имени) *-з*;

$p \sim й$; ср.: *тіре* ~ *тайа*, глаголы-синонимы в современном языке, возникшие в результате изменений $p \sim z \sim й$ (в казахском не сохранилось среднее звено ряда с *-з*);

$k(g) \sim й/у$; ср.: *сық* (*г*) ~ *сый*, *сыйым*, первичное значение сохранилось в производном *сығылыс*; ауслатный *г* (а также *g*) во многих словах со значением глагольного имени превратился в *у*, который в современном казахском функционирует как активная форма образования инфинитива (эта функция данной формы — отличительная черта современного казахского языка).

Развитие грамматического строя тюркских языков имело много общего. Различия, проявившиеся в основном в фонетике, в лексике, далеко не всегда приводили к структурным изменениям и в грамматической системе. На основе сравнительного изучения тюркского языкового материала исследователь может установить характерные для казахского языка фонетические отличия в фузии типа $л \sim д \sim т$, $н \sim д \sim т$, оглушение $з$ в ауслауте. Следует отметить также, что оглушение $з$ в ауслауте распространялось не на все слова с финальным $з$. Как следствие $л \sim д \sim т$, $н \sim д \sim т$ в фузии появились варианты аффиксов, которые, в свою очередь, сделали возможными стилистические вариации в современном языке.

Финальный $з$ в результате оглушения в некоторых словах современного казахского языка превратился в отдельное грамматическое средство (показатель множественности) в составе аффикса *-мыз*.

4. Тенденция к изменениям свойственна языковым явлениям, однако не всегда трансформации приводят к преобразованию того языкового типа, которому данное явление соответствует. В истории казахского языка, как и большинства тюркских языков, имело место выделение из группы имен действия ряда форм, превратившихся в имена прилагательные и имена существительные. Некоторые формы из этого ряда в процессе функционирования приобрели значение грамматического времени, пополнив ряд глагольных форм времени. В современном казахском языке, как и в ряде других тюркских языков, установились некоторые общие грамматические характеристики имен прилагательных, существительных и глагола. Это, например, имена существительные типа *ұрғы*, *сүргі*, а также имена прилагательные и существительные, управляющие другими именами и т. д. Однако эти общие для большинства тюркских языков (Севера, Северо-Запада и Юго-Запада) процессы в казахском языке протекали неоднозначно. Так, в составе имен существительных появились слова, управляющие двумя падежами (как и переходные глаголы). Установились временные формы глагола типа: *жазамын*, *оқимын*, *оқыған*, *болдым*, *жазған болдым*, *барғысы келді*, *оқитын*, временные формы, образуемые глаголами *отыр*, *жатыр*, *тұр*, *жүр*, аналитические временные формы типа: *айтқалы отыр*, *тұрғалы жатыр*, аналитические формы типа: *әкел (алып кел)*, *апар (алып бар)* и т. д. К этой группе грамматических форм следует отнести и глаголы с ауслаутным *-т* и др. Система падежей таит в себе структурные особенности, присущие только казахскому языку. Так, в формах окончаний родительного, винительного падежей скрыты признаки бывших систем склонения раннетюркской эпохи, отраженных в языке орхон-снисейских памятников. В системе падежей казахского языка уже в новое время образуется особый, совместно-орудийный падеж, отсутствующий в других современных тюркских языках [4]. Однако эти, можно сказать, частные изменения не привели к преобразованию фонетического и грамматического облика казахского языка, который С. Е. Малов относит к группе «новейших» тюркских языков. С другой стороны, внимание исследователя казахского языка привлечет наличие звукокомплексов *рт*, *нт*, *лт* в двусложных именных корнях, употребление некоторых звонких согласных наряду с твердыми глухими в абсолютном начале слова, что не отражается на семантике слов.

5. Значение диалектных данных для исследований в области исторической грамматики казахского языка очень велико. Не обладая столь глубокой диалектной дифференциацией, как, например, узбекский язык, казахский тем не менее сохранил заметную диалектную

лексико-фонетическую вариативность, приобретающую особую значимость, поскольку устная традиция литературного языка имеет многовековую историю развития. Как показывают данные казахской диалектологии, диалектные расхождения, имеющиеся в современном языке, в основном представляют собой реликты племенных диалектов, превратившихся в территориальные в связи с расселением племен и родов на определенных территориях в эпоху консолидации казахского народа. С другой стороны, диалектные данные могут нести информацию о контактах языка казахской народности и племенных диалектов с другими языками, т. е. являть собой ценное историческое свидетельство.

6. Историческая грамматика не должна ограничиваться регистрацией засвидетельствованных грамматических форм и объяснением их формальных изменений, ибо грамматика любого языка тогда может считаться грамматикой, когда она наряду с описанием форм и их изменений содержит и объяснение их семантики. Одним из основных вопросов исторической грамматики является систематический анализ функционального развития грамматических категорий и семантической наполненности грамматических изменений, происходивших на протяжении всей истории языка. Синонимия и омонимия слов и полисемантность грамматических форм и грамматических конструкций могут быть верно поняты, только будучи рассмотренными с точки зрения их функционального развития. Лишь с этих позиций представляется возможным объяснить, скажем, грамматическое значение временной формы *-р* в современном казахском языке. Разумеется, функциональный анализ грамматических форм подразумевает и исследование функционирования этих форм в парадигматических рядах различного типа. Одним словом, историческая грамматика должна быть и грамматикой функциональной.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. Спб., 1900.

² Сауранбаев Н. Т. Проблемы казахского языкознания. Алма-Ата, 1982.

³ Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959.

⁴ Томанов М. Т. Основные вопросы исторической морфологии казахского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1975.

К. М. АБДУЛЛАЕВ

О СООТНОШЕНИИ СТРУКТУРНОГО И КОММУНИКАТИВНОГО АСПЕКТОВ ДОПОЛНЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Принцип структурной достаточности тюркского предложения вообще и башкирского в частности в свое время был четко сформулирован Н. К. Дмитриевым в его классическом труде «Грамматика башкирского языка»: «...как без двух полюсов не может быть замкнутой электрической цепи, так и без двух логико-грамматических полюсов (субъект и предикат) принципиально не может быть предложения. Таким образом, предложение есть синтез двух величин: подлежащего и сказуемого» [1. С. 202].

В азербайджанском языке, как и в других тюркских языках, структурная достаточность предложения дополняется его коммуникативной достаточностью. При этом на первый план выдвигаются второстепенные члены предложения [2], среди которых особое положение, ввиду своих семантико-содержательных качеств, занимает дополнение [4].

Из азербайджанских языковедов еще М. Казем-Бек, учитывая это качество дополнений, относил их к главным членам предложения наряду с подлежащим и сказуемым. Ср.: 'Бог сотворил свет', где, по М. Казем-Беку, все конституэнты суть главные члены предложения [6. С. 487]. Несколько позже азербайджанские языковеды стали включать дополнение только в разряд второстепенных членов предложения (М. Афшар, М. А. Везиров, Ю. Талыбзаде и др.).

И лишь спустя много лет А. Демирчизаде в своей теории членов предложения начал рассматривать дополнение (как и подлежащее) в качестве важнейшего конституирующего члена предложения [7. С. 15]. Естественно, что автор исходил из функционально-коммуникативной направленности дополнений в составе предложения.

Действительно, функционально-коммуникативная значимость дополнений в структуре предложения не позволяет рассматривать их в одном ряду с такими второстепенными членами предложения, как определение и обстоятельство. Так, в определенном функциональном аспекте дополнение проявляет себя как главный член предложения [8. С. 45, 65]. Подобное явление особенно наглядно демонстрируется, если в составе предложения имеется переходный глагол-сказуемое. Как известно, в предложении переходный глагол-сказуемое для реализации своего семантического объема требует наличия прямого дополнения и вступает с ним в тесную семантико-грамматическую связь. Ср.: (1) *Мән еви кәүрүрәм* 'Я вижу дом (конкретный дом)'; (2) *Араз мәктүб јазыр* 'Араз пишет (конкретное) письмо'.

В приведенных примерах именно благодаря наличию прямого дополнения определенная коммуникативная полнота предложения достигается наряду с полнотой структурной (ср. положение Н. К. Дмитриева). С этой точки зрения нельзя безоговорочно принять, например, следующую мысль В. С. Храковского (хотя в общем он очень верно определяет роль прямого дополнения в структуре предложения с переходным глаголом): «В структуру предложения с переходным глаголом в качестве обязательного элемента входит прямое дополнение. Изъятие прямого дополнения ликвидирует целостность структуры, ср.: *Ребенок открыл дверь* → *Ребенок открыл...*» [9. С. 190].

Мы уже отметили, что структурная целостность и коммуникативная полнота предложения взаимно дополняют друг друга. И, как показывает, например, материал азербайджанского языка, наличие или отсутствие прямого дополнения не может непосредственно влиять на целостность структуры предложения. Наличие или отсутствие прямого дополнения заметно влияет именно на коммуникативную полноту предложения.

Так, в предложениях (1) и (2) эксплицитное выражение прямых дополнений конкретизирует весь содержательный комплекс предложений, благодаря чему достигается определенная коммуникативная полнота. В предложениях с переходным глаголом типа *Ребенок открыл...* (ср. азерб.: *Мехди...охујур*) эллипсирование прямого дополнения также не разрушает структурную целостность, хотя восприятие может быть альтернативным ввиду омонимичности глагольной формы: *Мехди охујур* → 1) *Мехди маһны охујур* 'Мехти поет песню'; 2) *Мехди китаб охујур* 'Мехти читает книгу'.

Вообще, следует отметить, что переходные глаголы-сказуемые вносят в содержательную структуру двучленного нераспространенного предложения сильную энтропию, так как лексическая валентность включает максимальное количество лексических единиц. Ср.: *Мән көрүрәм* 'Я вижу', где переходный глагол-сказуемое может соотноситься с огромным, по существу, неограниченным количеством прямых дополнений (объектов). Обычно эти глаголы-сказуемые выступают как слова с релятивными значениями, которые «нуждаются в восполнении, без восполняющих слов смысл их недостаточен» [10. С. 46]. Восполнение же производится посредством конкретно выраженного прямого дополнения.

В азербайджанском предложении в качестве главного члена предложения в коммуникативном плане наряду с прямым дополнением выступает в определенном смысле и косвенное дополнение, т. е. в азербайджанском языке структура предложения предполагает функционально почти равноправное включение и косвенного, и прямого дополнения. Естественно, при этом приходится фиксировать семантическую неполноту у непереходных глаголов. Некоторые непереходные глаголы в определенной степени сохраняют свою функциональную самостоятельность, так как действия, передаваемые этими глаголами, производятся непосредственно субъектом, и включение объекта в структурном и коммуникативном плане представляется факультативным. Ср.: *О евдә јатыр* 'Он спит дома'; *О сәһә јалварыр* 'Он умоляет тебя'; *О ој-најыр* 'Он танцует' и т. п.

С другой стороны, подобная относительная самостоятельность непереходного глагола обуславливает и относительную самостоятельность косвенного дополнения. Таким образом, если быть до конца последовательным, то в качестве самостоятельного главного члена пред-

ложения в коммуникативном плане следует брать дополнение в целом, а не тот или иной его тип.

Что же определяет семантическую неполноту глагола-сказуемого, вследствие которой оно требует конкретного семантического восполнения? Каким образом дополнение оказывается средством, устраняющим семантическую неопределенность глагола-сказуемого, с одной стороны, и коммуникативную неполноту целого предложения — с другой?

Как нам представляется, глагол оказывается семантически неполным и требует обязательного восполнения в том случае, когда в структуре предложения данный глагол-сказуемое в принципе может соотноситься с несколькими объектами-дополнениями. Чем больше потенциальных объектов-дополнений, тем меньше у глагола-сказуемого этого предложения семантической полноты, чем сильнее валентность глагола, тем больше он нуждается в семантической полноте.

Рассмотрим следующие случаи:

1) переходные глаголы-сказуемые в составе коммуникативно неполного предложения: *Мехди (маһны, ма́руза, роман...) оху́йур* 'Мехти поет (песню), читает (лекцию, роман...)' ; *О (ма́ктуб, ше́р, роман...) јазыр* 'Он пишет (письмо, стихотворение, роман...)' ; *Араз (ма́ктаби, еви, дағы...) көрүр* 'Араз видит (школу, дом, гору...)' ;

2) непереходные глаголы-сказуемые в составе коммуникативно неполного предложения: *О (ма́на, му́аллимә, атасына...) јалварыр* 'Он умоляет (меня, учителя, отца...)' ; *Араз (ма́ктаба, баға, да́рнаја...) кедир* 'Араз ходит (в школу, в сад, в кружок...)' ; *Мехди (да́рсә, ишә, ева...) тәләсир* 'Мехти торопится (на занятия, на работу, домой...)' .

Как видно, и переходные и непереходные глаголы-сказуемые в семантическом плане могут требовать несколько, а иногда и неограниченное количество объектов, что свидетельствует об их семантической неполноте при употреблении без объекта-дополнения.

В азербайджанском языке семантическая неполнота определенного глагола-сказуемого может быть восполнена как косвенным, так и прямым дополнением. Возможность взаимозамены косвенного и прямого дополнений указывает на то, что глагол-сказуемое для полноты реализации своей семантики нуждается в дополнении вообще. Ср.: *китабы охудум* '(я) книгу прочел' и *китабда охудум* '(я) в книге прочел'.

В определенных случаях не имеет значения и специализация конкретного косвенного падежа. Ср.: *китабы бураја гој* 'положи книгу сюда' ; *китабы бурада гој* 'положи книгу здесь'.

Аргументом для зачисления дополнения в число главных членов предложения служит и соотносительность его с подлежащим в составе предложения, — дополнение может быть рассмотрено как потенциальное подлежащее.

В процессе исторического становления предложение содержало обозначения объектов, не оформленные падежным окончанием, а следовательно, не различающиеся морфологически. Более древний вариант современного предложения *Әһмәд ма́ктаба кетди* 'Ахмед ушел в школу' будет *Әһмәд ма́ктаб кет(мак)*. (Возможно, языковое сознание оперирует именно такими словами-представлениями). В этом состоянии субъект не выделяется формально, т. е. мы не располагаем точными сведениями о подлежащем. Подлежащее выделяется логическим ударением, а также контекстом, ситуацией. Предположим, что субъектом-подлежащим в данном наборе слов-представлений выбран не *Әһмәд*, а *ма́ктаб*. В этом случае предложение в целом для передачи того же логико-содержательного, информативного комплекса изменяет свои грамматические параметры: **Ма́ктаб Әһмада*

кедилди. Как видим, здесь структура глагола-сказуемого подвергается изменению — из активной она превращается в пассивную.

Появление в предложении под влиянием логического ударения и контекста субъекта-подлежащего обуславливает почти одновременное оформление и объекта-дополнения, так как формально субъект сам по себе не выделяется, — для этого нужен обязательный объектный фон (эксплицитный или имплицитный). По словам С. Д. Кацнельсона, «в принципе любой аргумент может занять позицию субъекта» [11. С. 116; 12].

В функции подлежащего может выступить как прямое, так и косвенное дополнение, что указывает на несомненное генетическое родство этих синтаксических величин. Ср.: прямое дополнение в *S* (субъект) *маһны охујур* '*S* поет песню' и трансформация этого прямого дополнения в подлежащее: **Маһны S-ә охунур*. Косвенное дополнение также трансформируется в подлежащее: *S дәрсә кечикир* '*S* опаздывает на урок'—*Дәрс (дәрс отағы) S-ин кечикдији јердир* 'Место урока—это место, куда *S* опаздывает'; *S евә гачыр* '*S* бежит домой'—**ев S-ә гачылып*.

При трансформации косвенного и прямого дополнений в подлежащее, как мы уже отметили, активная конструкция предложения замещается пассивной, глагол-сказуемое ставится в пассивном залоге (исключение составляют трансформации в конструкции с именным сказуемым).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.

² Ср.: «Со стороны смысловой значимости второстепенные члены могут быть отнюдь не второстепенными компонентами предложения» [3. С. 151].

³ Скобликова Е. С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. М., 1979.

⁴ О. И. Москальская считает одинаково уязвимыми попытки как определения структурной достаточности только двумя членами, так и расширения состава «модельобразующих компонентов (необходимых членов модели)» исходя из коммуникативного содержания предложения [5. С. 23].

⁵ Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.

⁶ Казем-Бек М. Грамматика турецко-тагарского языка. Казань, 1839.

⁷ Дәмирчибадә Ә. Мүасир Азәрбајҹан дили: Чүмлә үзвләри. Бақы, 1947.

⁸ Мещанинов И. И. Структура предложения. М., 1968.

⁹ Храковский В. С. Проблема доминанции членов предложения и система абстрактных синтаксических структур//Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.

¹⁰ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

¹¹ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

¹² Аргументами в изложении С. Д. Кацнельсона являются объекты, готовые стать грамматически подлежащими и дополнениями.

В. С. ХРАКОВСКИЙ

ТЮРКСКИЙ ЗАЛОГ С ПОЗИЦИЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ДИАТЕЗ И ЗАЛОГОВ

В современной тюркологии имеется много работ, посвященных залоговой проблематике (см., напр.: [1. С. 100—121; 2. С. 59—63; 3. С. 3—11; 4. С. 269—324]). Наиболее полно в этих работах обсуждаются две важные теоретические проблемы: определение залога и состав залоговых форм.

В данной статье мы рассматриваем тюркский материал исходя из универсальной концепции диатез и залогов, которая нацелена на построение эксплицитных, непротиворечивых, типологически сопоставимых описаний категорий залога в различных родственных и неродственных языках. Теоретические положения этой концепции, выдвинутой в начале 70-х годов, неоднократно проверялись и уточнялись, в частности на материале тюркских языков [5. С. 273—288; 6. С. 13—24].

Рабочая гипотеза, на которую опирается данная концепция, заключается в следующем. Любой глагольной лексеме свойственна такая ролевая структура, которая остается постоянной в любой ее словоформе, обеспечивая тем самым неизменность этой лексемы. В то же время каждому синтаксическому употреблению лексемы соответствует определенная конструкция предложения, а это значит, что синтаксическое окружение различных, а иногда одной и той же словоформы данной глагольной лексемы есть величина переменная.

Специфическая особенность концепции заключается в том, что благодаря ей в научный оборот было введено понятие диатезы, отличное от понятия залога. Диатезу любой глагольной словоформы в любом предложении можно определить как соответствие между совокупностью элементов семантической структуры, свойственной лексеме данной глагольной словоформы, и совокупностью элементов синтаксической структуры, входящих в окружение данной глагольной словоформы (ср.: [7. С. 82]).

От понятия диатезы легко перейти к понятию залога и определить его как «грамматически маркированную в глаголе диатезу» [8. С. 284]. Иными словами, о залоге следует говорить в том случае, если в языке есть определенное количество глагольных лексем, которые представлены формально различными словоформами, соотнесенными с определенными диатезами.

Таким образом, в рассматриваемой концепции понятие диатезы является семантико-синтаксическим и универсальным, — любая глагольная лексема в любом языке имеет, по меньшей мере, одну диатезу; понятие же залога, будучи морфологическим, является неунивер-

сальным, — не любая глагольная лексема и не в любом языке имеет хотя бы две формально отличные друг от друга словоформы, которые соотносятся с разными диатезами.

Как известно, в тюркологии к категории залога по традиции относят немаркированные формы действительного, или основного, залога (актива) и маркированные формы страдательного залога (пассива), возвратного (рефлексива), взаимно-совместного (реципрока) и понудительного (каузатива) (ср.: [4. С. 269]). Анализ тюркского материала с позиции концепции диатез и залогов позволяет считать, что в тюркологии термин «залог» используется для объединения разнородных семантических явлений, которые не сводятся к общему знаменателю и не являются частными значениями одной грамматической категории. Тем самым мы солидаризируемся с точкой зрения, согласно которой «в тюркских языках каждая форма, именуемая залоговой, выражает самостоятельную категорию (смысловую структуру ее образует оппозиция соответствующей формы и формы действительного залога), и о залоге в общем смысле можно говорить лишь условно, считаясь с соответствующей грамматической традицией» [1. С. 104].

Обосновывается такое решение, прежде всего, отмечаемой в литературе сочетаемостью различных залоговых показателей (как нерегулярной, так и регулярной), что было бы невозможно, если бы речь шла о показателях одной грамматической категории. Попарная сочетаемость всех залоговых показателей представлена в таблице.

1-й показатель \ 2-й показатель	Каузатив	Реципрок	Пассив	Рефлексив
Каузатив	(1) +	(2) +	(3) +	(4) +
Реципрок	(5) +	(6) (+)	(7) (+)	(8) (+)
Пассив	(9) (+)	(10) (+)	(11) —	(12) (+)
Рефлексив	(13) +	(14) +	(15) (+)	(16) —

Примечание: Знак «+» означает сочетание залоговых показателей, при котором каждый из них сохраняет собственное залоговое значение, а знак «(+）」—такое сочетание, когда как минимум один показатель утрачивает свое залоговое значение; знак «—» указывает на отсутствие сочетания, что может интерпретироваться либо как запрет, либо как лакуна в эмпирическом материале.

Рассмотрим данные таблицы на примерах: (1) чуваш. *лар-т-тар-* 'заставить посадить', (2) узб. *син-дир-иш-* 'ломать вместе', (3) кирг. *кэл-тир-ил-* 'быть принесенным', (4) якут. *оргу-т-ун-* 'кипятить себе', (5) кирг. *бел-үш-түр-* 'заставить совместно распределить', (6) якут. *бар-с-ыс-* 'идти вместе', (7) узб. *кел-иш-ил-* 'быть согласованным', (8) караим. *кел-иш-ин-* 'соглашаться', (9) башк. *күм-ел-дер-* 'погружать (в воду)', (10) каз. *шом-ил-ис-* 'купаться вместе', (12) ног. *сат-ил-ин-* 'продаваться', (13) хакас. *тар-ан-дыр-* 'заставить расчесываться', (14) тофал. *һаакта-н-ыш-* 'кататься на лыжах совместно', (15) караим. *кёр-юн-юл-* 'показаться'.

Анализ таблицы позволяет сделать следующие выводы: 1) нет ни одного залогового показателя, который не сочетается хотя бы с одним из других залоговых показателей; 2) наиболее широкая сочетаемость и в

первой и во второй позиции характерна для показателя каузатива; 3) наиболее узкой сочетаемостью характеризуется показатель пассива, который, занимая первую позицию, обычно утрачивает свое залоговое значение; 4) показатель каузатива — единственный залоговый показатель, который, редуцируясь, сохраняет свое залоговое значение как в первой, так и во второй позиции.

При всех различиях в сочетаемостных потенциях залоговых показателей (что требует своего истолкования) ясно одно — категории залога, включающей пять залоговых форм, в тюркских языках нет [1. С. 104]. Однако простой констатации этого факта явно недостаточно. Необходимо не только показать, какие формы составляют залоговую оппозицию, но и соответствующим образом квалифицировать те формы, которые в эту оппозицию не входят.

В соответствии с концепцией диатез и залогов, которая в этом отношении не расходится с лингвистической традицией, категорию залога образует немаркированная форма актива и маркированная форма пассива. Этим формам свойственны разные (прямая и обратная) диатезы одной глагольной лексемы. Формальное отличие производной пассивной конструкции от соотносительной активной состоит в том, что в ней субъект не занимает центральной синтаксической позиции подлежащего, в которую перемещается объект. Что касается субъекта, то он в пассивной конструкции либо занимает факультативную позицию субъектного (=агентивного) дополнения, либо вообще не обозначается: тат. *Мәктәп директоры инспекторны көтә* 'Директор школы инспектора ожидает' → (*Мәктәп директоры тарафыннан*) *инспектор көтелә* '(Директором школы) ожидается инспектор' (ср.: [4. С. 269]).

Итак, мы не согласны с недавно высказанной точкой зрения, в соответствии с которой немаркированная форма актива в принципе выводится за пределы категории залога, поскольку она «лишена ожидаемого залогового значения» [2. С. 62]. Наша аргументация сводится к следующему: если эта форма незалоговая, то незалоговой должна быть и форма пассива. Данный вывод следует из того, что любая грамматическая категория реализуется в оппозиции как минимум двух категориальных форм; другой формы, кроме как формы актива, которая могла бы образовывать содержательно толкуемую оппозицию с формой пассива, в тюркских языках как будто бы нет.

Проанализируем оппозицию типа кирг. *тоноо-* 'грабить' → *тоно-т-* 'заставить грабить', в которой производная форма традиционно считается залоговой формой каузатива. С нашей точки зрения, данная оппозиция является словообразовательной. Содержательным основанием для этого утверждения служит то обстоятельство, что исходный некаузативный глагол и производный каузативный глагол имеют разные толкования. В толкование каузативного глагола дополнительно входят актант-каузатор и каузативный предикат, который является вершинным в семантической структуре глагола. Иными словами, исходный некаузативный глагол и производный каузативный глагол представляют собой разные лексические единицы. Именно по этой причине и тот и другой могут присоединять показатель пассива. Ср.: узб. *тер-* 'собирать', *тер-ил-* 'быть собранным', *тер-дер-* 'заставить собирать', *тер-дер-ил-* 'заставить быть собранным'.

Каузативное значение является словообразовательным еще и потому, что не составляет взаимоисключающей оппозиции со значением непроизводного глагола. Значения непроизводного и производного глаголов образуют привативную оппозицию. Это значит, что непроизводный глагол, у которого нет каузативного показателя, может быть семан-

тически каузативным. Сравним в этой связи глаголы, образующие следующую цепочку: чуваш. *пар-* 'дать' → *пар-тар-* 'велеть дать'. Семантически каузативным здесь является не только производный глагол, в состав которого входит каузативный показатель, но и непроизводный, что следует из его толкования. Действительно, выражение *X* дает *У-у Z* толкуется как *X* каузирует *У-а* иметь *Z*. Если бы оппозиция значений непроизводного и производного глаголов была не словообразовательной, то эти значения должны были бы быть взаимоисключающими, однородными.

Принципиальная особенность каузативной словообразовательной деривации в тюркских языках, сближающая ее со словоизменением и формообразованием, заключается в ее регулярности, т. е. в отсутствии каких-либо эксплицитно формулируемых запретов на образование производных каузативных глаголов.

Вывод о том, что каузативные показатели в тюркских языках являются словообразовательными, для тюркологии, где нередко всю залоговую деривацию относят к сфере словообразования ([9. С. 110], ср.: [4. С. 270]), не нов. Существующая в тюркском языкознании тенденция различать каузативные глаголы с грамматической и лексической семантикой [1. С. 120] в связи со сказанным вряд ли оправданна, поскольку любой каузативный глагол представляет собой самостоятельную лексическую единицу, которая в силу этого выступает в словаре как отдельная единица.

Отнесение каузативной деривации к сфере словообразования позволяет естественным образом истолковать как словообразовательные деривационные цепочки типа чуваш. *вил-* 'умереть' → *вел-ер-* 'убить' → *вел-ер-ттер-* 'велеть убить'.

Подведем итоги. Категорию залога в тюркских языках образуют взаимоисключающие друг друга формы актива и пассива. Что касается форм каузатива или, точнее, каузативных глаголов, то они образуют с исходными глаголами словообразовательную привативную оппозицию.

Вне рассмотрения остались формы рефлексива и реципрока, которые вместе с исходными глаголами образуют категорию референтности [10. С. 38].

В заключение выражаю глубокую признательность Д. М. Насилову и Т. Садыкову, советами которых я воспользовался при написании данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (глагол). Л., 1981.
2. Гузев В. Г. Проблемы основного и медиального залогов в функциональном аспекте // Сов. тюркология. 1984. № 5.
3. Он же. О значениях взаимного и понудительного залогов // Сов. тюркология. 1985. № 4.
4. Юлдашев А. А. Категория залога // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М., 1988.
5. Исхакова Х. Ф. Диатезы и залогов в татарском языке // Типология пассивных конструкций. Л., 1974.
6. Летягина Н. И., Насилов Д. М. Пассив в тувинском языке // Сов. тюркология. 1974. № 1.
7. Успенский В. А. К понятию диатезы // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
8. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
9. Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. М.: Л., 1941.
10. Храковский В. С. Диатеза и референтность // Залоговые конструкции в разнотипных языках. Л., 1981.

В. В. ХОВРАТОВИЧ

СЕМАНТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕННИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Традиционное толкование местоимений исходит из того, что местоимения — это слова-указания, которые не значат, а указывают на значимое, определяемое знанием ситуаций [1. С. 59]. В современных исследованиях выдвигается мысль о том, что значение местоимений не более изменчиво, чем значение остальных слов; своими денотативными особенностями оно обязано своей семантической специфике, которая не сводится только к характеристике актанта ситуации через его отношение к акту речи [2. С. 79].

Для понимания местоименного значения следует учитывать некоторые положения теории лексического значения. Знаменательные слова делятся на предметные и признаковые. Предметное имя семантически двойственно: оно обладает способностью к денотации (называет объект наименования) и выражает смысл, сигнификат (способ представления предмета). Денотат — результат чувственных восприятий обозначаемого данным именем, типизированное представление о целом классе предметов или свойствах, состояниях, отношениях предметов [3. С. 133]. В речевом акте денотация может быть раскрыта через понятие референции (соотнесенности) имени и объекта речемыслительного акта. Референт — конкретный реальный предмет, манифестируемый в речевых актах [3. С. 133]. В высказывании, т. е. при актуализации в плане референции, слово может: 1) иметь референт—индивидуализированный в речи объект (*Врач уже ушел*), 2) не иметь референта (*Надо вызвать врача*), 3) передавать универсальное множество (*Врач — помощник в воспитании детей*), 4) не соотноситься с объектами, передавая лишь свойство в предикате (*Иван Иванович—врач*) [4. С. 15]. Типы слов определяются соотношением его денотативного и сигнификативного компонентов.

Местоименное значение так же подлежит семантическому анализу, как и знаменательные слова. В фундаментальном разграничении слов по семантике и сфере функционирования на разряды знаменательных и служебных слов местоимения относят к группе неопределенных с различными функциями—актуализирующей, заместительной, дейктической и т. д., которые обслуживают исключительно область актуальной речи [3. С. 40]. Однако в группе местоимений выделяется также категория общих неопределенных имен, которые имеют неназывную специфику, но в силу своей семантики не могут быть отнесены ни к полно-

значным, ни к служебным словам [3. С. 97]. Неопределенные местоимения соотносятся в речи с денотатами предметного класса, указывая в самом общем виде на характер денотата (принадлежность к классу «человек» или «предмет»).

Референция местоименного слова актуализирует речевые характеристики объекта—конкретность, обобщенность и пр. Референциальный характер местоимения может быть **разный**: одни исходно связаны с референтом (например, личные местоимения 1—2-го лица), другие не соотнесены с индивидуализированным объектом, а указывают на некоторое множество (например: *какой-нибудь*). Способность местоимения дать информацию о свойствах объекта с точки зрения параметров речевого акта получила название уровня характеристики объекта [2] и рассматривается как компонент его значения. В близком значении употребляется также понятие денотативного статуса — единичный, индивидуализированный (*этот, тот же самый*), универсальное множество (*каждый, всякий*), единичный из неопределенного множества (*какой бы то ни было*) и др. [4. С. 19].

Признавая, что местоимения имеют значение и, следовательно, соотносены с другими местоимениями в парадигматическом ряду, следует согласиться с мыслью, что анализ семантической структуры местоимений как системы форм языка, замкнутых в пределах самой этой системы, не дает достаточного представления об их функционировании в речи [5. С. 22].

«Рассматривая местоимения, мы должны заниматься проблемами соотношения высказывания и его частей с действительностью — с объектами, событиями, ситуациями, положениями вещей в реальном мире» [6. С. 133]. Референция в полном ее объеме характеризует не предложение, а высказывание: референция осуществляется говорящими в речевом акте. Поэтому основные проблемы референции—это проблемы механизмов и средств актуализации предложения, включенного в речевой акт и превращенного в высказывание. Актуализация осуществляется с помощью местоименных и артиклетоподобных элементов в составе именной группы, а также категорий времени, вида и наклонения в составе глагольной группы.

Объектом анализа в настоящей статье являются неопределенные местоимения-заместители (*bir kimse—biri/birisi* ‘кто-то’, ‘кто-нибудь’), маркированные по денотативному элементу предметного имени класса «человек» (и в этом значении противопоставленные НМ со значением отнесенности к миру неодушевленных предметов — *bir şey* ‘что-то’, ‘что-нибудь’), и местоимения-актуализаторы (*bazı—kimî* ‘некоторые’) — не различающие в своем значении одушевленные и неодушевленные объекты предметного класса.

НМ-заместители: *kimse, bir kimse, biri, birisi*. Хотя они и соответствуют по смыслу русским НМ *кто-то, некто, какой-то человек, кто-нибудь* и т. п., их семантика и функции имеют свою специфику, которую и надлежит уяснить.

Как уже указывалось, в значение (*bir*) *kimse, biri* (*si*) входит: 1) указание на денотат, принадлежащий к классу «человек», 2) информация об «уровне характеристики», которую можно определить как неидентифицируемость, отсутствие связи с антецедентом (объектом, уже известным из ситуации и контекста) или семантически значимый отказ от идентификации (говорящий мог бы идентифицировать объект, но это не входит в иллокутивный акт (коммуникативное намерение говорящего)).

Указанное значение в актуализируемом высказывании реализуется

в переменных компонентах значения, которые зависят от ситуации и контекста:

1) референтная соотнесенность/ее отсутствие.

Референтная соотнесенность, или дейктическая функция отнесенности от субъекта речи к референту, имеет место при визуально-аудитивном или ином чувственном восприятии актанта ситуации (*biri, birisi* 'некто, чувственно воспринимаемый'; *bir kimse* в этой ситуации не употребляется). Референтная соотнесенность имеет место и при нежелании говорящего идентифицировать объект;

2) конкретность/абстрактность объекта мысли и речи: конкретность в значении единственности актанта для данной ситуации, ср.: *biri suya düşse ne uaracak*:п 'Если (ты видишь, что) кто-нибудь /кто-то/ упадет в воду, ты что будешь делать?' или *burada bir kimse varmı?* 'Здесь есть кто-нибудь?'; обозначение абстрактного представителя определенного множества (*şiiir yazacak bir kimse* 'кто-нибудь, кто пишет стихи').

НМ *bazı—kimi (kimisi)* выступают как кванторные актуализаторы, т. е. содержат в себе указание на некоторое неопределенное множество, немаркированное по признаку одушевленности.

Интересующие нас неопределенные местоимения исследователи относят к кванторным местоимениям, т. е. выражающим денотативный статус. Эти местоимения делятся на следующие (референциально-семантические) разряды: 1) местоимения неизвестности (например, *какой-то*), отсылающие к объекту, который неизвестен говорящему; 2) слабоопределенные (*один, кое-какой, некоторый*), отсылающие к объекту, который известен говорящему, но неизвестен слушающему; 3) экзистенциальные, которые не индивидуализируют объекты (*какой-нибудь*); 4) универсальные, которые употребляются в утверждениях, касающихся всех объектов некоторого класса (*всякий*); 5) отрицательные, которые употребляются в предложениях, отрицающих наличие данного свойства у всех объектов какого-то класса (*никакой*); 6) вопросительные местоимения, которые помимо своей собственно местоименной функции выражают также иллюкутивную функцию вопроса, т. е. имеют особое прагматическое назначение [6. С. 134].

Как указывалось, общим для (*bir*)*kimse—biri(si)* является их принадлежность к классу имен, обозначающих людей: это всегда *некто*, противопоставленный типу *нечто* (*bir şey*), всегда неидентифицируемый. Кроме того, рассматриваемые единицы имеют общее указание на актант, единичный и неопределенный, с немаркированной референцией. Эта общность, однако, не делает (*bir*) *kimse—biri(si)* синонимами, их разграничение происходит в условиях, которые определяются прагматическими параметрами речевого акта, в частности такими, как:

а) вхождение актанта в поле зрения всех участников акта коммуникации или только одного из них: *Bak, avluda biri duruyor* 'Смотри, во дворе кто-то стоит', но: **bak, bir kimse duruyor*;

б) коммуникативное намерение говорящего, цель сообщения: *bir kimseyi çağır* 'Позови кого-нибудь', но: **birini çağır* (только в значении *одного из них*);

в) обусловленность временной перспективой события (например, отнесение событий в плоскость прошедшего или будущего) или модальностью высказывания: *dün bana biri geldi* 'Один человек (букв.: *некто*) приходил ко мне вчера'; для передачи этого смысла невозможно **dün bana bir kimse geldi*, но: *Yarın bana biri gelecek* 'Завтра ко мне один человек придет' — при невозможности **yarın bana bir kimse gelecek*;

г) фактор интереса к фиксации актанта (при его отсутствии — его

сиятие): biri kapıyı çaldı 'Кто-то постучал в дверь'—kapı çalındı 'В дверь постучали';

д) фактор интереса к идентификации в последующей речи. Если вводимый неопределенный индивид в дальнейшем раскрывается и индивидуализируется, используется biri. Это происходит чаще в повествовании, особенно художественном. Ср.: ...yorgun gözler uzaktan yaklaşıcak arabaları bekliyorlar. Biri iniyor arabadan, bağıriyor: «Üç kişi, adam başı beş bin...» (Yalçın Çakır) '...уставшие глаза ожидают машины, которые подъедут издалека. И вот один выходит из машины и выкрикивает: «Три человека, на каждого—5 тыс.» или: Gemiye girince karşısına biri çıkmış: «Yemekleri ayrı ayrı mı ödersiniz?...» (Jerom—A. Nesin) 'Как только он вошел на судно, к нему вышел некто и сказал: «Вы будете платить отдельно?»';

е) акцентирование индивида (biri) в противоположность bir kimse: в последнем для говорящего на первом плане событие с его неопределенным актантом, а не сам актант. Ср.: Bugün de yalnız dişten ekmek parasını çıkarıyor. Birinin dişi ağırırsa gider, o da gereken yardımı eder (A. Çehov—S. Lunel) 'Теперь только зубами и кормится. Чуть у кого заболит зуб, тот к нему и идет' при Türkiye'de bir kimsenin parlamento üyesi olmak için sadece Anayasa ve kanunlarda gösterilen şartları yerine getirmesi yeterli değildi (Belgelerle Türkiye) 'Для того, чтобы кому-нибудь в Турции стать членом парламента, недостаточно было только выполнять законы конституции'.

По-видимому, kimse сложилось как лексикализация предложения kim ise не→kimsene//kimesne→kimse, состоящего из вопросительного местоимения в функции обобщения и условной формы глагола *быть*, букв.: 'кто ни есть—такой (есть)'→кто-либо//кто-нибудь, т. е. в истоках kimse лежит идея обобщения, принадлежности к классу людей, и исходно kimse имело, вероятно, значение: 1) любой из людей, 2) нерасчлененная группа людей, т. е. любое нерасчлененное множество. В дальнейшем возникли, по-существу, две формы: kimse и bir kimse. В последней четко выявилось обозначение единичного неопределенного (нереферентного, т. е. неиндивидуализированного) индивида, которое противопоставлено kimseler 'некие люди'.

В сложении biri проявилась другая тенденция: исходно здесь выступала идея единичности (bir 'один'), которая через значение принадлежности к определенному множеству (*один из*) привела к выдвижению на первый план значения неопределенного индивида: один из неопределенного множества — некто, кто-то. Первичная функция *один из определенного множества* проявляется только в условиях контекста: Beni görünce bu iki zorbadan biri kaçtı, öbürünü bileğinden kavradım (A. Nesin) 'Увидев меня, один из тех двух насильников убежал, другого я схватил за руку'.

Вместе с тем существует и неопределенное местоимение — birisi, у которого, как указывается в грамматиках [2], лишь одно значение — неопределенного индивида. Таким образом, следует выявить разницу также между biri и birisi.

Рассмотрим перечисленные единицы подробнее.

Kimse

В изолированном виде kimse не разграничивает два содержащихся в нем значения: 1) указание на неопределенный нереферентный индивид (*некто, какой-то человек*) и 2) указание на любого представителя неопределенного множества (*какой-нибудь, какой-либо*).

В речевом акте указанные значения *kimse* реализуются в сочетании с актуализаторами, которые с *kimse* образуют именные группы (ИГ). Важнейшими из них являются: 1) *bir* в функции неопределенного артикля, 2) аффиксы принадлежности, 3) определения, в состав которых входят причастия и глагольные имена *-dik*, *-acak*, 4) другие местоимения-актуализаторы (например, *bazı*).

Изолированное употребление *kimse* отмечается в основном в отрицательных предложениях с актуализацией отрицательного значения актанта ситуации: *kimse göğmedim* 'Я никого не видел'. Общий отрицательный смысл ситуации нейтрализует указанные выше два значения *kimse*: неопределенной единичности и обобщенности актанта, принадлежности его к неопределенному множеству. Однако разграничение этих значений осуществляется через синтаксическую структуру: если *kimse* выступает как носитель обобщенности, он оформляется винительным падежом, если в отрицательном предложении акцент лежит на отрицании самого события, в котором *kimse* не несет идею обобщения всех возможных индивидов данного класса, то употребляется основной падеж [7. С. 434]. Ср.: *kimseyi aramıyordum* 'Я никого не искал' (отрицается любой представитель и множество в целом) и *kimse göğmedim* 'Я никого не видел' в значении 'Я не видел кого-либо (какого-нибудь индивида)'.

В синтаксических конструкциях, в которых это разграничение не передается синтаксическими средствами, например, в случае субъектной позиции *kimse*, нейтрализуются указанные выше значения. Например, *kimse inanmıyog bana* 'Никто мне не верит'/'Мне никто не верит' = 1) 'Все мне не верят'//2) 'Мне не верят'; *Ben kimseden oç almak istemiyogum* 1) 'Я никому не собираюсь мстить'//2) 'Я не собираюсь мстить кому-либо'.

Акцент на отрицании актанта может подкрепляться отрицательным местоимением *hiç*, являющимся в турецком языке персидским заимствованием. Ср.: *Hiç kimseyi yolundan çevirmek istemem* (Anday) 'Я никого не хочу сбивать с пути'.

То же неразличение значений в изолированной форме *kimse* отмечается в вопросительных предложениях. Ср.: *Benden önce kimseyle konuştunuz mu?* (Anday) 'Вы до меня с кем-нибудь говорили?'; *Doğru söyle ağzından bir şey kaçırdın mı kimseye?* (Anday) 'Скажи правду, ты кому-нибудь обмолвилась (об этом?)'. *Kimse* в данных предложениях не раскрывает, имеется ли в виду некий неопределенный индивид или вообще любой из некоего множества, а тем самым и само это неопределенное множество (о тех, кому можно рассказать).

Именные группы с *kimse*

1) *bir kimse*. В *bir kimse* акцентируется значение неопределенного референтного индивида. *Kimse* лишено конкретности, поэтому, когда для участников ситуации неопределенный индивид в силу каких-либо условий (например, непосредственности восприятия) приобретает референтность, употребление *kimse* невозможно. Так, ситуация: «Ко мне вчера заходил некто» не может быть передана с участием *bir kimse*, поскольку в этом случае *некто* имеет для говорящего вполне определенную референтную привязанность и конкретность.

Ситуация запланированного действия, которое реально и утверждается говорящим как истинное, также исключает употребление *bir kimse*: **bugün bana bir kimse gelecek*—для смысла 'Ко мне сегодня кто-нибудь придет'.

Отсутствие конкретности (возможности идентификации) в значе-

нии *bir kimse* проявляется в высказываниях определенного модального типа, прежде всего в вопросительных предложениях. Ср.: *Bir kimseyi mi bekliyorsun?* Для говорящего *bir kimse* в этом случае нереферентно, неопределенно и неконкретно. Однако ситуативная конкретность *bir kimse* для собеседника, из которой исходит говорящий, предполагая конкретность *kimse* для второго участника речевого акта, обуславливает ввинительный падеж при *bir kimse*: *bir kimseyi mi bekliyorsun?* 'Ты кого-нибудь ждешь?'—но **bir kimse mi bekliyorsun?*

О том, что значение конкретности для *bir kimse* обусловлено ситуацией, но не самим значением *bir kimse*, свидетельствуют случаи употребления типа: *bir kimse gördün mü?* 'Ты кого-нибудь видел?'. Здесь в *bir kimse* предполагается как неопределенность и неконкретность индивида для обоих участников речевого акта, так и неопределенность самого множества, возможных индивидов.

Нереферентность *bir kimse* проявляется в ситуациях, которые образуют общее поле зрения участников речевого акта, например, в передаче смысла: «Смотри, кто-то стоит во дворе». В турецком языке здесь невозможно употребление *bir kimse*.

Таким образом, *bir kimse* имеет значение неопределенного, нереферентного и неконкретного индивида, и только в ситуации презумпции определенности и конкретности для первого и/или второго участника речевого акта [8. С. 448] в форме вопроса и отрицания;

2) *kimse* с определением—глагольным сочетанием. Значение любого представителя определенного класса *kimse* получает в составе ИГ, в которую входит раскрытие характера класса: *beste meydana getiren kimse* 'кто-либо, кто сочиняет музыку' (раскрытие содержания представителя профессии); *pek zayıf düşmüş kimse* 'кто-либо в состоянии предельной истощенности'; *hastaya bakacak kimse* 'кто-либо, кто ухаживает за больным'. Эти и другие примеры показывают, что *kimse* указывает на любого представителя множества, объединенного общим свойством;

3) *kimse*+аффикс принадлежности. В основном употребляется в конструкции отрицания, реализуя свою функцию обобщения: *kimsem yok* 'У меня никого нет' // 'У меня нет кого-либо (близкого)';

Существует еще тип, соединяющий ИГ (2) и (3): *arayacak kimsem yok* 'Мне некого проводить' (у меня нет кого-либо, кого бы я мог искать);

4) *kimse*+местоимение-актуализатор: *Evde başka kimse yoktu* (Anday) 'В доме больше никого не было' (другого кого-нибудь, кроме известного из контекста объекта);

5) сочетание *kimse* во множественном числе с глагольным определением-актуализатором: *bazı, başka, diğer kimseler* 'некие другие'.

Для обозначения множественности неконкретных лиц употребляется местоимение *kimse* с аффиксом множественного числа (при отсутствии формы *biriler*).

Biri

Основное различие между *kimse* и *biri* сводится к тому, что *biri* может указывать на находящийся в поле зрения участников речевого акта неопределенный референтный индивид. Его конкретность проявляется в том или ином визуальном (или аудитивном) восприятии, хотя объект остается неопределенным и неидентифицированным. Ср.: *Bak. Avluda biri duruyor* 'Смотри, кто-то стоит во дворе'; *Gece sessiz ve sakin. Denizin üstü sandallar, sandallar... Açıkta biri denize girmiş, kulaçlarının sesi öyle belirli ki* (Taner) 'Ночь спокойна и безмолвна. Все море

в лодках... Кто-то купается, отчетливо слышен всплеск рук...'; Birinin boğulduğunu görsen derede... atar mısın kendini suya? (Хикмет) 'Если ты увидишь, как кто-то тонет в реке, бросишься ли ты (на помощь)?', т. е. biri может иметь референтный денотативный статус, соотноситься с индивидуализированным объектом, что дает нам право отнести местоимение biri к классу слабоопределенных местоимений, основное значение которых указывать на объект, известный говорящему и неизвестный слушающему или неизвестный для участников речевого акта, но конкретизируемый единственностью в событии.

Как правило, biri указывает на объект при его первом упоминании. Оно может быть эпизодическим, его идентификация не значима для говорящего. Однако такое употребление может быть и приемом развертывания текста, чаще художественного—первоначальное biri призвано как бы заинтриговать читателя, отодвинув конкретизацию и идентификацию персонажа на последующий текст: Kısa boylu, kırmızı yüzlü, kır saçlı, küt burunlu biri olan süvari, tam kitapların tarif ettiği bir deniz kurdu idi (Sabahattin Ali) 'Капитан, седой, приземистый, с багровым лицом и приплюснутым носом, был настоящим морским волком, которых описывают в книгах'.

Biri может указывать на неопределенный объект, о котором говорящий не считает нужным давать дополнительные характеристики собеседнику: ...birini öldürmüştüm (Anday) '...тогда я убил одного'. Biri в этом случае может иметь для говорящего определенность и конкретность, однако идентификация объекта не входит в его коммуникативное задание. Ср.: Bunu birinin evinde gördüm 'Я это видел у одного в доме', т. е. для одного из участников речевого акта (говорящего) biri может указывать на скрытую референтность и конкретность: Son günlerde İrfan Külyutmaz diye biri dergilerde kol geziyor («Cumhuriyet») 'В последнее время в журналах появился некто по имени Ирфан Кюльютмаз'.

Это делает возможным употребление biri в ситуации вопроса birini mi bekliyorsun? 'Кого-нибудь ждешь?', когда говорящий исходит из предположения, что объект, передаваемый через biri, является определенным и конкретным для второго участника речевого акта.

Вместе с тем biri может выступать как указание на неконкретный, нереферентный индивид (*некто, некий человек*), но единственный в данной ситуации. Ср.: O anda neler olmamıştır, bir kedi bağırmıştır, bir adam yanındaki kadını kucaklamıştır, biri bıçaklanmıştır, bir çocuk ağlamıştır (Anday) 'Должно быть, многое произошло в тот момент, например, закричала кошка, мужчина обнял женщину, кого-то зарезали, заплакал ребенок'; birini alçaltmak, insanı pamuslu kulağ (Anday) — здесь из контекста: 'Унизить кого-нибудь для другого, — значит, ошутить свою значимость'.

Именные группы с biri

1) birisi — указывает на неопределенный индивид, находящийся в поле зрения участников коммуникации, т. е. при неопределенности birisi может указывать на конкретный референтный объект (что свойственно и biri). Конкретность выражается в сумме признаков, раскрывающих индивид и образующих общее поле зрения для участников речевого акта: ...dolaşanlar... bir adamın ana yoldan yıldırım hızıyla koşarak geçtiğini, arkasından da Mavi Sakal gibi giyinmiş, eli tabancaı birisinin koştuğunu anlatıyor (A. Çehov—S. Lunel) 'Все гулявшие рассказывают, что они видели, как по главной аллее промчался человек. За ним гнался некто в костюме Синей Бороды и с револьвером в руке'; İçerde bir hisirtti oldu, birisi karyoladan yere atladı, arkasından da ter-

liklerin şırşırı duyuldu (A. Çehov—S. Lunel) 'Послышалось шуршание, чей-то прыжок с кровати и шлепанье туфель' (букв.: '...кто-то спрыгнул с кровати...'). В таком типе между *кто-то* и **кто-нибудь* в русском языке обнаруживается параллель с соотношением в турецком *biri(si): bir kimse*: Cene köpek sesi ve birisinin: «Bırakta» diye bağırdığı duyuluyo: (A. Çehov—S. Lunel) 'Слышен вторично собачий визг и чей-то крик: «Не пушай!»'.

Birisi может указывать также на неопределенный, неконкретный и неферментный объект: Allaha şükür, efendiciğim, birisini öldürmek şöyle dursun, bu gibi düşünceleri aklımıza bile getirmeden yaşadık bugüne kadar (A. Çehov—S. Lunel) 'Слава те, господи, господин хороший, век свой прожили и не токмо что убивать (кого-нибудь), но и мыслей таких в голове не было'.

Теоретически возможная здесь форма *bir kimseyi* (представление об абстрактном индивиде) ограничена в употреблении причинами стилистического характера.

Как и *biri*, *birisi* не может указывать на запланированный объект, поскольку он уже должен быть известен говорящему: **yağın bapa birisi gelecek*; **birisini çağır buraya* (только в значении 'один из них').

Невозможность употребления *birisi* в предикативной функции (в отличие от *biri*), как кажется, свидетельствует о том, что *birisi* не обладает той обобщенностью неопределенного объекта, которая содержится в *biri*. *Birisi*, как правило, сохраняет указание на единичность и выделенность объекта из определенного множества и не содержит значений обобщенности и абстрактности, которые может иметь *biri*. Ср.: *ben sadece iyilik gören biriyim sizin için* (Anday) (но не ... *birisiyim*); *Sen hiç ölen birinin yanında bulundun mu?* (Anday) (но не ... *birisinin yanında*) 'Для вас я тот, кто видит только добро' и '...ты был когда-нибудь возле умирающего?';

2) *biri*+глагольное определение—указание на любого (т. е. неиндивидуализированного) представителя определенного множества. В функции указания на обобщенный, абстрактный объект *biri* сходен с *bir kimse*, но имеет большую частотность и более свойствен для художественной и разговорной речи: *Alçaltmak birini bulamadık mı, biz nasıl yükseliriz?* (Anday) 'Как нам почувствовать себя более значительными, если мы не найдем того, кого можно было бы унижить?'; *Sen hiç ölen birinin yanında bulundun mu?* (Anday) 'Тебе приходилось когда-нибудь быть около умирающего?'; *Siz de sokakta kalmış biri* (Anday) 'И вы некто, оказавшийся на улице';

3) *biri* с местоимением-актуализатором: *Bu gece başka birine rastladınız mı?* 'Вы кого-нибудь еще встретили этой ночью?'. В данном случае *başka* устанавливает связь *biri* с другим объектом по их принадлежности к общему множеству (те, кого можно было встретить в известном для участников речевого акта месте);

4) существительное единственного числа в родительном падеже с *bir*: *...alçağın, şerefsizin biri, ama ne diyebiliriz, velinimetimiz* (A. Çehov—S. Lunel) 'Негодяй, подлый человек, но ведь — благодетель!'; *Küstahtın biri buraya hücum ediyor ve...* (A. Çehov—S. Lunel) 'Какой-то нахал врывается сюда и...'; *İşte bakın, işi anlayıverdiniz. Bekçiye gelince ne olacak, köylünün biri* (A. Çehov—S. Lunel) 'Вот вы и рассудили, как и что, а сторож—тот же мужик'.

Указанная ИГ употребляется преимущественно в предикатной функции, часто при опущенном подлежащем, что характерно для разговорной речи, в которой эта конструкция в основном и употребляется.

Кроме того, примеры типа *küstahın biri* в подавляющем своем большинстве имеют пренебрежительную коннотацию. Что касается ограничений сочетаемости, то местоимения типа *küstahın biri* со значением неопределенности для говорящего недопустимы в повелительном наклонении, в составе вопросов, не употребляются в отрицательном контексте. Для указанного употребления *biri* характерна в основном предикативная конструкция.

Таким образом, *biri* своим основным значением имеет указание на неопределенный индивид, идентификация которого не входит в намерения говорящего. Условия ситуации позволяют говорящему указывать на референтную отнесенность *biri* и его конкретность для участников речевого акта.

Biri может иметь конкретно-референтный статус, т. е. соотноситься с воспринимаемым объектом, неизвестным говорящему, что не свойственно *kimse* и *bir kimse*, т. е. семантический потенциал *biri* богаче, а его частотность значительно выше, чем у *kimse*. В противопоставленности *kimse biri* выступает как неотмеченный член, т. е. несущий в себе и функции *kimse*.

Как и *kimse*, *biri* исключено для запланированного будущего. В предложении *yağın bana biri gelecek* может быть только одно значение — 'один из них', т. е. из множества, известного участникам речевого акта.

Bazı, kimi

В формировании и возникновении НМ значительная роль принадлежит также словам других разрядов. Источником указанных НМ являются: неместоименные слова своего языка; заимствования из других (нетюркских) языков. НМ *bazı* (*bazısı, bazıları*) является заимствованием из арабского языка.

Говоря о происхождении местоимения *kimi*(*si*), необходимо отметить, что во многих языках различных генетических групп прослеживается идентичность древнейших корней (основ) вопросительных и неопределенных местоимений. Э. Беке отмечает, что генетическая общность древних вопросительных и неопределенных местоимений обнаруживается в уральских и алтайских языках (тюркская группа) [9. С. 172—173]. Г. И. Рамстедт также подчеркивает, что в алтайских языках вопросительные местоимения с давних пор употребляются в качестве неопределенных [10. С. 79]. В японском *ta, tare* 'кто-то' обозначает также и 'кто', *izure, napı* 'что-то', 'что' или 'который' (из двух).

Что касается вопроса о первичности неопределенного или вопросительного значения, т. е. того, что от первичных дейктических частиц с общеуказательным значением развивались местоименные слова, имевшие как неопределенное, так и вопросительное значение, то в турецком языке сейчас нет таких общеуказательных слов. Есть местоименное слово *kimi... kimi* ('кто...', а кто') только в парных сочетаниях или же в значении 'кто-то один из многих', а также форма мн. числа *kimileri* 'некоторые'.

Так же, как и *kimse*, *kimi* (*kimisi, kimileri*) сформировалось на основе вопросительного местоимения *kim* в конструкциях со значением единичности, выделяемой из множественности.

Семантика НМ существенно связана с представлением о том, что имеется множество объектов — определенное или неопределенное, — к которому принадлежит и данный. На этом множестве может возникнуть отношение порядка, т. е. оно превращается в шкалу. При этом

местоимения *bazı* и *kimi* соотносятся с более высокой точкой этой шкалы — по сравнению, например, с *bir* 'некий, какой-нибудь'.

Если (*bir*)*kimse*—*bir* всегда денотативно соотносены с понятием «человек» и функционируют как субстантивы, то *bazı*—*kimi* могут указывать и на предметы, выступая как актуализаторы в синтаксической функции определения (ср.: *bazı/kimi ülkeler* 'некоторые страны'). В этом случае *bazı* относят к неопределенным прилагательным [11. С. 132] (ср. также местоименные прилагательные в русских грамматиках [12. С. 189]).

Bazı—*kimi* в самом общем виде содержат идею принадлежности к множеству объектов, при этом определенность/неопределенность может характеризовать только само множество, но не ту его часть, которая передается или актуализируется с помощью *bazı/kimi*, т. е. в *bazıları* 'некоторые из нас' или *bazı öğretmenlerimiz* 'некоторые наши преподаватели' *bazı* указывает лишь на неединичность актуализируемого подмножества.

Kimi выступает как синоним *bazı*, хотя и имеет некоторые особенности в семантике и сочетаемости. Ср.: *kimi zaman* 'иногда', но: **bazı zaman*, *kimi kimse*—в отрицании, но только *bazı kimseler*.

То есть разграничение сочетаемости между двумя НМ проходит по признаку неопределенной множественности, маркированному для *bazı* (сущ. только во мн. ч.) и немаркированному для *kimi*, что обуславливает употребление при этом НМ формы единственного числа. Правда, надо оговориться, эта форма употребляется только со словами *insan*, *zaman*, *kimse*, т. е. в своем значении, включающем и нерасчлененное множество: *Kimi insan derbeder, ömrünü heba edip gider* (Cahit Sıtkı Taşan) 'Кто-то бродяжничает и уходит, прожив жизнь впустую'; *Kimi zaman ben kazanırdım bu oyunda* (Oktay Akbal) 'Иногда я выигрывал в этой игре'; *Köyde kasabada kimi kimsenin yüzüne bakmam...* (A. Nesin) 'Я не могу посмотреть в глаза кому бы то ни было ни в деревне, ни в поселке'.

В русском языке в данных и других подобных им примерах на первый план выдвинута не столько идея количества, сколько обобщенности. В турецком языке в вышеприведенных примерах вместо *kimi* также можно поставить *bir*.

Идея обобщенности особенно проявляется в парном сочетании *kimi*, часто в пословицах и поговорках: *Kimini hay, hay, kimine vay vay* (Atalar sözü) 'Кому-то хорошо, а кому-то плохо'; *Kimi köprü bulamaz geçmeye, kimi su bulamaz içmeye* (Atalar sözü) 'Кто-то не может моста найти, чтобы перейти, а кто-то и глотка воды не может найти'; *Kiminin adı var, kiminin tadı var* (Atalar sözü) 'У кого-то есть имя, а у кого-то вкус'; *Kimi adak, kimi matem için toplandı* («Yankı» dergisi) 'Кто собрался на обед, а кто и для траура'.

В форме множественного числа с прономинализирующим сложным аффиксом *-ları* (*-leri*) (аффикс множественного числа+аффикс принадлежности 3-го лица) различие между *bazıları* и *kimileri* нейтрализуется: обе формы выражают неопределенное подмножество объектов, принадлежащих к множеству, которое ситуативно или контекстуально является определенным для говорящего. Эта определенность связана не с расчлененностью и индивидуализацией составляющих это множество, а с определенностью объединяющего их признака. Ср.: *Günün ışıması ve saatlerin ilerlemesiyle işçi pazarının yoğunluğu azalıyor, kimileri her zaman takıldıkları kahvelere, kimileri de başka başka işlere gidiyorlar* (Yalçın Çakır) 'По мере того, как день занимается, рассеива-

ется и рабочий рынок. Некоторые (кто-то) идут в уже знакомые кафе, а некоторые (кто-то) — искать другую работу' (здесь, вероятно, контекст дает ощущение какого-то реального множества, где объединяющим признаком выступает 'рабочий рынок'.

Рассмотрим следующие примеры:

1. Bazılarına göre Başbakan bu olayı bir «seçim yatırımı» olarak kulllanmak niyetindeydi («Yankı» dergisi) 'Как говорят некоторые, премьер-министр хотел использовать этот случай как вклад в выборы';

2. Müjde Ar: kimilerine göre Türkan Şoray'ı aştı ama... («Yankı» dergisi) 'Мюжде Ар, по утверждению некоторых, даже превзошла Тюркан Шорай';

3. Günün bu saatlerinde belki de pek çoğumuz uykudayken kimileri bir günlük iş umuduyla yollara düşüyor (Yalçın Çakır) 'В то время, когда многие из нас еще спят, некоторые отправляются в путь с надеждой найти надежную работу'.

В примере 1) объединяющими признаками по контексту являются обозреватели, газетчики; в примере 2) — кинокритики, зрители; в примере 3) — безработные, противопоставленные имеющим работу, т. е. bazıları/kimileri могут в зависимости от контекста передавать как некое неопределенное множество людей, так и неопределенное подмножество референтно соотнесенного множества. В этом случае референция осуществляется или с помощью аффиксов принадлежности: Koko Başkan müsterilerden bazılarıyla selamlamıştı... (A. Çehov—S. Lunel) 'Руководитель хора поздоровался с некоторыми из посетителей' или с помощью актуализирующих именных групп: Bugün Sovyetler Birliği'nde, bazıları daha sekiz yaşında olan yüz binlerce okul çocuğu satranç turnuvalarına katılıyor («Cumhuriyet») 'Сегодня в Советском Союзе сотни тысяч школьников, некоторым из которых исполнилось лишь 8 лет, участвуют в шахматных соревнованиях'.

Что касается ограничений сочетаемости, то употребление местоимений со значением слабой определенности, какими являются местоимения bazı/kimi, в составе вопросительных предложений может быть возможно лишь в референциальных предложениях: SHP'li Güneyt Canver'den Başkan Üzal'a soru önergesi «Bazıları yargıdan muaf mı?» («Cumhuriyet») 'Вопрос-предложение от члена СХП Джунейта Джанвера премьер-министру Озалу: «Разве кто-то (некоторые из членов партии АНАП) неподсудны?», но: *kimi ülkelerde bulundu mu?; 'Ты был в некоторых странах?'; *bazılarıyla selamlamış mıydın? 'Ты с кем-то поздоровался?'.

Bazıları/kimileri выступают как НМ в основном в позиции подлежащего, чаще в роли агенса (субъекта). В косвенных падежах типа bazılarına göre—это чаще значение партиитивности—выделение некоего подмножества из определенного множества.

Местоимения bazıları/kimileri, равно как и все остальные НМ, не анафоричны, т. е. не имеют в тексте антецедента и этим сходны с личными местоимениями я, ты и т. д.—дейктическими местоимениями, указывающими на участника речевого акта. Однако в этих местоимениях может быть анафорическая функция в значении 'некоторые из них', т. е. уже упоминавшихся в тексте, например: Bütün bunlar 20 yıl önce oldu. «Bunları biz yaptık» diyenler çıktı. «Bunları onlar yaptı» diye suçlandı kimileri («Cumhuriyet») 'Все это случилось 20 лет назад. Те, кто говорил: «Это сделали мы», ушли, и некоторых из них судили, говоря: «Это сделали они»'.

Существует и малочастотная форма birileri, которая по аналогии входит в ряд bazıları/kimileri: Film bittiğinde dolu salonda derin bir ses-

sizlik, hep birlikte dışarı çıkıyoruz, birileri: «Ağır, ancak bütün bunlar gerçek» diyor (Işıl Özgentürk) 'Когда закончился фильм, в зале повисла глубокая тишина. Мы все выходим, и некоторые (многие) говорят: «Тяжело, но все это правда»'.

Таким образом, для bazıları//kimileri можно выделить две функции: 1) собственно НМ, когда они выступают как заместители неопределенного множества индивидов, которые могут быть ситуативно конкретизированными для участников речевого акта по их общему фонду знаний (*кое-кто, некоторые*), 2) обозначение некоторой части идентифицируемого, референтно соотнесенного множества (типа bazılarımız 'некоторые из нас'); собственно значение неопределенности, ради чего говорящий избирает bazıları//kimileri, присутствует только в первом случае. Во втором случае передается лишь количественная неопределенность части общего определенного множества.

Функция bazı//kimisi как актуализатора множества неопределенных индивидов — bazı//kimisi öğrenciler 'некоторые ученики', — по существу, нейтрализуется в случае, когда появляется актуализатор определенности: bazı öğrencilerimiz. Bazı как актуализатор неопределенности индивидов становится актуализатором количественной неопределенности части определенного множества, т. е. öğrencilerimizin bazıları—bazı öğrencilerimiz.

Итак, рассмотренные две группы НМ противопоставлены:

- 1) по признаку одушевленности (класс людей: класс людей и предметов);
- 2) по признаку единичности (множенности объектов, принадлежащих к классу «человек»: bir kimse, biri(si): bazı(kimi) insanlar, bazıları//kimileri);
- 3) по заместительной (актуализирующей) функции: (bir)kimse, biri(si): bazı(kimi) insanlar (заместительная функция второй группы возникает в прономинализованной форме bazıları//kimileri);
- 4) по общей для указанных форм в заместительной функции способности к идентификации, причем для biri(si) она не исключается в дальнейшем высказывании.

Значения референтной соотнесенности, конкретности или обобщенности ситуативно обусловлены и могут находить формальное выражение в именных группах с НМ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1967.
2. Елисеєва А. Г., Селиверстова О. Н. Семантическая структура местоименного значения//Вопр. языкознания. 1987. № 1.
3. Уфимцева А. А. Лексическое значение. М., 1986.
4. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1979.
5. Вольф Е. М. Семантика и грамматика местоимений. М., 1974.
6. Падучева Е. В. Референциальные аспекты высказывания. М., 1984.
7. Нилсон В. Определенность и референтность в связи с аккумулятивом в турецком языке//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1987. Т. 19.
8. Она же. Говорящий, текст и турецкое возвратное местоимение kendisi//Там же.
9. Beke Ö. Das Finnish-Ugrische Indefinitum//Keleti szemle. 1913—1914. Т. 14.
10. Рамштедт Г. И. Грамматика корейского языка. М., 1957.
11. Sermet Sami Uysal. Yabancılarla Türkçe dersleri. İstanbul, 1980.
12. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

Р. БЕРДИБАЕВ

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРА В РАЗВИТИИ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Фольклор во все времена служил одним из постоянных источников обогащения письменной литературы. Для казахской литературы роль устного народного творчества всегда была чрезвычайно велика. Более того, традиции фольклора в своеобразной форме развиваются и поныне. Можно сказать, что взаимодействие устной и письменной традиций является особенностью современной казахской художественной культуры. Об этом свидетельствуют даже и цифровые данные: если в настоящее время в Союзе писателей Казахстана состоит около пятисот членов, то число акынов-импровизаторов, сказителей-термеші превышает шестьсот. Популярность акына или сказителя в народе ничуть не меньше популярности профессионального поэта или писателя. В республике ежегодно проводятся состязания акынов—айтысы. Исполняющиеся на них тексты публикуются в специальных сборниках.

Состязания акынов очень привлекательны: здесь перед большой аудиторией демонстрируются импровизационный дар, находчивость, смелость. Интересно и то, что в роли судей, по сути дела, выступают зрители, чутко реагирующие на каждое слово акынов. Мнение публики, как правило, совпадает с мнением официального жюри [1. С. 13; 2. С. 322].

В чем секрет неувядающей прелести поэтического состязания? Разумеется, зрителям доставляет удовольствие следить за тем, как ловко импровизируют акыны, стремясь превзойти друг друга, как уверенно чувствуют они себя в границах этого старинного, но ничуть не утратившего своей притягательности искусства, где все решает смелость, быстрота ума и правдивость. Но нужно отметить и другое, а именно достаточно сильную публицистическую направленность состязаний акынов. Ведь исполнители не только восхваляют достижения своего края или своего колхоза, но остроумно и точно, что называется, не в бровь, а в глаз, высмеивают недостатки, негативные явления, причем острота их поэтических «нападок» нередко превосходит остроту и выступления прессы. Акыны вступают в живой диалог со зрителями, возгласами одобрения встречающими удачную шутку, меткое сатирическое сравнение. Айтыс — состязание глубоко демократическое, исполнитель здесь не только не отделен от публики, но, напротив того, стремится максимально вовлечь ее в импровизационное действо. Акын говорит то, что близко и понятно зрителю, он заодно с ним, он живет общей жизнью с ним, общими заботами, и это придает его словам обаяние подлинности. Критические стрелы неизменно достигают цели, публика встречает их восторженно. Традиционный жанр живо реагирует на современную

тематику, что придает состязаниям злободневность, актуальность, делает их неотъемлемой частью современной казахской культурной жизни.

Ныне в Казахстане наряду с видными представителями профессиональной письменной литературы большой популярностью пользуются акыны-импровизаторы, лучшим из них присваивается почетное звание «Народный акын Казахской ССР». Можно назвать имена наиболее талантливых акынов-импровизаторов, выходцев из различных регионов республики. Это Манап Кокенов (Кзыл-Ординская обл.), Шолпан Кадырниязова (Уральская обл.), Аселхан Калыбекова, Копбай Омароз (Чимкентская обл.), Жумаш Оспанбекова (Талды-Курганская обл.), Асия Беркенова (Кустанайская обл.), Манап Шакеев (Кокчетавская обл.), Калихан Алтынбаев (Семипалатинская обл.).

Следует также отметить, что среди даровитых акынов-импровизаторов и сказителей-термешей немало представителей русского народа, с блеском выступающих на самых крупных состязаниях, как, например, Надежда Лушникова, удостоенная звания «Заслуженный работник культуры Казахской ССР». Знают и любят в республике прекрасных исполнителей казахских народных песен — трех Татьян: Бурмистрову, Полтавскую и Мартыненко.

Сказители — жырыши, термешей — составляют значительную группу, продолжающую в своеобразной форме устно-поэтическую традицию [З. С. 46]. В их репертуаре — героический и романический эпос, дидактические песни-толгау акынов прошлого и настоящего. Как видим, и в эпоху научно-технической революции искусство сказителей не сдает своих позиций. Десятки эпических сказаний содержит репертуар некоторых исполнителей из Казахстана и Каракалпакии, выступления их проходят при большом стечении народа. Звучащее слово сказителей воскрешает героизм минувшего, события исторические или легендарные. Эпические сказания все чаще звучат сегодня и в концертных залах. По казахскому радио и телевидению только за последнее десятилетие выступало свыше ста сказителей и термешей, в их числе такие исполнители, как К. Рустембеков, Ш. Тулепова, К. Дурбаев, А. Алматов, К. Орашева, А. Дуйсенов, К. Имангалиев, А. Таскынбаев, Б. Керимбекова и другие, известность которых соперничает с популярностью акынов-импровизаторов.

Сказительское искусство, в котором поэзия и музыка составляют нерасторжимое единство, служит своеобразным дополнением к письменной литературе. Прямой контакт исполнителя с аудиторией, благодарно откликающейся на классический текст эпического сказания и его музыкальное сопровождение, придает этому традиционному искусству особую привлекательность.

Фольклорная, эпическая традиция оказала заметное воздействие на творчество акынов-импровизаторов, пережившее новый взлет в годы Советской власти.

Великан народной поэзии Джамбул и другие акыны в своих произведениях прославляли социалистическую действительность. Они были убеждены, что многовековая мечта трудящихся о справедливой и счастливой жизни, наконец, реализовалась, и воспевали новую судьбу народа как осуществленный идеал. Поэтому в творчестве талантливых создателей и исполнителей устной поэзии изменения, происходившие в жизни, изображены укрупненно, гиперболизированно, так что действительность представляла в монументальном и героическом плане. Безусловно, акыны-импровизаторы, в свою очередь, испытывали заметное

влияние письменной культуры, но все же в основном они оставались верными принципам народной поэзии [4. С. 399].

Интересно и то, что акыны-импровизаторы под влиянием новой, советской, действительности перерабатывали некоторые героические сказания. Например, Джамбул Джабаев, исполняя в 30-х гг. «Сураншы-батыр» и «Утеген-батыр», внес изменения, усилившие идейное звучание этих дастанов.

* * *

В казахской советской литературе фольклоризм проявляется по-разному. Если некоторые его аспекты имеют общетипологический характер, то другие представляются присущими только казахской литературе. Остановимся вкратце на наиболее часто встречающихся тенденциях использования фольклорных мотивов в казахской литературе.

Когда гуманистические идеалы, заложенные в мифе или легенде, совпадают с идейным замыслом писателя, то заимствующаяся из фольклора фабульная схема не подвергается заметной переработке. Примером этому могут служить поэмы У. Турманжанова «Ласточка» и А. Тажибаева «Толагай», относящиеся к числу лучших произведений детской литературы. Можно сказать, что подобный тип использования сказочных и легендарных мотивов является наиболее распространенным [5. С. 240].

О выдающейся роли фольклора в становлении казахской советской литературы говорит тот факт, что многие драматические произведения, ставшие уже классикой, созданы на основе народного эпоса. В золотой фонд репертуара казахских театров вошли «Айман-Шолпан», «Қара кипчак Қобланды», «Енлик-Кебек» М. Ауэзова, «Қыз-Жибек», «Қозы Көрпеш—Баян слұ» Г. Мусрепова, «Ер-Таргын» С. Камалова, «Алдар Косе» Ш. Хусаинова. Большим событием в культурной жизни республики стала тысячная постановка оперы «Қыз-Жибек». Следует отметить, что музыкальная основа этой оперы композитора Е. Брусиловского состоит из народных песен, кюев, собранных в трудах крупнейшего деятеля казахской культуры А. В. Затаевича «1000 песен казахского народа» и «500 песен казахского народа». Известно также, что бескорыстная деятельность А. Затаевича в свое время была высоко оценена А. М. Горьким и Роменом Ролланом.

В ряде произведений казахской советской литературы фольклорные мотивы представлены в сильно переработанном виде, на другом качественном уровне. Многие плодотворные поиски наших художников слова осуществлялись именно в этом направлении. Яркие примеры использования легенд и преданий показали основоположники казахской советской литературы С. Сейфуллин, И. Джансугуров, Б. Майлин. Они в своем многогранном творчестве проявили подлинное новаторство, наполнив традиционные фольклорные темы и мотивы новым содержанием, внушенным обновившейся действительностью. В качестве примера можно назвать поэмы «Қокчетау» С. Сейфуллина, «Сулушаш» С. Муканова, «Қүйши» и «Қулагер» И. Джансугурова и др. Так, С. Сейфуллин в поэме «Қокчетау» из преданий, относящихся к XVIII в., отобрал только те линии, которые соответствовали его пониманию социального добра и зла, обусловленному революцией. Если раньше героем преданий был хан Аблай, то поэт в своем произведении на передний план выдвинул фигуру простолюдина Адака, поэта и охотника. Он выгодно отличается своей скромностью и человечностью от одержимых дележом награвленной добычи батыров. Вопреки устоявшемуся в эпическом

сознании народа мнению о врагах-калмыках, Адак четко отличает завоевателей от простой массы калмыцкого народа. Поэт по-новому и критически оценивает воспетые в многочисленных эпических сказаниях деяния хана Аблая. Идеино-эстетические принципы, выработанные в поэмах 20—30 гг., были в дальнейшем творчески восприняты казахской советской литературой.

В иных случаях мифы, предания, притчи, не определяя собой идейно-художественной структуры произведения в целом, позволяют ярче выявить какой-либо конкретный его мотив. Этот способ введения фольклорного материала широко представлен в казахской советской литературе. Так, например, в романе «Хан Кене» виднейшего прозаика Ильяса Есенберлина есть эпизод, подтверждающий наше наблюдение. Герой романа—Кенесары Касымов—внук хана Аблая, который в XVIII в. сыграл большую роль в организации освободительной борьбы казахского народа против джунгарских захватчиков. В первой половине XIX столетия Кенесары возглавлял монархическое движение, мечтая создать самостоятельное казахское ханство. Но мечтам Кенесары не суждено было сбыться, и его попытки выступить против царской России потерпели полный крах. В романе И. Есенберлина Кенесары однажды, в минуты сомнения, вспоминает легенду о сне, приснившемся его знаменитому деду Аблау. Этот сон, по преданию, разгаданный ближайшим советником хана, мудрым акыном Бухар-жырау, символизирует трагическую судьбу потомков Аблай-хана, которая и находит отражение в романе.

В последние годы фольклорные мотивы все чаще встречаются в литературе. Характер фольклоризма, естественно, в каждом конкретном случае обусловлен идейно-художественным замыслом того или иного произведения. Но есть здесь также и общие закономерности, присущие художественной практике нашего времени. В мире происходят грандиозные, поистине глобальные изменения. Возникающие перед народом или страной проблемы трудно передать традиционными эстетическими средствами. В самом деле, невиданный рост техники (а также и вооружения), опасность экологической катастрофы, социальные и демографические вопросы — все это ставит писателя совсем в иные условия, чем даже его великих предшественников. Теперь уже недостаточным будет изображение «типичных характеров в типичных обстоятельствах», а нужны какие-то более сильные, действенные средства, предостерегающие слова, нужны произведения, способные передать опыт новой, безмерно усложнившейся реальности, показать судьбу человека в новом мире. Именно в такой ситуации и стало возможным обращение писателей в своих художественных полотнах к устному народному творчеству, мифам, преданиям и легендам с их обобщениями, символикой, раздумьями о самом главном—жизни и смерти. Мифы и легенды дают богатый материал для постановки и художественного решения кардинальных проблем, стоящих перед человечеством [6. С. 29].

В этом можно убедиться на примере творчества писателей Средней Азии и Казахстана. В повестях и романах Ч. Айтматова с большой художественной силой ставится вопрос о ценности нравственного опыта прошлого, о необходимости бережного отношения к окружающему нас миру, о гуманистических заветах предков. Эти идеи со всей отчетливостью проведены в его романе «И дольше века длится день», где хранителем мудрых народных традиций является труженик Едигей Джангильдин. Образ Манкурта, лишённого исторической памяти и потому не осознающего ужаса содеянного им (он стреляет в собственную мать), обладает символической многомерностью, присущей легенде,

притче. Ч. Айтматов использует фольклор для осмысления самых острых проблем современности. Каждый, кто отказывается от памяти, заветов предков, кто разрушает общечеловеческие нормы нравственности, уподобляется Манкурту.

В романе А. Алимжанова «Дорога людей» показаны последствия разрушительных войн. Герой романа Аскар хочет по-настоящему узнать историю Казахстана, чтобы рассказать своим современникам о злодеяниях властителей, стремившихся к господству над другими народами. В то же время писатель справедливо критикует и тех, кто легкомысленно относится к незабываемым урокам истории родного народа. А. Алимжанов говорит о величайших культурных ценностях, погибших в результате грабительских нашествий необузданных владык древнего мира.

В казахской исторической прозе обрисовываются многие важные страницы истории народа, причем в некоторых случаях писатели опережают историков, отстающих в разработке тех или иных событий прошлого. Например, в трилогии И. Есенберлина «Кочевники» увлекательно и вдумчиво отображены перипетии истории казахского народа на протяжении нескольких столетий. Писатель активно использует в своем романе легенды, предания, что позволяет ему создать нетривиальное в жанровом отношении произведение. Значительным событием в казахской литературе последних лет явилась также трилогия И. Есенберлина «Золотая Орда», повествующая о могущественной полукочевой империи, созданной ханом Батыем. Крупные исторические события стали объектом изображения в романах М. Магауина, А. Кекильбаева, С. Сматаева и др.

Все это говорит о том, что фольклорные традиции являются важным источником, заметно обогащающим современную казахскую литературу.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Мұқанов С. Айтыстар туралы//Айтыс. Алматы, 1965.

² Ауэзов М. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1959.

³ Исмаилов Е. Ақындр. Алматы, 1956.

⁴ История казахской литературы. Алма-Ата, 1968. Т. 1.

⁵ Бердибаев Р. Сарқылмас қазына. Алматы, 1983.

⁶ Садыков Х. Обогащение реализма в современной казахской прозе//Изв. АН КазССР. Сер. филол. 1984. № 1.

Т. Д. МЕЛИКОВ

ТУРЕЦКИЙ ВЕРЛИБР И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Современная турецкая поэзия — это поэзия свободного стиха. Вот уже несколько десятилетий верлибр — озгюр кошук — является ведущей поэтической системой в Турции. Однако до сих пор ни в самой Турции, ни за ее пределами, за исключением нескольких статей [1; 2. [С. 255—270], не появилось работы, исследующей проблемы турецкого верлибра. Между тем перед тюркологами-литературоведами стоит много нерешенных проблем, связанных как с изучением внутренних закономерностей озгюр кошука, так и с определением его национальной специфики. Поэтому особую актуальность приобретает вопрос о преемственной связи турецкого верлибра с поэтической традицией.

Возникший на турецкой почве в 20-х годах озгюр кошук обладает многими типологически сходными чертами с французским, русским, китайским, японским, английским верлибром. Вместе с тем в каждой национальной литературе, в зависимости от специфики языка, поэтики, культурной традиции, свободный стих вбирает в себя и особые, присущие только данной национальной поэтической традиции, свойства.

Новаторство Назыма Хикмета — основоположника озгюр кошука — было подготовлено всем ходом развития турецкой поэзии и тесно связано с национальной поэтической традицией. Поэтому неудивительно, что верлибр поэта, особенно в начальной стадии своего развития, вобрал в себя многие элементы не только народной и классической литературы, но и литературы древнегреческой.

В современной турецкой поэзии можно найти немало подтверждений связи озгюр кошука с тюркской поэтической традицией. Как известно, многие стихотворные тексты из огузского эпоса «Книга моего деда Коркуда» своими внешними очертаниями напоминают строфические построения озгюр кошука. Вот, например, сойлама—стихотворный текст из первого боя (сказания) эпоса:

Beri gelgil başım bahtı ivüm tahtı
İyden çıkup yorıyanda selvi boylum
Topuğında sarmaşanda kara saçlum
Kurılı yaya benzer çatma kaşlum
Koşa badem sığmayan tar ağızlum
Güz almasına benzer al yanaklum
Kavunum viregüm duvlegüm
Görür misin neler oldu [3. С. 12].

Приди сюда, счастье моей головы, опора моего жилища,
(Моя красавица), чей стан напоминает кипарис, который встретил,
выйдя из дома, прогуливаясь,

Чьи черные волосы обвиваются вокруг лодыжек,
Чьи сросшиеся брови подобны натянутому луку,
Чьи уста тесны даже для пары миндалей,
Чьи алые щеки подобны осенним яблокам,
Моя дыня, моя услада, моя шамама,
Видишь ли ты, что случилось?

(Перевод подстрочный)

Как видно из приведенного примера, метр здесь неустойчив, колеблется в самых разнообразных пределах: встречаются стихи с двенадцатисложным, одиннадцатисложным, девятисложным и восьмисложным метром. Произвольно и расположение рифмы, которая присутствует здесь в силу естественных законов тюркских языков, т. е. благодаря синтаксическим параллелизмам, аффиксам, с помощью которых осуществляются словообразование и словоизменение (бой-лум; сач-лум; каш-лум; агуз-лум; йанак-лум; дювег-ум). Обращает на себя внимание и неустойчивость количества строк в строфе.

Подобное внешнее сходство сойлама огузского эпоса с верлибром дало возможность некоторым ученым утверждать, что свободный стих «уходит своими корнями в далекое прошлое, к древнейшему тюркскому силлабическому стиху» [4. С. 128]. Поэтические тексты из огузского эпоса, на наш взгляд, нельзя отнести к свободному стиху. Во-первых, потому, что по своей структуре сойлама является переходной формой от аллитерационного стиха к силлабической системе хедже и, следовательно, она не обрела определенной и четкой структуры, а, во-вторых, свободный стих представляет собой совершенно новую систему стихосложения, имеющую свои строгие, хотя и не до конца исследованные законы. «Свободный стих—сложная система, — справедливо пишет Д. Самойлов. — В нем обязательна ритмическая и звуковая организация, законы которой, может быть, сложнее, чем законы силлабо-тонического и тактового стиха. Суть этих законов состоит в том, что в свободном стихе речь организуется не по внешним законам стихотворного размера, а в выявлении естественного ритмического строя, заложенного в самом языке» [5. С. 99]. И специфику озгюр кошука составляет особая ритмическая организация, которая тесно связана с внутренними законами поэтической речи. Вместе с тем внешнее сходство сойлама с озгюр кошуком дает возможность перекинуть своеобразный мостик от древнетюркской поэзии к современной литературе и показать, что на заре тюркской поэзии существовала форма, элементы которой перешли в литературу XX в. Это в первую очередь относится к таким исконно тюркским элементам стиха, как аллитерация, анафора, ассонанс и др.

Исследования советскими и зарубежными учеными поэзии тюркских народов Сибири, а также казахского и киргизского фольклора, где влияние арабо-персидской метрики — аруза — было наименьшим или его вовсе не было, показывают, что в древних тюркских стихах рифма в ее нынешнем понимании отсутствовала, звуковые повторы строились с помощью аллитерации и начальной рифмы (анафоры). Тувинский ученый А. С. Тогуй-оол в работе «Опыт исследования тувинского стихосложения» отмечал, что как в фольклоре, так и в современной поэзии тувинцев аллитерация является главным организующим

началом звуковой стороны стиха, что она служит как бы звуковым сигналом новой строки в строфе и выполняет функцию, подобную рифме в других языках.

Исследования по хакасскому, башкирскому стихосложению также показывают, что аллитерация является древнейшим элементом тюркской поэзии. Свидетельство тому и уйгурские стихи, созданные в VIII—X вв. Структура этих произведений позволяет отнести их к аллитерационным стихам. Для уйгурских стихов характерна «вертикальная», т. е. анафорическая аллитерация, система обязательных звуковых повторов, произвольное количество слогов в строке. Все эти особенности прослеживаются и в лирическом стихотворении Апыры Чор Тигина—первого известного нам древнетюркского поэта:

Kasınçığının ö/yü/
Kadgurar men
Kadgurduk (ça) kaşı körtlem
Kavişigsayur men [6. С. 14].

Как видно из приведенного примера, Апыры Чор Тигин совершенно сознательно аллитерирует звуки каждого стиха в пределах строфы по системе а а а а; б б б б и т. д. Помимо «вертикальной» в этом стихотворении встречается «горизонтальная» аллитерация, т. е. повторение согласного звука внутри одной строки: kadguruk(ça) kaşı körtlem.

Наряду с аллитерацией, в поэзии тюрков важную роль играет анафора. Акад. В. Радлов, анализируя функцию начальных рифм, анафорических аллитераций, а также конструкцию строф в языке алтайцев, приходит к выводу, что начальные рифмы также являются древнейшими формами организации тюркского стиха.

В поэтике тюркского стихосложения встречается и словесный повтор в конце стихов, который некоторые ученые (В. М. Жирмунский, М. Хамраев и др.) именуют «эмбриональной рифмой». Это, конечно, еще не рифма в современном ее понимании. Зачастую она присутствует в стихе в силу фонетических и грамматических особенностей тюркских языков. Вместе с тем нельзя не отметить, что такое созвучие являлось одним из факультативных организаторов звуковой стороны тюркских стихов.

Таким образом, исследования в области стихосложения тюркских народов убедительно свидетельствуют о том, что аллитерация, анафора, внутренняя рифма, ассонанс являются характерными признаками тюркской поэзии, что в системе стихосложения тех тюркских народов, чья литература испытала на себе наибольшее влияние арабо-персидской поэзии, происходили значительные структурные изменения, уменьшалась роль аллитерации и анафоры и соответственно увеличивалось значение рифмы. Подчеркивая этот факт, известный польский тюрколог проф. Тадеуш Ковальский отмечал, что аллитерация и рифма (в ее нынешнем понимании) в поэзии тюркских народов обратно пропорциональны друг другу: «У алтайских народов, стоящих далеко от мусульманской культуры, рифма значительно более примитивна, чем в народной османской поэзии, подверженной перс.-арабским влияниям; зато у первых развита аллитерация. В общем отношение рифмы к аллитерации у турок (тюрков.—Т. М.) обратно пропорционально. По мере совершенствования рифмы упрощается аллитерация, — это несомненный результат влияния персидско-арабской поэтики, знающей рифму, но не аллитерацию» [7. С. 150].

К этому следует добавить, что заимствование аруза и новой структуры рифмы сопровождалось интенсивным проникновением арабо-пер-

сидской лексики в поэтический язык тюрок. Эти процессы были взаимосвязаны, ибо фонетический и грамматический строй тюркских языков затруднял утверждение аруза на новой почве.

Все это помогает понять смысл тех изменений, которые произошли в начале XX в. в системе турецкого стихосложения. В этот период в турецкой поэзии началось движение за отказ от аруза и интенсивное освоение новой системы стихосложения—озгюр кошука, нового поэтического языка, возникла естественная необходимость переосмыслить многие эстетические категории и важные компоненты поэтики. Отказываясь от канонизированной рифмы классической поэзии, культивировавшие верлибр поэты компенсировали ее отсутствие усилением роли аллитерации и анафоры. Например, в стихотворении «Поэт» Назым Хикмет использовал как «вертикальную», так и «горизонтальную» аллитерацию:

Şairim
şimşek şekillerini şiirlerimin [8. С. 64].

Великолепны разные формы аллитерации в свободном стихе Орхана Вели:

Giderler yamyamların memleketine
Gemilerim yan yata yata [9. С. 67].

В инструментовке верлибра у турецких поэтов кроме аллитерации важное место занимают такие элементы эвфонии, как анафора, ассонанс, эпифора, звуковые повторы. В этом отношении показательно стихотворение Орхана Вели «Не то» («Дейил»):

Bilmem ki nasıl anlatsam
Nasıl, nasıl, size derdimi.
Bir dert ki yürekler acısı,
Bir dert ki düşman başına.
Gönül yarası desem...
Değil.
Ekmek parası desem...
Değil.
Bir dert ki...
Dayanılır şey değil [9. С. 89].

В этом стихотворении широко использованы лексическая анафора и эпифора. Здесь по три раза повторяются слова «насыл», «дегил», «бир дерт ки», два раза—«десем». Из 32 слов, использованных в произведении, 18 повторяются.

В начальной стадии своего развития турецкий верлибр широко использовал достижения народной поэтики. В свободных стихах, созданных турецкими поэтами, особенно отчетливо прослеживается предметная связь с хедже. Поэты вводили в свободный стих строки, написанные размерами хедже, с тем, чтобы разнообразить ритмический строй произведения и усилить поэтическую мысль. Так, например, в стихотворение «Сура о постижении мира» («Тебаххур суреси») Назым Хикмет вводит строки, написанные различными размерами хедже, и тем самым обогащает ритмический рисунок произведения:

Ah edildi derinden
Yer oynadı yerinden
Yıkıldı köprüler kemerinden
Yıkıldı taşlar kapandı yüzükoyun [8. С. 69].

Влияние народной поэзии заметно и в верлибре Орхана Вели, который в своих стихотворениях с большим мастерством и тактом использовал мелодику силлабики.

Турецкая народная поэзия оказала определенное влияние и на структуру свободного стиха Фазыла Хюсюн Дагларджы. Для того, чтобы показать трагизм положения людей, вынужденных в поисках работы покинуть родные места и отправиться на чужбину, поэт в стихотворении «За куском хлеба» творчески использует хедже и изобразительные средства народной поэзии:

Ana ver çıkınımı gün doğdu yolum gider
Kırkbin köyden öteye
Sanki ayağım kalır yurdunda, elim gider.
Dağ sallanır, yıldızlar yaklaşır kavaklara
Asya'dan çağlar üzre doğmuş masalım gider [10. С. 69].

Дай мне котомку, мама, уже рассвело, моя дорога уходит,
Оставляя позади сорок тысяч деревень.
Как будто ноги мои остаются на родине, руки мои уходят.
Качаются горы, к тополям прижимаются звезды,
Древняя сказка моя из Азии прочь уходит.

(Перевод подстрочный)

В основе озгюр кошука лежат многие важные элементы национальной турецкой поэзии, в том числе классической. При создании своего свободного стиха Назым Хикмет опирался на богатую традицию в области рифмы. «Я не испытываю трудности в рифмовке, поскольку наша классическая литература дала совершенные образцы бесконечного рифмования. Так что здесь я опирался на традицию», — писал поэт [11. С. 464].

В 60—70-х годах появляются сборники стихов Бехчета Неджатиоглы «Диванче» (1965), Ильхана Берка «Ашикане» (1968), Тургута Уяра «Диван» (1970) и ряд других, в которых авторы обращаются к традициям классической поэзии. Надо сказать, что этих художников прежде всего привлекала архитектура классических поэтических форм. Например, в так называемых газелях Октая Рифата от классической газели был сохранен только способ рифмовки, который, по мнению поэта, должен был повлиять на ритмическую структуру произведений.

По достоинству оценивая значение рифмы в звуковой организации стиха, поэты, придерживавшиеся верлибра, в то же время не хотели превращать ее в главный элемент эвфонии. Поэтому если сначала они широко использовали рифму, то в дальнейшем, значительно снизив ее роль, сделали рифму одним из фиксаторов ритма, а в некоторых произведениях и вовсе отказались от нее. Своей целью турецкие поэты-верлибристы ставили борьбу с трафаретными, банальными рифмами, которые обезличивают стихотворение, нивелируют мысль. Они выступали за поиск новых способов рифмовки, поражающих своей неожиданностью, свежестью, увеличивающих ассоциативную сферу стиха. При этом особое внимание уделяется тому, чтобы рифма не мешала естественному потоку речи, в котором бы не нашлось места для лишних слов, вставленных в стих только ради рифмы.

Классическая турецкая литература, сколь бы парадоксальным ни показалось это суждение, сыграла определенную роль в возникновении и формировании турецкого верлибра. В конце XIX в. поэты общества

«Сервети фюнун», внимательно следившие за западной поэзией, заметили, что французские символисты создают произведения в новых поэтических формах, в которых сочетаются длинные и короткие строки. По внешнему рисунку эти стихи, именуемые верлибром, напоминали одну из форм аруза — мустазад, образовавшуюся при помощи следующего размера: меф'улю мефâ'илю, мефâ'илю фâ'ўлюн; меф'улю фâ'ўлюн. Исмаил Сафа, Тевфик Фикрет, Дженаб Шахабеддин, Ахмет Хашим решили раздвинуть рамки мустазада, использовав в нем сразу несколько размеров аруза. Причем употребление этих размеров не подчинялось определенной системе, они чередовались произвольно. Такой вид стиха получил название «свободный мустазад» («сербест мустазад»).

Опираясь на внешнее сходство, некоторые турецкие и советские ученые относят мустазад и сербест мустазад к турецкому верлибру. Так, например, турецкий ученый Джем Дилчин отмечает, что «свободный стих является совершенной формой мустазада» [12. С. 385]. А известный советский турколог А. А. Бабаев пишет: «Свободный стих (сербест назым) известен в турецкой поэзии с давних времен. Поэзия дивана знала поэтический вид, именуемый мустазадом, где длинные строки чередуются с короткими, т. е. после четырехстопного хазаджа следует двустопный хазадж...» [13. С. 249]. В свою очередь, турецкие литературоведы Хикмет Илайдын, Сами Акалын, Сейит Кемаль Караалиоглу именуют «сербест мустазад» «метрическим свободным стихом с рифмой», в котором, по их мнению, длина строки не предрешена заранее и может быть сокращена до одного слога, а рифмы расположены по усмотрению автора. Эти стихи написаны более свободным арузом (разрядка моя. — Т. М.) [14. С. 136]. В качестве примера С. К. Караалиоглу приводит стихотворение Ахмета Хашима «Этот город». Иначе говоря, автор относит к свободному стиху произведения поэтов, пишущих в форме сербест мустазад. Однако для подобного отождествления нет реальных оснований, ибо каким бы «более свободным арузом» ни были написаны стихи в форме мустазад и сербест мустазад, они именно остаются в пределах системы аруза. Вместе с тем следует отметить, что поэты, разрабатывавшие сербест мустазад, объективно способствовали возникновению на турецкой почве верлибра, не привнесенного извне, но сохраняющего связь с традициями национальной поэтической культуры.

Все сказанное подтверждает мысль о том, что озгюр кошук не является чем-то возникшим на голом месте или привнесенным только извне, он тесно связан с традициями национальной поэтической культуры. Творчески осваивая эти традиции и постоянно увеличивая доли нового, турецкие поэты определили перспективу дальнейшего успешного развития озгюр кошука.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Bahramoğlu A. Nazım Hikmet'in şiirlerinde biçim özellikleri ve serbest nazıma geçiş//Sanat emeği. 1978. № 4.

² Melikov T. Türk şiirinde özgür koşuk//Sovyet türkologlarının Türk edebiyatı incelemeleri. İstanbul, 1980.

³ Dede Korkut Kitabı/Haz. Muharrem Ergin. İstanbul, 1986. 3 b.

⁴ Хамраев М. К. Основы тюркского стихосложения. Алма-Ата, 1963.

⁵ Цит. по кн.: Мамонов А. И. Свободный стих в японской поэзии. М., 1971.

⁶ Türk dili. 1986. № 409.

⁷ Востоковедение. 1926. Т. 1.

⁸ *Nazım Hikmet*. Bütün eserleri. Sofya, 1967. С. 1.

⁹ *Orhan Veli*. Bütün eserleri. Ankara, 1975. С. 1.

¹⁰ *Fazıl Hüsnü Dağlarca*. Toprak Ana. İstanbul, 1972.

¹¹ *Хикмет Н.* Избранное. М., 1974.

¹² *Cem Dilçin*. Örnekleriyle Türk şiir bilgisi. Ankara, 1983.

¹³ *Бабаев А. А.* Назым Хикмет: Жизнь и творчество. М., 1975.

¹⁴ *Karaalioglu S. K.* Türkçe ve edebiyat sözlüğü. İstanbul, 1962.

ПРОБЛЕМЫ КОРКУДОВЕДЕНИЯ *

Т. И. ГАДЖИЕВ

О ДВУХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА «КИТАБИ ДЕДЕ КОРКУД»

«Китаби Деде Коркуд» наряду с прочими языковыми особенностями характеризуется развитым синтаксисом, обуславливающим гибкость, точность и прозрачность выразительных средств этого эпического произведения. Именно благодаря совершенству синтаксиса в эпосе так ярко переданы нежность любовных и грандиозность батальных сцен, мудрость рассуждений о семейно-бытовой и общественной жизни, живость и лаконизм диалогов, уместный юмор и колкости. Синтаксис дастанов «Деде Коркуд» практически соответствует синтаксису современного азербайджанского языка [1]. Этот факт, на первый взгляд, свидетельствует о том, что язык «Деде Коркуда» является продуктом не очень далекого прошлого. Однако согласно общезыковому закону любой язык после того, как сформировалась и стабилизировалась его структура, подвергается преимущественно не качественным, а количественным изменениям. Основной же словарный фонд современного азербайджанского языка, его морфологический и синтаксический строй сложились в XIII в. (подтверждением могут служить языковые особенности сочинений И. Гасаноглу). Следовательно, современность языка дастанов «Деде Коркуд» объясняется не поздним возникновением эпоса, а тем, что он создан на языке, структура которого уже сформировалась в древности.

Язык «Китаби Деде Коркуд», дошедшей до нас в той форме, в которой дастаны были записаны в XV в., выпадает из языкового контекста не только XV в., но и еще шире — предыдущего и последующего. Это подтверждается как лексико-фразеологическим материалом, так и интонационным синтаксисом. Статистический анализ языка эпоса, проведенный турецкими и азербайджанскими учеными, показал, что доля арабо-персидских слов в нем гораздо меньше, нежели в любом письменном памятнике XIV—XVI вв., особенно в образцах прозы, причем большинство этих слов внесено в текст памятника в процессе его записи в XV в. (указанные лексические добавления носят количественный характер). Такая операция была вполне возможна и оказалась реализованной. Что же касается вмешательства в синтаксис (а это было бы уже качественным изменением), то такового не произошло. Синтаксис дастанов, будучи чисто тюркским, отличается от языка любого прозаического памят-

* Материалы Первого советско-турецкого colloquium «Огузский эпос „Книга моего деда Коркуда“ как памятник тюркской культуры» (Баку, июль 1988 г.).

ника XIV—XVI вв. Рассмотрим это на примере интонационного синтаксиса.

К интонационному синтаксису мы обращаемся прежде всего потому, что именно интонация, непосредственно связанная с дыханием, отражает наиболее колоритные национально-этнические признаки — от акустических проявлений, диктуемых антропологической структурой, до артикуляционно-тембровых. Интонационный синтаксис, усваиваясь человеком в младенчестве, по мере овладения грамматической структурой языка как бы впитывается в нее. С расширением функциональных возможностей языка интонационные структуры совершенствуются, при этом их обогащение возможно даже за счет иноязычных вкраплений. Иноязычное интонационное влияние положительно до тех пор, пока оно не нарушает первичной национально-этнической основы интонации. В этом смысле интонационный синтаксис «Китаби Деде Коркуд» является первичным, нетронутым. Такой чисто тюркской интонации в синтаксисе азербайджанской прозы XV в. (это относится и к памятникам других тюркских языков этой эпохи) не было. Арабский и персидский языки, в течение ряда веков функционировавшие в Азербайджане в качестве государственных, а также как языки научного и художественного творчества, не могли не повлиять на азербайджанский письменный язык, — азербайджанская интеллигенция, получая образование на арабском и персидском языках, усваивала иноязычную интонацию как присущую литературному языку.

В прозе, в зависимости от того, с какого языка сделан перевод — с арабского или персидского, проявляется соответственно арабская либо персидская интонация. Следует отметить, что персидская синтаксическая интонация приобрела более массовый характер. Немалую роль в этом сыграли персидское языковое окружение в Южном Азербайджане и многочисленные персоязычные медресе, в которых азербайджанцы получали образование. Обратимся к примерам:

Күнәш ким Гөвс бүрчүндә иди, бундан сајичәк јединчи бүрчүндә Гәмәрдүр ким, Чәвзадүр ким, ол вәгтин Гәмәр Чәвза бүрчүндә имиш [2. С. 11а].

Һәр јердә ки, мәнәббәт бинасуны гојубдур, асари-мөннәтдән бир гапу ана ачубдурлар вә һәр мејданда ки, достлығ аләми дурғузубдурлар, бәлалар гошуны ана мулазим ејләјүбдүрләр. Һәр ким, һәгг-тәала аны севәр, аны бәлалара мүбтәла ејләр вә мөннәтләрә кирифтар едәр вә... [3. С. 68б].

Әммә бә'д, беләликлә, улуми-динијјә вә әһками-шәријјәт әрәб лүғәти үзәринә варид олмушдур, бәс бу әчәлдән лүғәтини тә'лим етмәк вә тәаллүм единмәк ибадәт олмуш әһәмм-мүһиммәтиндәндүр, анун үчүн бу кәминәји-кәмтәр бу китабы синаһ чөвһәриндән вә Мухтар Синаһдан истихрач едти вә түркијлә тә'бир егди [4. С. 2б].

Сравним интонационные особенности этих примеров с интонацией «Китаби Деде Коркуд» [5]:

Дирсә хан диши әһлинүн сөзилә улу тој еләди, һачәт диләди. Атдан ајғыр, дәвәдән буғра, гојундан гоч гырдырды. Ич Оғуз, Таш Оғуз бәкләрүн үстүнә јығнаг етди. Ач көрсә, тојурди. Јалын көрсә, тонатды. Борчулујы борчындан гуртарды. Дәпә киби әт јығды. Жөл киби гымыз сағдырды. Әл көтүрдиләр һачәт диләдиләр. Бир ағзы дуалынын алгышилә аллаһ-таала бир әјал верди. Хатуни һамилә олди. Бир нечә мүддәтдән сонра бир оғлан тоғурди (с. 14—15).

Дәмир гапу Дәрвәнддәки дәмүр гапуји гапуб алан, алтмыш тутам ала көндәринүн учында әр бөкүрдән, Газан киби пәһләваны бир савашда үч кәррә атындан јыган Гыјан Сәлчуг оғли Дөлү Тондар чапар јетди: «Чал гылычын, ағам Газан, јетдим», — деди.

Анун ардынча көрәлим, кимләр јетди... (с. 150).

Оғуз бөкләри илә Тондар саға дәпди. Чиласун-јикитләр илә Гарабудаг сола дәпди. Газан кәндү допа дәпди. Төкүр илә Шәкли Мәликә һәвалә олди. Бөкирдүбәни атдан јерә салды. Алча ганын јер үзәринә дөкди. Сағ тәрәфдә Гара Түкән Мәликә Тондар гаршу кәлди. Гылычлады, јерә салды. Сол тәрәфдә Буғачыг Мәликә Гарабудаг гаршу кәлди. Санчубаны јерә чалды (с. 153).

В приведенных отрывках, как и вообще в языке памятника, тюркская лексика в целом соответствует азербайджанскому языку XV в. Это, как уже говорилось выше, связано с тем, что основной словарный фонд азербайджанского языка сформировался в древности. Вместе с тем в нем имеются и такие лексико-фразеологические элементы, которые уже для языка XV в. представлялись пассивными и потому перешли в разряд архаизмов (между тем некоторые их эквиваленты в современном языке вполне употребительны). Например, для языка XV в. более характерно было выражение *атрафында топламаг* 'собирать вокруг себя', нежели *үстүнә јыгнаг етмәк*, *зәбт едән* или просто *алан* 'захвативший' вместо *гапуб алан*, *чығырдан* 'заставляющий вопить' вместо *бөкүрдән*, *чәлд* (*јетмәк*) 'быстро (достичь)' вместо *чапар* (*јетмәк*), *мәркәзә*, *ортаја чуммаг* 'ринуться в центр, середину' вместо *допа дөпмәк*, *ал ганын јерә төкдү* 'пролил алую кровь на землю' или же просто *ал ганын төкдү* 'пролил алую кровь' вместо *алча ганын јер үзәринә дөкди* (в принципе форма *јер үзәри* — реликт аллитерации *јер јүзәри*). Но арабо-персидская лексика встречается в незначительном количестве (даже реже, чем в языке азербайджанской народной поэзии XV—XVII вв.) и употребляется как в современной разговорной речи азербайджанцев, так и в литературном языке: *һачәт* (*диләмәк*) '(просить) необходимое', *ағзы дуалы* 'с молитвой на устах, богобоязненный', *әјән* 'очевидный, ясный', *аллаһ-таала* 'бог, всевышний', *һамилә* (*олмаг*) '(быть) беременной', *мүддәт* 'период, отрезок времени', *һәвалә* (*олмаг*) 'поручиться, возлагаться'. (Все арабо-персидские слова, закрепившиеся в современном азербайджанском языке, употреблялись в письменных памятниках XIII—XVI вв.). Сохранение в современном языке заимствованных слов арабо-персидского происхождения, отмеченных в «Китаби Деде Коркуд», еще раз подтверждает, что основной словарный фонд азербайджанского языка к XV в. уже сложился и при записи дастаны были несколько осовременены включением в них того иноязычного материала, который использовался в живом общении. Это соответствовало поэтике языка дастанов, поскольку язык эпоса (и вообще народного творчества) всегда был близок к живому разговорному языку. А живая разговорная речь, в отличие от литературного языка, во все времена заимствовала иноязычные элементы лишь в крайних случаях — после тщательного отбора. И этот принцип был соблюден лицом, записавшим в XV в. «Китаби Деде Коркуд». В текст были включены именно те арабо-персидские слова, которые утвердились в живом речевом общении азербайджанцев указанной эпохи. Однако синтаксис памятника, в частности интонационный, при этом нарушен не был. По сравнению с приведенными примерами из других памятников предложения дастанов иноязычному влиянию не подверглись, о чем свидетельствуют их лаконичность, характерная для обычного речевого общения, исконность средств синтаксической связи. При этом чистота интонационного синтаксиса сохранилась не толь-

ко за счет краткости предложений, характерной для художественной речи; она присуща и предложениям большого объема. Обратимся к предложениям из «Песни о пленении Уруз-бека, сына Газанбека», где явно просматривается чисто военно-научный стиль. Национальная, тюркская интонационная атмосфера в таких крупных предложениях достигается перечислением однородных причастных оборотов, произносительными волнами, создаваемыми микросинтаксическими единицами, в основе которых лежат деепричастные обороты. Ни в одном из других примеров, приведенных для сравнения, интонация в такой форме, т. е. как целостный фон, не выступает; она кажется эпизодической, прерывается иноязычной интонацией, определенными паузами. Можно, конечно, предположить, что все эти примеры являются переводами. Однако в любом случае здесь имеют место факты тюркского письменного литературного языка XV в. Приведем также заведомо оригинальный пример из произведений Физули:

Илаһи! Бу мѣһѣбѣтнамеји-нами вѣ бу фѣрзѣнди-дилбѣнди-кирами ки, задеји-тѣб'и-фѣсунсаз вѣ нѣтичеји-идраки-сѣһпѣрдазымдыр, ѣмти-ѣји-иззу ниѣз вѣ бѣдригеји-сузу кѣдаз бирлѣ ѣзимѣтигѣрбѣт етди вѣ чѣ-ваһири-мѣ'ни вериб ѣгмишеји-тѣһсин алмага фѣзаји-алѣмѣ мѣһмили-тичарѣт ѣетирди, нѣтѣ ким... [6. С. 46].

Как видим, иноязычная интонация усугубляется здесь обилием труднопонимаемых лексических заимствований; за исключением указательных местоимений, глаголов, служебных частей речи, здесь нет национальной лексики. (Следует отметить, что позднее, например, в XIX—XX вв., переводы с русского и европейских языков сыграли немалую роль в утверждении в азербайджанском письменном литературном языке национальной интонации, норм живого родного языка).

Иноязычная синтаксическая интонация, утвердившись в письменной прозе XIII—XVI вв., проникла даже в язык дастанов, записанных в то время и позднее. Так, например, в письменных импровизациях дастана «Шахрияр» (XVIII в.) лицо, записавшее этот дастан, вторгается в его синтаксическую интонацию с целью привести ее в соответствие с литературным языком:

Сиздѣн тѣвѣгѣ будур ки, чѣмлѣ сиз онун илѣ мѣсаһибѣт едѣсѣз ки, онун хатиринѣ гѣбари-кѣдурѣт ѣетишмѣѣ вѣ һѣмишѣ сизин сѣһбѣтѣ мѣса-һибѣтиниз илѣ хошһал вѣ хѣррѣм олуб вѣ баиси-мѣ'рифѣт вѣ адѣмијѣт ола [7. С. 33].

Этот небольшой отрывок по своей насыщенности персидскими изафетами (*гѣбари-кѣдурѣт*, *баиси-мѣ'рифѣт*, *сѣһбѣтѣ мѣсаһибѣт*), арабской морфологией (*мѣсаһибѣт*, *адѣмијѣт*), союзом *вѣ* напоминает больше образец классической письменной прозы, нежели народный дастан, и язык его ничем не отличается от прозаической нормы, представленной в рассказе XVIII в. «Дозду гази» («Вор и кази»): Гази хѣшминдѣн сѣһрѣ дѣкин уѣумады. Сѣһб олчаг галхды, мѣһкѣмѣѣ кѣлди. Вѣ ол огру сабаһдан дуруб гырх аршун дѣлбѣндѣ башына сарыјыб, сагѣри чѣкмѣни кејѣб вѣ дараи парчеји-мисри илѣ либасланды вѣ бадѣ-сѣрсѣр кими мѣркѣби минди вѣ китаб дѣхи ѣлине алды, гази ешијинѣ кѣлди, ичѣру кирди [8. С. 10а—10б].

Итак, проведенные нами сравнения показывают, что: 1) синтаксис «Китаби Деде Коркуд» является продуктом эпох, предшествовавших тому периоду, когда арабский и персидский языки, будучи государственными языками в Азербайджане, оказали определенное влияние на азербайджанский язык; 2) чисто тюркский характер интонационного синтаксиса эпоса и в этом плане его выпадение из контекста письмен-

ной прозы XIII—XVIII вв. являются доказательством того, что памятник в XV в. был записан не в первый раз; по-видимому, он был переписан с более древнего экземпляра.

Отметим еще один аспект синтаксиса «Китаби Деде Коркуд». Лексическая система синтаксических единиц дастана — словосочетаний и предложений — свидетельствует о том, что определенные черты прозаического языка языка дастана приобрел в результате изменений первичных поэтических форм, которые были произведены переписчиками. Однако все эти изменения не смогли полностью лишить его первичной поэтической сущности, сохранилось немало признаков, доказывающих, что вначале это был поэтический язык. (Мы не имеем в виду те отрывки, которые различные издатели «Китаби Деде Коркуд» выстраивали в виде стихов, хотя они совершенно не отвечают требованиям современного тюркского стиха). Подтверждением поэтической формы дастана выступают то аллитерация, то рифма, то просто число слогов, то все три фактора вместе. Мы, присоединяясь к этим издателям, также считаем, что указанная признаковая синкретичность является реликтовым проявлением принципов древнетюркской поэзии. Что касается частей дастана, которые даются в виде прозы, то они либо содержат стихи, либо отвечают требованиям стиха. В расположении же синтаксических единиц и просодической организации проявляется архитектура древнего стиха. В словосочетаниях и предложениях широко представлены аллитерация (гармония начала слов), рифма (гармония конца слов), ассонанс (гармония различных частей слова) и синтаксический параллелизм (ритмическая симметрия). Все синтагматические проявления сопровождаются ритмическими паузами. Для подтверждения наших мыслей рассмотрим несколько примеров из прозаических частей дастана:

Бу халлары көрдүкиндө Газанын Гара гыјма көзләри ган-јаш толди.
Ган тамарлары гајнады. Гара бағры сарсылды. Гонур атыны өнчөлөди.
Кафәр кечдики јола дүшди, кетди (с. 44).

В приведенном отрывке предложения характеризуются системным созвучием фонетического начала слов, т. е. типичной аллитерацией. В принципе здесь имеет место стихотворный текст, ничем не отличающийся от тех частей дастанов, которые различные издатели, учитывая наличие в них аллитераций, относят к стихам:

Бу халлары көрдүкиндө
Газанын гара гыјма көзләри
Ган-јаш толды.
Ган тамарлары гајнады.
Гара бағры сарсылды.
Гонур атыны өнчөлөди.
Кафәр кечдики јола дүшди,
Кетди.

В первой строке аллитерация отсутствует, но это восьмисложная строка, состоящая из двух ритмических частей (4×2). В шестой и седьмой строках вместо ожидаемого г выступает к/к. (Однако, во-первых, в них самих налицо аллитерация к/к): кафәр—көчдики//көчдики—кетди//кетди; во-вторых, в различных тюркских языках или на разных этапах истории развития одного из тюркских языков существовали звуковые соответствия г—к, к—к (не следует забывать, что слово *кафәр*, будучи заимствованием, несомненно, заменило какое-то тюркское слово). Укажем и такую поэтическую черту, как психологическая напряжен-

ность: драматизм усиливается от одной строки-предложения к другой, сказуемые последнего предложения даже придают ему ритм конной скачки, слово-строка *кетди* ассоциируется с последним стуком копыт удаляющегося коня.

Правда, в некоторых случаях аллитерация ослабевает, становится довольно редкой, но тем не менее она улавливается на слух и выявляется при чтении:

Һаман дәм ат салды. Јел киби јетди, јеләм киби јапышды. Қафәрин чикнинә бир гылыч урды. Кејимини-кечимини тоғрады. Алты бармаг дәринлики зэхм иришдирди. Гара ганы шорлады. Гара сағры согманы толу ган олди. Гара башы буналды, бунлу олди. Һаман дәнди. Гәл'әјә гачды. Јекнәк ардындан јетди. Һасар гапусуна кирмишкән гара полат үз гылычы әнсәсинә ејлә чалды ким, башы топ киби јерә дүшди (с. 210—211).

Конечно, здесь аллитерация не образует системы, но тем не менее она есть: јел киби јетди, јеләм киби јапышды; јекнәк јетди; гара ганы шорлады, гара согманы ган олду, гара башы буналды, гәл'әјә гачды, гара гылыч. Кроме того, прослеживаются и созвучия типа ассонанса, которые служат созданию стихотворного ритма: звук *г* в цепочке слов *гара сағры согма*, звук *ш* в сочетании *башы јерә дүшди* и т. д. Нарушение системы аллитерации связано с последующей «прозаизацией» текста памятника. Обратим внимание на различия, обнаруживаемые в приведенных выше примерах из дрезденского и ватиканского экземпляров «Китаби»: в ватиканской рукописи после предложения *Гара бағры сарсылды* (первый пример) добавляются слова *Јүрәки ојнады*, которые логически очень сильно связаны с предыдущими, хотя и нарушают принцип аллитерации; а после предложения-строки *Гара ганы шорлады* (второй пример) добавляются слова *Гојну долды*, сохраняющие аллитерацию. Вероятно, переписчики в определенных случаях дополняли или сокращали текст:

Ирағындан-јагынындан кәлишдиләр. Кизлү јага тутубан ијләшдиләр. Татлу дамағ верүбән сорушдулар. Ағ-боз атлар бинүбән јортушдулар. Бәк бабасы јанына иришдүләр (с. 200). Здесь, прежде всего, следует отметить, что конечные слова предложений рифмуются: *кәлиш*, *ијләш*, *соруш*, *јортуш*, *ириш* (более того, в 1-м и 2-м сказуемом почти полное созвучие достигается употреблением гласных только переднего ряда, а в 3-м и 4-м — только заднего). Фактически каждое предложение представляет собой стихотворную строку, начальный и конечный такты которой состоят из четырех слогов: *ирағындан ... кәлишдиләр*, *кизлү јага ... ијләшдиләр* и т. д. Слова же в середине строк имеют четыре (*јагынындан*) или три (*верүбән*) слога. Образцом является первая строка, в которой первые два слова образованы по одной морфологической модели: *ираг-ын-дан*, *јаг-ын-дан*. Последующие же строки несколько изменены. Как известно, исторически в тюркских языках и непосредственно в «Китаби» дееспричастие на *-ыбан* употребляется и в форме *-ыбаны*. Наконец, во втором слове последней строки имелся аффикс родительного падежа, который при исполнении дастана с сазом переносился во второй такт. Таким образом, каждое предложение — это стихотворная строка, состоящая из трех четырехсложных тактов:

Ирағындан-/јагынындан/кәлишдиләр,
Кизлү јага/тутубаны/ијләшдиләр,
Татлу дамағ/верүбәни/сорушдулар,

Ағ-боз атлар/бинүбәни/јортушдылар,
Бәк бабасы/нун јанына/иришдиләр.

В отрывке, следующем за приведенным примером, на первый взгляд, стихотворная форма не ощущается: Бабасы оғланчыгын көрди. Аллаһа шүкүрләр ејләди. Оғлилә, кәлинилә Ганлы Гоча Оғуза кирди (с. 200). Однако и здесь прослеживается рифма: *көрди—кирди*. Если произносить слова *оғлилә* и *кәлинилә* в их полной грамматической форме (*оғлу илә, кәлини илә*), то получим четыре строки, содержащие по девять слогов.

Еще один пример: Гамған оғли хан Бајындыр јериндән турмышди. Гара јерүн үзәринә ағбан евүн дикмишди. Ала сејван көк јүзинә ашанмышды. Бин јердә ипәк халчасы дөшәнмишди. Ич Оғуз бәкләри сөһбәтинә дәрилмишди. Јемә-ичмә иди (с. 201—202).

В данном случае для древнего сказителя — озана основой служило количество слогов, а не слов, т. е., исполняя дастан в сопровождении музыки, он группировал не слова, а слоги (отождествление древнего слогового стиха с современным противоречило бы принципу историчности). В стихах «Китаби» ритм особенно сильно проявляется в начале и конце предложения (строки) либо только в начале или конце, причем членения на слова и слоговые группы совпадают. Именно поэтому необходимо обращать внимание на начальное и конечное слово в строке-предложении и выделять наиболее ритмические такты. В приведенном выше примере начальные такты строк-предложений содержат по четыре слоговые единицы (*гамған оғлу; гара јерүн; ала сејван* и т. д.). Столько же слоговых единиц и в конечных тактах строк-предложений (*ашанмышды, дөшәнмишди*; неслучайно они сохраняют и рифму). На основании всего сказанного стихотворная форма рассматриваемого отрывка может быть восстановлена примерно следующим образом:

Гамған оғлы/хан Бајындыр/өз јерүндән [9]/турмуш иди.
Гара јерүн/үзәринә/ағбан евүн/дикмиш иди.
Ала сејван/көк јүзүнә/ашанмышды
Бин јердә и/пәк халчасы/дөшәнмишди.

Иногда встречаются и очевидные нарушения. Так, Уруз говорит своему отцу Газан-беку:

А бәк баба! Дәвәчә бөјүмишсән, көшәкчә ағлун јөг. Дәпәчә бөјүмишсән, тарыча ағлун јөг. Нүнәри оғул атаданмы көрәр, өкрәнәр, јохса аталар оғулданмы өкрәнәр? (с. 125).

Сравним выражения *оғул атаданмы, аталар оғулданмы* (өкрәнәр). В первом случае противопоставляемые субъекты берутся в единственном числе: *оғул-ата*, а во втором это соответствие нарушается: *аталар-оғул* вместо *ата-оғул*. Следовательно, переписчику было все равно, какой перед ним текст — стихотворный или прозаический. И все же им допущена простая логическая неточность (можно предположить, что дошедший до нас текст переписан не непосредственно с оригинала и что в предыдущих вариантах отклонений было меньше). Лингвопоэтический анализ текста показывает, что выражение *а бәк баба* в качестве обращения, а также слово *нүнәри* благодаря логическому ударению выходят за рамки стихотворного размера, и потому данный отрывок может быть представлен в следующем виде:

А бәк баба.
Дәвәчә бөјүмишсән,

Көшәкчә ағлун јог.
Дәпәчә бөјүмишсән.
Тарыча ағлун јог.
Һүнәри

Оғул атаданмы/көрәр өкрәнәр — $6+5=11$
Јохса ата оғул/данмы өкрәнүр — $6+5=11$

Количество подобных примеров может быть увеличено вплоть до объема всего текста дастана. Мы же ограничимся лишь несколькими иллюстрациями. Так, предложение *Ат ајағы күлик, озан дили чевик олур* (с. 57) 'Нога коня бывает крепкой, язык озана проворным', безусловно, восходит к двум стихотворным строкам, каждая из которых содержит восемь слогов:

Ат ајағы күлик олур,
Озан дили чевик олур.

На это указывают также рифма (*күлик-чевик*) и членение строк на два четырехсложных такта.

Не является прозой и предложение *Јумру-јумру ағлады, јаныг чикәрчикүни тағлады* (с. 56). (В древности глагол *ағламаг* имел начальный *ј*, что приводило к неоднократным повторениям аллитерирующего элемента). Налицо здесь и рифма:

Јумру-јумру јығлады,
Јаныг чикәрчикүни тағлады.

Интересно, что там, где есть рифма, число слогов в строках может и не совпадать. В нерифмованных же строках количество слогов более стабильно. Таким образом, во всех случаях присутствует, по крайней мере, один из признаков стихотворной речи — аллитерация, рифма или равное число слогов в строках. Другими словами, переписчики «Китаби», нарушая ее поэтический характер, затрагивали не все указанные признаки. По-видимому, в первичном тексте силлабический стих и аллитерация сопровождали друг друга: *Дирсә ханын хатуни гајытды, керү дөнди. Гатланмады. Гырг инчә гызы бојуна алды. Бәдәви аты бинүб оғланчығын истәју кетди. Гышда-јазда гары-бузы әримәјән Газылыг тағына кәлди чыгды. Алчагдан јуча јерләрә чапуб чыгды. Багса-көрсә бир дәрәнин ичинә гарға-гузгун енәр-чыгар, гонар-галгар...* (с. 26).

В приведенном отрывке аллитерация явная: *Дирсә* — *дөнди*, *ханын* — *хатуни*; *гајытды* — *гатланмады*; — *гырг* — *гызы*; *јуча* — *јерләр*; *чапуб* — *чыгды* и т. д. Однако все это лишь реликты древней аллитерации. Если учесть, что в древнетюркском языке звук *г* имел множество артикуляционных соответствий: *г-к*, *г-қ* (*к* в слове *köylü*), *г-к*, *г-ғ*, *г-х*, *г-һ* (неслучайно в дастане наиболее частым аллитерирующим звуком является именно *г*), то аллитерация в исходном тексте может быть представлена в следующем диапазоне: *ханын* — *хатуны* — *гајытды* — *керү* — *гатланмады* — *гырг* — *гызы*. Когда же повествование достигает своего апогея, соответствие языковых средств психологическому состоянию действующих лиц обеспечивается, в частности, тем, что аллитерация уступает ведущее место силлабическому признаку:

Гышда-јазда/гары-бузы/әримәјән — 4—4—4
Газылыг тағына/кәлди чыгды — 6(?) — 4 [Газлыг таға?]
Алчагдан ју/ча јерләрә/чапуб чыгды [10] — 4—4—4

Багса-көрсә/бир дәрәнин/ичинә — 4—4—3 (?)
 Гарға-гузғун/енәр-чыгар /гонар-галгар — 4—4—4

В двух последних строках последовательное выстраивание слов *багса—көрсә*, *гарға—гузғун*, *енәр—чыгар*, *гонар—галгар*, попарно образующих четырехсложные сочетания, как бы передает ритм биения сердца беспкойной матери.

Еще один пример ритмических фраз: *Агзун гурусун, ана. Дилин чүрусун, ана* (с. 53). Это проклятье, состоящее из двух семисложных строк, содержит и рифму (*гуру — чүру*). Привлекает внимание и распределение гласных звуков: в первой строке сосредоточены гласные заднего ряда, а во второй — переднего. В настоящее время сходное проклятье бытует в форме *дилин гурусун* или *дилин-агзын гурусун*. Следовательно, здесь мы имеем две стихотворные строки, каждая из которых характеризуется различным набором гласных звуков, что обуславливает мелодичность предложений, являющихся продуктом поэтического синтаксиса.

Последний пример: *Оглан бөjlә декәч былдыр-былдыр көзүнүн јашы рәван олды. Боји узун, бели инчә Бурла хатун бојнилә гулағун алды. Дүшди. Күз алмасы киби ал јанағун тутды, јыртды. Гарғу киби гара сачыны јолды. «Оғул. Оғул» дејүбән зарлыг гылды. Ағлады* (с. 54).

Как видно, все сказуемые в конце предложений рифмуются: *олды — алды, тутды — јыртды, јолды — гылды*, что внешне напоминает рифмованную прозу той эпохи, когда была записана «Китаби»: *Сәлам вердим, рушвәт дејилдир ејү алмадылар. Нөкм көстәрдим, фәидәсиздир дејү мүлтәфит олмадылар* [11. С. 303]. Однако эти две литературные формы имеют разное происхождение: первая представляет собой реликт «прозаизованной» древнетюркской поэзии с частичным нарушением размера и утратой некоторых других признаков стихосложения, а вторая является реализацией на тюркской почве поэтики арабской рифмованной прозы. В «Деде Коркуд» имеются такие синтаксические единицы, в которых комплекс поэтических признаков (аллитерация, рифма, силлабическая упорядоченность) или их отдельные проявления не отражены. Подобные факты есть не что иное, как результат «прозаизации» текста при его записи, объясняющейся недостаточным пониманием аллитерационной сущности древнего стиха, поэтическая форма которого была архаичной уже для той эпохи.

Иногда задают вопрос: если дастан в целом — это стихи, то как строится его повествование? По-видимому, так же, как в «Манасе» или же в средневековых и более поздних азербайджанских стихотворных сказаниях.

Нередко считают, что опущение стихотворных частей дастана связности текста не нарушает. Однако подобные утверждения исходят из поэтики гораздо более поздних дастанов, например, «Кероглу» и «Асли и Керем». Действительно, в них стихи не развертывают сюжет, они лишь эмоционально дополняют конкретное событие. В «Китаби Деде Коркуд» стихов, которые не продолжают сюжетную линию, очень мало. Большинство фрагментов дастана, трактуемых различными издателями как стихи, имеют сюжетную значимость; те же из них, которые, несомненно, являются стихами, содержат диалоги, рассказы о снах, клятвы, обеты и т. п.

Стихотворный характер «Китаби» в целом подтверждается и тем, что приводимые в качестве стихов части памятника у разных издателей не совпадают (достаточно сравнить издания Г. Араслы, О. Шаига,

М. Эркина, Ф. Зейналова и С. Ализаде). Вполне вероятно, что эти стихи архаичны и потому неодинаково воспринимаются современными исследователями. Во всех изданиях дастана фрагменты, признанные стихами, даются в основном под названием *сойлама* ('воспевание'). Они в принципе соответствуют тем стихотворным вставкам в современных дастанах, которые поются под саз. По-видимому, «Деде Коркуд» с начала до конца исполнялся в сопровождении саза, причем, по нашему мнению, повествовательно-стихотворные части — спокойно, в низкой тональности, а песенно-стихотворные — бурно, на высоких нотах — с голосовыми модуляциями, присущими восточной мелодии. Сложная стихотворная форма дастана затрудняла его широкое распространение в народе. Уже в средние века «Деде Коркуд» исполнял далеко не всякий озан. В результате форма дастана архаизовалась, а вскоре были забыты и навыки его исполнения [12].

Итак, все сказанное позволяет нам сделать следующие выводы: 1) исходный вариант «Китаби Деде Коркуд» имел стихотворную форму (об этом свидетельствуют результаты комплексного анализа лексико-просодического компонента его синтаксиса); 2) синтаксис дастана избежал иноязычного влияния главным образом потому, что в его основе лежала стихотворная техника (вообще иноязычному влиянию подверглась только лексика азербайджанской поэзии); 3) аллитерация и силлабическое стихосложение в одинаковой степени первичны для тюркоязычной поэзии; 4) датированный XV в. вариант «Китаби Деде Коркуд», безусловно, был переписан с другого — более древнего экземпляра [13]. Если бы этот памятник впервые был записан в XV в., то его непременно «отредактировали» бы, как и дастан «Шахрияр».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такой высокий уровень соответствия между синтаксисом «Деде Коркуд» и современного азербайджанского языка представляется тем более примечательным, если иметь в виду, что языковые особенности того или иного европейского эпоса значительно отличаются от современного языка создавшего его народа.

² Рукопись XV в. «Ихтијарати-гъваиди-күллијя». Азәрб. ЕА ЭИ. Инв. № 864/14—59.

³ Рукопись XVI в. «Шүһәданама». Азәрб. ЕА ЭИ. Инв. № Д-535/13659.

⁴ Рукопись XVI в. «Тәрчүман әс-сиһаһ». Азәрб. ЕА ЭИ. Инв. № М-370.

⁵ Далее для приводимых примеров из «Китаби Деде Коркуд» указываются номера страниц факсимиле дрезденского экземпляра памятника. При необходимости для сравнения и уточнения мы обращались также к ватиканскому экземпляру и изданиям памятника, осуществленным М. Эргином (Dedem Korkut kitabı. Ankara, 1958. 1), Г. Араслы (Китаби-Дәдә Горгуд. Бақы, 1962), Ф. Зейналовым и С. Ализаде (Китаби-Дәдә Горгуд: Тәңгиди мәтн. Бақы, 1988).

⁶ Фүзули М. Әсәрләри. Бақы, 1958. I ч.

⁷ Мәһәммәд. Шәһријар. Бақы: Јазычы, 1987.

⁸ Дозду гази. Азәрб. ЕА ЭИ. Инв. № Б-2456.

⁹ Естественность атрибута *өз* 'свой' в этой позиции подтверждает сравнение со следующим примером: *Өз көвдәндән башуны кәсәјинми* (с. 13).

¹⁰ В языке прозы два следующих друг за другом предложения не могут оканчиваться одним и тем же сказуемым (*чыгды*). Более того, обозначение первым в определенном смысле грамматического вида или его возможное соответствие слову *чатды* *кәлди чыгды* вместо *кәлди чатды*) также подтверждают употребление сказуемого именно в соответствии с поэтическим синтаксисом.

¹¹ Фүзули М. Әсәрләри. Бақы, 1958. 2 ч.

¹² Неслучайно в настоящее время киргизский героический эпос «Манас» исполняется только особыми сказителями — *манасчы*, т. е. людьми, которые обладают шаманической природой. Их искусство передается по наследству от одного поколения к другому. Вероятно, и у азербайджанцев были свои династии *горгудчу*. Однако впоследствии эти династии прервались и традиция устного исполнения дастана была забыта. Можно только порадоваться, что «Деде Коркуд» в свое время был записан, иначе он был бы навсегда утрачен.

¹³ Предполагают, что известные коркудовам экземпляры были переписаны с рукописи XI в. Внимание исследователей привлекло число 466, ясно читаемое в конце дрезденского экземпляра под словом *тэммэт* 'завершено'. Арабские цифры этого числа написаны способом уйгурского письма, т. е. друг под другом (см.: [14. С. 45; 15; 16]). Конечно, этот факт заслуживает дальнейшего осмысления. Еще в 50—60-х годах Г. Араслы неоднократно указывал, что некоторые события в дастане соответствуют событиям X—XII вв. и, возможно, он впервые был записан в XI в. Но почему именно в XI в.? Можно предположить, что ученый обратил внимание на указанную выше датировку, хотя и не привел при этом соответствующих доказательств.

¹⁴ *Джемшидов Ш.* Текстологическое исследование «Китаби Деде Коркуд»: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1985.

¹⁵ *Начијев Т., Элмдари Ф.* «Дәдә Горғуд»ун Дрезден нүсхәсинин сон сәһифәси һаггында//Әдәбијјат вә инчәсәнәт. 1986. 4 апр.

¹⁶ *Начијев Т.* Редаксияја мәктуб//Там же. 18 апр.

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

А. Н. БАСКАКОВ, Т. Б. КРЮЧКОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ЖИЗНИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Языковая жизнь многонационального государства — явление сложное. Тенденции ее развития, как правило, во многом отражают процессы, происходящие в других сферах социальной жизни, являясь в определенном смысле их индикатором. С другой стороны, положение, которое занимает тот или иной язык в многонациональном социуме в целом, а особенно в жизни его непосредственных носителей, может явиться одной из причин возникновения различных конфликтных ситуаций в обществе.

Из сказанного очевидно, что языковая жизнь требует постоянного внимания и всестороннего изучения, а также регулирования со стороны общества на строго научной основе.

Широкая программа языкового и культурного строительства, осуществленная в 20—30-х годах в СССР на основе принципов ленинской национальной политики, во многом обязана своими успехами тесному сотрудничеству руководящих советских и партийных органов с компетентными учеными-лингвистами. Примером такого сотрудничества может служить опыт деятельности Всесоюзного центрального комитета нового алфавита при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР, объединявшего авторитетных ученых-языковедов, таких, как Н. Я. Яковлев, Е. Д. Поливанов и другие, и имевшего широкие полномочия в разработке и внедрении письменностей для многих языков народов СССР.

Однако в конце 30-х годов «динамизм, присущий начальному этапу формирования многонационального государства Советов, был существенно утрачен и подорван отходом от ленинских принципов национальной политики, нарушениями законности в период культа личности, идеологией и психологией застоя. Абсолютизировались достигнутые результаты в решении национального вопроса, утверждались представления о беспроблемности национальных отношений» [1].

Особенно наглядно это проявлялось в отношении к малым народностям; интерес к языку, культуре, а порой и к самому факту их существования постепенно угасал. Косвенным доказательством этого служат материалы переписей населения. Всесоюзная перепись 1926 г. зарегистрировала в СССР 194 национальности, по данным переписи 1939 г. их насчитывалось 99, переписью 1959 г. учтено 109 этнонимов, 1970 — 106, 1979 — 101 (с оговорками соответственно по годам — 97, 126, 122, 123). При этом следует указать, что далеко не всегда отсутствие данных о той или иной национальной группе населения свидетельствует об

ее исчезновении. В некоторых случаях этническая группа продолжает существовать, сохраняя свой язык и культуру, но ее этноним не включают в список, представленный в переписи, считая, видимо, эту группу слишком малочисленной [2].

С другой стороны, некоторые народности действительно растворяются среди других — более крупных. Но этот процесс не вызывал особого беспокойства ни у директивных органов, ни среди ученых. Е. Зеймаль отмечает, что в ходу у обществоведов такое «теоретическое обоснование» этой тенденции: «Консолидация социалистических наций на основе экономического, социального и культурного сближения народностей в условиях социализма проявляется в объединении, слиянии обособленных этнических групп, существование которых в результате прекращается. Этот процесс рассматривается и оценивается по аналогии с процессами дальнейшего стирания классовых различий, сближения умственного и физического труда, города и деревни и тому подобными явлениями и тенденциями, прогрессивность которых не вызывает (да и не может вызывать) сомнений. Иногда — с оттенком одобрения и даже гордости — исследователи отмечают „уменьшение этнической мозаичности нашей страны“» [3. С. 64—65].

Отход от ленинских принципов национальной политики сказался, естественно, и на языковом строительстве и планировании. Языковая политика стала осуществляться без должной опоры на научные данные и рекомендации. Да и разработать такие рекомендации в условиях, когда многие научные дисциплины, изучавшие различные аспекты общественной жизни, были либо подвергнуты запрету, как социология, либо изучали только позитивные стороны своих объектов, как демография, этнография, языкознание, было весьма затруднительно. Из сферы анализа были исключены такие научные объекты, как социально-профессиональные группы советского общества, целые народы, народности и этнические группы, в особенности не имевшие или лишенные своих государственных или территориальных образований. Социолингвистическое направление в изучении живых языковых процессов заглохло на долгие годы.

Когда в 60-х годах произошло возрождение советской социолингвистики, она столкнулась со значительными трудностями, некоторые из которых не преодолены и поныне. Это прежде всего касается той области социальной лингвистики, которая обращена к анализу языковых процессов, протекающих в социалистическом обществе. Дело в том, что как междисциплинарная наука, рассматривающая языковые процессы в органической связи с детерминирующими их социальными процессами, социолингвистика не могла и не может развиваться без социологических данных. Между тем отечественная социология, долгие годы подвергавшаяся запрету, не накопила достаточного теоретического и фактологического багажа. Сказанное, конечно, не означает, что социолингвисты все эти годы сидели сложа руки и ожидали, когда социология обеспечит их необходимыми теоретическими концепциями и материалами конкретных социологических исследований. Были разработаны многие общетеоретические вопросы социальной лингвистики как самостоятельной научной дисциплины, созданы теория социальных функций языков и функциональная типология языков, исследовано влияние на язык разного рода социальных факторов, проанализированы различные аспекты взаимоотношения языка и культуры и т. д. Проводились конкретные социолингвистические исследования, в ходе которых немногочисленные ученые данной специальности собирали материал (естест-

венно, в том объеме, в каком это позволяли сделать привлекаемые к работе силы и средства) по функционированию национальных и русского языков в отдельных регионах страны, а также в различных сферах социальной жизни. На основании этих исследований давались рекомендации по различным проблемам языковой жизни народов СССР, но они, к сожалению, мало учитывались при проведении конкретных мероприятий в этой области.

Оценивая развитие советской социалингвистики в предшествующие десятилетия, нельзя упускать из виду тот факт, что она, как и любая другая общественная наука, имеющая объектом исследования непосредственно одну из сторон жизни социума, находится в прямой зависимости от общефилософских концепций, господствующих в тот или иной период. Они существенным образом влияют на общеметодологические установки и теоретические построения социалингвистики: особенно наглядно это проявляется в объяснительной функции теории, поэтому многие недостатки, в которых упрекают теперь социалингвистику, являются ничем иным, как отражением того положения дел, которое сложилось в нашей философии и социологии.

В настоящее время, когда в советском обществе происходят революционные изменения, характеризующиеся возвращением к подлинно ленинским принципам построения социалистического общества, коренным образом меняются и требования, предъявляемые к общественным наукам. «Творческий марксизм-ленинизм, — отмечалось на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся действительности. Анализ критический, ни от чего не отворачивающийся, ничего не скрывающий, не боящийся никакой правды. Только такой анализ работает на социализм. Нет и не может быть никаких ограничений для подлинно научного поиска. Вопросы теории не могут и не должны решаться никакими декретами. Нужно свободное соревнование умов. От этого только выиграет наша общественная мысль, умножится ее прогностическая сила, а значит — способность служить надежной основой для выработки политики партии» [4].

Естественно, что в этом свете у общественных наук появляются и совершенно новые возможности как в области конкретных исследований, так и в сфере теоретических поисков. Однако не следует строить иллюзий и ожидать, что теперь, как по мановению волшебной палочки, сразу появятся работы, в полной мере отражающие все сложные процессы, происходящие в разных сферах общественной жизни, а применительно к нашей дисциплине — в области языковой жизни народов СССР. Здесь требуется проведение крупномасштабных исследований с привлечением больших сил и средств. Ведь существуют такие регионы страны, о языковой ситуации в которых вообще мало что известно. Особенно это относится к языковому существованию «малых» народов, а также народов, не имеющих своей государственности или проживающих за ее пределами. Дело осложняется тем обстоятельством, что проводить эти исследования, по существу, некому. Малочисленная лаборатория социальной лингвистики Института языкознания АН СССР в лучшем случае способна осуществлять координацию этой деятельности в стране, разрабатывать методики исследований, нацеливать на получение сопоставимых результатов. Еще более малочисленные социалингвистические подразделения языковедческих институтов республиканских академий и филиалов АН СССР, естественно, концентрируют свои силы на изучении функционирования языка основного населения соответствующей

республики и русского языка как средства межнационального общения, поскольку здесь также имеется много проблем, требующих пристального внимания ученых. Исследования же других языков, представленных на их территориях, не только не расширяются, но в некоторых случаях даже сворачиваются.

Сложно обстоит дело и с получением статистической информации. Раньше казалось, что стоит только ее открыть, и ученые получают в руки все необходимые материалы. На деле оказалось, что многих данных просто нет. При том, что в стране существует гигантская отчетность, не предусмотрен сбор статистических данных по ряду важнейших позиций, например, в республиках не фиксируется количество учащихся общеобразовательных школ по национальным языкам. Ввиду этого социолингвистам приходится самим по крупицам собирать такого рода материалы, затрачивая на это много времени и сил.

Все проблемы, конечно, нельзя решить в один день. Сейчас принимаются меры, направленные на улучшение положения дел. Так, в АН СССР создан научный совет «Язык и общество», основные усилия которого будут направлены на активизацию исследований языковых процессов в нашей стране, обобщение опыта языкового планирования и языкового строительства зарубежных стран. Предусмотрены и другие научные и организационные мероприятия. Все это, бесспорно, в будущем даст свои результаты.

Однако же сейчас, базируясь на имеющихся результатах и данных, можно более полно осветить некоторые аспекты языковой ситуации в нашей стране, выявить соотношение объективных и субъективных факторов в формировании отдельных негативных тенденций, наметить пути их преодоления. Мы попытаемся сделать это на материале функционирования национальных и русского языков в тюркоязычных республиках Средней Азии и Казахстана.

Особую озабоченность в этом регионе вызывают такие негативные тенденции в языковой жизни, как сокращение функций и социальной базы некоторых тюркских языков, в частности казахского и киргизского, снижение качества владения литературными тюркскими языками и качества образования на них. Отстает от потребностей всего многонационального советского общества количественное и качественное развитие тюрко-русского двуязычия. В стране, и особенно за рубежом, эти негативные тенденции часто объясняются якобы проводимой политикой русификации, отсутствием патриотизма по отношению к родным языкам, администрированием. Несомненно, административно-командные методы в национальной и языковой политике сыграли отрицательную роль в духовной жизни страны. Примером тому может служить кампания по повышению уровня знаний русского языка в 70—80-х годах. Большинство мероприятий, проведенных в ее рамках, носило экстенсивный характер и было направлено на увеличение учебного времени занятий по русскому языку, создание программ по углубленному его изучению, что при отсутствии достаточного количества должным образом подготовленного преподавательского состава, естественно, не могло дать положительных результатов. При этом снижалось внимание к качеству обучения родным языкам, имели место приписки к процентным показателям свободного владения русским языком при переписи 1979 г. В конечном счете пострадал престиж русского языка и продолжал снижаться уровень владения литературными нормами как русского, так и тюркских языков.

Но все негативные процессы в языковой жизни данного региона нельзя объяснять воздействием только субъективных факторов. В основе их лежат также процессы этнолингвистического, социально-демографического и социально-экономического характера.

Весьма острые национально-языковые проблемы возникли в связи с неравномерным социально-демографическим развитием основных национальностей региона. Во всех рассматриваемых республиках сельское население коренных национальностей превышает городское: около 70% узбеков, казахов и туркмен и более 80% киргизов проживают в сельской местности, в городах узбеки и туркмены составляют менее половины, а казахи и киргизы — менее четверти населения. Учитывая большой прирост национального населения в регионе, в среднем превышающий общесоюзный в 3 раза и осуществляющийся главным образом за счет сельского населения [5], можно предположить, что в будущем разрыв между городским и сельским населением будет увеличиваться. По сравнению с РСФСР и Украиной интенсивность миграции в регионе ниже в 5—6 раз [6. С. 98]. Среди основных причин замедленной миграции сельского населения в город социологи называют завышенную оплату сельского труда, богатое личное подсобное хозяйство и плохое знание русского языка [7. С. 22]. Действительно, в среднем по региону доля свободно владеющих русским языком сельских жителей в 3 раза меньше доли городских жителей тех же национальностей. Так, в Туркмении 40% городских туркмен и только 15% сельских, в Киргизии 53% городского и только 15% сельского киргизского населения свободно владеют русским языком. Еще ниже уровень владения русским языком среди представителей основных национальностей, проживающих за пределами своих республик. Так, только 31% узбеков в городах Туркмении и 10% в сельской местности, 40% в городах и 11% в сельской местности Туркмении свободно владеют русским языком. Хуже всех русский язык знают представители народов, не имеющие в пределах СССР своей государственности. Так, только 4,1% белуджей свободно владеют русским языком. Весьма велик разрыв в уровне знания русского языка между мужчинами и женщинами. Например, русским языком свободно владеет 32% мужчин-туркмен и только 16% женщин.

Следует также отметить далекую от совершенства методику выявления уровня владения языком при переписях населения ввиду субъективности самоощущения опрошиваемых, разного уровня языковой компетенции переписчиков и нечеткости содержания понятия «свободное владение языком». Очевидно, это понятие следует дифференцировать в соответствии с возрастными, образовательными и социальными характеристиками носителей языков. Свободное владение языком различно у младших и старших возрастных групп, у лиц с разным образовательным уровнем, у работников физического и умственного труда и пр. Свободное владение языком в социоллингвистическом понимании может быть определено как владение языком, адекватное социальному статусу и социальной роли его носителя.

Среди лингвистически релевантных различий между городом и деревней можно отметить дисперсность этнического состава города и этническую концентрацию в деревне, сложную социально-профессиональную структуру, предусматривающую функциональную расчлененность деятельности в городе и относительно однородную социальную структуру деревни, различия в степени развитости социокультурной

инфраструктуры города и деревни [8. С. 49—50]. Все эти различия обуславливают большую социальную активность и плотность контактов городского населения, более высокий образовательный и культурный его уровень и как следствие этого — более высокий уровень владения родными и русским языками. Спецификой городов региона является сосредоточение основных производственных и социокультурных потенциалов в столицах республик. Здесь же проживает большинство русскоязычного населения. Что касается средних и малых городов региона и поселков городского типа, то национальный контингент там значительно выше, чем в столицах, однако социально-классовый состав и культурный уровень населения в них, владение им литературными нормами родных и русского языков приближается к уровню сельской местности.

Преобладание сельского населения основных тюркоязычных национальностей в регионе определяет его социальный состав и образовательный уровень, что отражается на языковой компетенции представителей этих национальностей и на использовании ими родных и русского языков. К характерным особенностям социальной структуры населения региона следует отнести преобладание занятого населения и избыточных трудовых ресурсов в сельской местности, относительно низкую долю занятого населения (на 10% ниже, чем в стране), непропорциональность общего количества коренного населения его долям среди промышленных рабочих и некоторых других категорий работников физического и умственного труда по сравнению с русскими и некоторыми другими национальностями. Среди причин этого можно отметить слабую урбанизацию, большую долю младших возрастных групп среди коренного населения, особенности семейно-бытового уклада — патернализм, слабую социализацию женщин, низкий уровень владения языками.

В среднем доля лиц основных национальностей республик среди промышленных рабочих составляет около 10—15% всего занятого населения этих национальностей, а среди работников сельского хозяйства — до 60—80%. В то же время доля русских, украинцев, белорусов, татар, немцев и других национальностей среди промышленных рабочих составляет в среднем до 30% всех занятых представителей этих национальностей, а среди работников сельского хозяйства от 9—12% в Киргизии и Казахстане до нескольких долей процента в других республиках региона.

К категории служащих принадлежит около 20% представителей коренных национальностей и до 40% русских, украинцев и белорусов, а также лиц других национальностей. Общее же количество служащих коренных национальностей в 2—3 раза превышает количество служащих русской и других национальностей.

В целом по региону в сельской местности находится до 80% деятельного коренного населения, а в городах — до 80—90% деятельного русского, украинского, белорусского и прочего населения. В сферах физического труда доля коренных национальностей в 2—3 раза больше, а в сферах умственного труда в 2—3 раза меньше, чем доля русских и представителей других национальностей. Такое неравномерное социально-классовое деление национального и русскоязычного населения региона существенным образом сказывается на интернационализации трудящихся разных национальностей, на их образовательном и культурном уровне, на их языковой компетенции.

При высоких средних показателях количества лиц, имеющих все виды образования (в среднем 889 чел. на 1 000 занятого населения при

общесоюзном показателе на 1985 г. 883 чел.), достигнутых за счет общего среднего и начального образования, весьма низко количество представителей основных национальностей, имеющих высшее, среднее специальное и профессионально-техническое образование. Если в вузах, ссузах и профтехучилищах РСФСР, Украины и Белоруссии, в республиках Прибалтики получило образование около половины всей молодежи, то в соответствующих учебных заведениях региона Средней Азии и Казахстана — не более четверти молодых людей [9. С. 28]. На 1 000 населения региона в нем в 1,5 раза меньше студентов вузов и в 2 раза меньше учащихся ссузов и профтехучилищ, чем в других регионах страны [10. С. 83, 86]. Существенно различается количество лиц разных национальностей по видам образования. Так, в Узбекистане на 1 000 занятого узбекского населения приходится 112 лиц с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием, на 1 000 русских — соответственно 286 чел., на 1 000 татар — 216 чел., в Туркмении на 1 000 гуркмен — всего 55 чел., русских — 313 чел., татар — 206 чел. Между тем существует прямая зависимость между уровнем образования, культуры и квалификации и практическим использованием языков. Установлено, что знание и использование русского языка у квалифицированных специалистов — рабочих и служащих в сферах умственного и физического труда — в 2—3 раза выше, чем у неквалифицированных работников тех же национальностей [11. С. 130]. Что же касается родных тюркских языков, то более высокий образовательный и профессиональный уровень определяет преимущественное использование литературных норм родных языков, более высокую культуру родной речи. Социально-профессиональные группы национального городского и сельского населения с низким образовательным уровнем и низкой квалификацией используют преимущественно просторечные и диалектные формы родных языков.

Все указанные специфические особенности состояния и развития демографической и социальной структур населения региона, его образовательный уровень объективно отражаются на состоянии и развитии его языковой жизни. К наиболее социально значимым последствиям такого отражения следует отнести относительное сокращение социальной базы литературных тюркских языков основных национальностей в республиках региона. При абсолютном росте народонаселения этих национальностей рост сельского населения, использующего в своем большинстве диалекты и просторечие, обгоняет рост городского национального населения, использующего преимущественно литературные формы родного языка. Так, городское население Туркмении с 1970 по 1982 г. составляло 48%, а с 1983 по 1986 г. — 47%. Кроме того, у части городского населения основных национальностей, принадлежащего главным образом к младшим и средним возрастным группам рабочих и служащих, наблюдается снижение уровня знания родных языков, сокращается их использование в различных общественных сферах — в общественно-политической жизни, художественной культуре, в сфере гуманитарных наук, в семейно-бытовых отношениях. Особенно ярко эти явления проявляются в Казахстане и Киргизии, где основные национальности не составляют большинства населения, а доля их среди горожан не превышает 15—20%. Естественно, что при такой малой доле городского национального населения русский язык становится функционально первым не только в сферах профессиональной деятельности — на предприятиях и учреждениях, но и в повседневном общении представителей

основных национальностей с русскоязычным населением и друг с другом. Контингент слабо или совсем не владеющих родным языком представителей основных национальностей количественно невелик. В Казахстане, например, только 1,4% казахов не признают родным язык своей национальности [12. С. 116]. Приблизительно в этих же пределах находится число незнающих язык своей национальности и в других союзных республиках региона. Определенную озабоченность вызывает то обстоятельство, что среди этих малых процентов городского национального населения, плохо или совсем не владеющих родными языками, значительна доля лиц, принадлежащих к наиболее образованной, квалифицированной и социально активной части населения. Это партийные и советские работники, деятели науки и культуры, квалифицированные инженерно-технические работники, которые должны были бы быть носителями эталонных литературных норм своих родных языков. Часто родители, принадлежащие к указанным социальным группам, предпочитают отдавать своих детей в русские школы, так как образование на русском языке признается более качественным, чем образование на родных языках, а также открывает национальной молодежи двери средних специальных и высших учебных заведений не только в своих республиках, но и за их пределами.

Наблюдается также снижение читательского интереса к печатной продукции на национальных языках. Так, в 1983—1985 гг. в Казахстане количество нереализованной печатной продукции на казахском языке в 3 раза превышало непроданную литературу на русском языке. Уменьшается издание научной и научно-популярной литературы на основных языках союзных республик региона.

Другим важным последствием специфики социально-демографической структуры населения региона является серьезное положение с русским языком. Данные переписи 1979 г. о процентах населения, свободно владеющего русским языком, весьма относительно отражают реальную действительность ввиду указанных субъективных оценок и приписок. Кроме того, с момента переписи произошло существенное увеличение национального населения региона за счет младших возрастных групп сельского населения, степень владения которого русским языком весьма низкая (в среднем 10—15%). Иногда слабое развитие национально-русского двуязычия объясняют тем, что у тех или иных социальных групп населения или у целых народов якобы отсутствует социальная потребность в русском языке. Однако трудно представить, чтобы социалистические нации и народности, их отдельные социальные группы, все многонациональное советское общество не имели социальных потребностей в преодолении языковых барьеров во всех сферах общественной жизни Советского государства. В качестве наиболее наглядного примера здесь можно привести необходимость прохождения всем мужским населением страны службы в рядах Советской Армии. Не секрет, что для молодежи данного региона, проживающей в сельской местности, это оказывается весьма затруднительным именно из-за незнания или плохого знания русского языка. Военкоматы вынуждены организовывать курсы русского языка для призывников, чтобы хоть как-то компенсировать то, что эти молодые люди не получили в школе.

Следует отметить, что многие представители нерусскоязычного населения хорошо осознают, какие дополнительные социальные перспективы открывает овладение русским языком. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что родители из сельской местности, где порой 100% населения — это лица коренной национальности, обращаются в совет-

ские и партийные органы с просьбой открыть по месту жительства русскую школу, поскольку национальная школа не дает возможности овладеть русским языком в необходимом объеме.

Таким образом, речь может идти не об отсутствии социальных потребностей, а о благоприятных или неблагоприятных социально-демографических, социокультурных, экономических условиях для овладения и использования национальных и русского языков. Создание таких благоприятных условий является сейчас одной из важнейших задач в области решения национально-языковых вопросов. А «основой для решения этих вопросов,—как отмечалось в Тезисах ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции, является политический курс, сочетающий удовлетворение интересов всех наций с их сближением и взаимопомощью, интернационалистическая идеология, несовместимая с национализмом и шовинизмом» [13].

Все приведенные нами данные показывают, что существуют многочисленные объективные факторы, затрудняющие как распространение нормированных литературных языков основных национальностей, так и развитие национально-русского двуязычия в данном регионе. Но из этого, конечно, нельзя делать вывод о необходимости ожидать, когда изменится социально-демографическая и экономическая ситуация и указанные процессы будут протекать в более благоприятных условиях. Вопрос стоит иначе: какие неотложные меры следует осуществить, чтобы в какой-то мере нейтрализовать влияние этих факторов на языковые процессы. Следует отметить, что, в свою очередь, повышение уровня языковой компетенции населения тюркоязычных республик Средней Азии и Казахстана окажет благотворное влияние на изменение социально-экономической ситуации в регионе.

В целях наиболее эффективного обучения языкам, развития национально-русского и русско-национального двуязычия, а также элиминирования напряженности в области национально-языковых отношений представляется необходимым сосредоточить усилия в следующих направлениях:

1. Учитывая количество населения младших возрастных групп в регионе, следует особое внимание обратить на решение проблемы раннего билингвизма. В последнее время интенсивно муссируется тема с вреде раннего двуязычия. Рассуждают по этому вопросу обычно люди, весьма далекие от психологии, педагогики дошкольного возраста и социолингвистики, поэтому неудивительно, что их выводы не имеют под собой научной основы. В специальной литературе убедительно показано, что каждый ребенок с нормальными способностями может овладеть двумя или несколькими языками как стихийно, так и в процессе целенаправленного обучения. При стихийном изучении второго языка для того, чтобы не происходило смешения языков, должны соблюдаться следующие условия: каждый язык должен быть однозначно привязан к определенной ситуации общения: ребенок не должен слышать от одних и тех же лиц, например, родителей, одновременно два языка [14]. При специальном обучении языку опасность смешения языков еще меньше, естественно, при соблюдении методики обучения. И в первом и во втором случае ребенок должен хорошо овладеть структурой первого языка, прежде чем изучать второй (обычно это происходит к трехлетнему возрасту).

При любом из указанных способов овладения вторым языком билингвизм не влияет отрицательно на интеллектуальное развитие ребенка. Более того, рассматривая связь двуязычия и познавательного развития, ряд авторов приходит к выводу, что влияние второго языка

благотворно в большинстве случаев последовательного двуязычия [15—18].

В этой связи совершенно обоснованной представляется мысль о том, что «целенаправленное формирование двуязычия в системе общественного дошкольного воспитания должно не только достигать непосредственной цели — умения общаться на каждом из языков, но и вносить вклад в общее развитие ребенка» [19]. Раннее овладение вторым языком, кроме того, будет способствовать уменьшению нагрузки при обучении языкам в средней школе, что при нынешних насыщенных программах имеет немаловажное значение.

Особое внимание в детских садах, особенно в сельской местности, следует также обратить на то, чтобы дети в процессе дошкольного воспитания овладевали литературной формой родного языка. Для этого требуется использование специальных программ по развитию навыков речи, которые, к сожалению, во многих республиках отсутствуют. Однако многие работники дошкольных учреждений в сельской местности сами не владеют литературным языком и, естественно, не могут научить ему своих воспитанников.

В последнее время в некоторых республиках дискутируется вопрос о создании в крупных городах, где, как известно, часть коренного населения плохо владеет родным языком, специализированных детских садов на национальном языке; где дети коренных национальностей, не общаясь с детьми других национальностей на языке межнационального общения, хорошо овладевают родным языком. По-видимому, сторонники этой идеи забывают, что каждое детское учреждение, будь то детский сад или школа, наряду с образовательными выполняет и воспитательные функции. А такое разделение детей по национальному признаку с раннего возраста вряд ли будет способствовать интернациональному воспитанию. Нам представляется, что эту проблему надо решать путем создания смешанных детских садов, в которых бы параллельно функционировали группы с национальным языком воспитания и преподаванием русского языка в качестве второго (или если все дети группы, по существу, владеют русским языком в качестве первого, то без преподавания русского языка, тогда они превращаются в группы с интенсивным обучением национальному языку) и группы с русским языком воспитания и преподаванием национального языка в качестве второго. При этом дети из параллельных групп должны непременно общаться друг с другом. Бесспорно, в языковом плане это общение не должно носить стихийный характер. Оно должно проходить под наблюдением педагогов, специально моделирующих те или иные игровые ситуации с фиксированным употреблением национального и русского языков (особенно это касается детей младшего возраста, языковые навыки которых еще недостаточно устойчивы). Создание детских садов такого типа будет способствовать развитию двустороннего двуязычия и формированию еще в детском возрасте культуры межнациональных отношений.

2. Основной и самой массовой сферой обучения языкам является система народного образования, однако в данном регионе она, несмотря на все предпринимаемые меры, все еще не справляется со своими задачами. О слабой эффективности национальной школы в обучении русскому языку красноречиво говорят такие показатели: в 70-х годах среди источников овладения русским языком школа занимала не более 40% для городских и около 30% для сельских узбеков [7. С. 311]. У половины казахов и узбеков доля лиц, свободно владеющих русским языком, превышает долю лиц со средним и высшим образованием, у кир-

гизов эти показатели совпадают, а у туркмен доля лиц со средним и высшим образованием превышает долю лиц, свободно владеющих русским языком [7. С. 316]. Как видим, такие сферы стихийного обучения русскому языку, как производственная и домашняя, армия, улица, являются преобладающими для большинства основного национального населения региона, что существенно сказывается на качестве его русской речи, которая часто не соответствует уровню образования и социальному статусу индивидуума.

Среди наиболее острых проблем национальной школы в регионе следует отметить низкое качество обучения, в том числе и родным языкам. Одной из главных социальных причин этого является «различие в качестве получаемого среднего образования, и прежде всего в городской и сельской школе. В 1980/81 учебном году, например, в стране учителей с высшим образованием было в сельских школах — 68,3%» [20. С. 379]. Между тем до 80% национальных школ, контингента учителей и учащихся в регионе находятся в сельской местности, где общая культура, культура родных языков значительно уступают таковым в городе. Большинство учителей национальных сельских школ не владеют чистыми литературными нормами родных языков. Все это требует резко повысить уровень профессиональной подготовки преподавательских кадров, особенно учителей национальных и русского языков. Следует шире практиковать направление студентов, особенно выходцев из сельской местности, для обучения по специальности «русский язык и литература» в вузы РСФСР и других союзных республик с высоким уровнем владения русским языком. Наряду с этим нужно в полной мере обеспечить подготовку преподавателей-предметников для национальных школ на родных языках, что будет, с одной стороны, способствовать развитию национальных языков, их функциональных стилей, с другой — повысит уровень языковой компетенции в родном языке педагогов.

Необходимо также качественно изменить преподавание национальных языков в русских школах и вузах республик. Русскоязычный учащийся должен иметь реальную возможность овладеть навыками речевого общения на национальном языке в процессе школьного обучения. В особом внимании нуждается проблема подготовки специалистов-билингвов с высшим образованием, особенно по таким специальностям, как медицина, юриспруденция, и некоторым другим, поскольку представителям этих профессий без знания языка основного населения республик и русского языка просто невозможно выполнять свои обязанности на должном уровне.

Необходимо увеличить количество школ с параллельными языками обучения как в городах, где недостаточна национальная языковая среда, так и в сельской местности, где почти отсутствует русская языковая среда. В настоящее время такие школы и контингент учащихся в них не превышают 13—17% всех школ и учащихся в регионе; в Туркмении, например, всего 6% школ с двумя языками обучения. Расширение сети таких школ также способствовало бы развитию двустороннего двуязычия и интернациональному воспитанию учащихся.

3. В ряде гуманитарных общественных сфер в республиках необходимо сбалансировать взаимодействие национальных и русского языков. Анализ выпуска научной печатной продукции показывает, что в научных издательствах республиканских академий наук на национальных языках публикуется не более 6—7% всех видов научных изданий — монографий, сборников, справочников и прочего, тиражи которых не превышают 10% всех тиражей научных изданий. Тематика научных

изданий на национальных языках связана главным образом с гуманитарными дисциплинами, что с социолингвистической точки зрения вполне оправданно. Удручает, однако, тот факт, что количество этих изданий с годами сокращается. Так, по Аннотированному тематическому плану выпуска литературы издательства «Илим» на 1989 г., из 10 планируемых изданий по филологическим наукам на киргизском предусмотрено только 3, в то время как в первой половине 80-х годов до 90% трудов по филологии в Киргизии издавалось на киргизском языке. Такая тенденция сокращения написания и издания научной литературы по гуманитарным дисциплинам на национальных языках отрицательно сказывается на развитии общественных функций этих языков в сфере науки, образования, культуры, а также их терминологии, научного и публицистического стилей. Увеличение научных разработок по гуманитарным дисциплинам на основных национальных языках способствовало бы созданию оригинальной научно-популярной и учебной литературы на них, а также общему подъему национальной науки и культуры.

Конечно, и национальных филологов, и представителей других общественных наук, пишущих по-русски, можно понять. Они прекрасно осознают, что их труды могут стать достоянием общесоюзного и зарубежного читателя только на русском языке. Выход видится в сопро-вождении работ обширными резюме на русском языке, более детальном их реферировании центральными реферативными изданиями и т. д.

4. Следует интенсифицировать теоретическую и практическую работу по повышению в республиках культуры родной речи. С одной стороны, как уже отмечалось, большая часть населения основных национальностей республик не владеет литературной формой родного языка. На мероприятиях, которые необходимо осуществлять в этой связи, мы уже останавливались. С другой стороны, представители интеллигенции, особенно писатели, высказывают озабоченность в связи с засорением родной речи излишними русскими заимствованиями. Эта проблема нуждается в научном исследовании. В процессе контактирования языков заимствования — явление неизбежное. Вопрос в том, насколько целесообразно вхождение того или иного заимствования в язык, как происходит процесс адаптации иноязычного слова. На эти вопросы должны ответить специалисты в области культуры речи. В научной литературе существует масса работ, посвященных интерферирующему влиянию родного языка на русский. Наступил момент более интенсивно исследовать и другой аспект этого явления: в какой мере при высоком уровне владения русским языком и ограниченном использовании родного языка интерференция происходит в обратном направлении.

В настоящее время при решении вопросов о вхождении в язык заимствований, особенно в области терминологии, зачастую происходит довольно странное явление. Борясь за «чистоту» родного языка, лингвисты заменяют заимствования из русского языка не исконно тюркским словом или устоявшимся заимствованием из какого-либо другого языка, а новым арабским или персидским заимствованием, совершенно непонятным основной массе носителей языка. Как известно, в разные исторические периоды каждый язык в зависимости от степени контактов между народами, политической ориентации страны, в которой он функционирует, может находиться под преимущественным влиянием различных языков. Так, русский язык в процессе истории своего развития испытал влияние тюркских, немецкого, французского, английского и других языков. Но было бы весьма странно, например, сейчас бороться против засорения русского языка английскими заимствованиями, заме-

няя их немецкими. Ориентация на новые арабо-персидские заимствования в тюркских языках затрудняет образование общего лексического фонда в языках народов СССР, особенно она нежелательна в области общественно-политической лексики и терминологии, поскольку в языке-источнике заимствуемые слова имеют совсем иные, чем в языках народов нашей страны, идеологические коннотации.

5. Необходимо больше внимания уделять языковым потребностям «малых» народов, народов, не имеющих своей государственности или проживающих за ее пределами на территории тюркоязычных республик Средней Азии и Казахстана. Бесспорно, что в республиках для этих народов многое сделано и делается. Достаточно сказать, что кроме языков основных национальностей и русского, преподавание в школах ведется здесь на уйгурском языке, около 25 тыс. учащихся изучают немецкий язык как родной, имеются учебные группы с обучением корейскому, дунганскому и турецкому языку для детей соответствующих национальностей. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что все языковые потребности указанных народов и этнических групп удовлетворены в полной мере. Весьма сложные проблемы возникают с носителями бесписьменных языков, которые, приходя в школу, вынуждены сразу овладевать не только определенной совокупностью знаний, но и новым языком.

В данной сфере предстоит провести широкие социолингвистические исследования; продуктивны были бы и опросы общественного мнения среди представителей «малых» народов и этнических групп.

Здесь хочется обратить внимание на один очень важный момент. Говоря об оптимизации языковой жизни как больших, так и «малых» народов, нельзя забывать, что чисто механическое расширение общественных функций языков не всегда приводит к расширению социальных возможностей их носителей, что обусловлено объективными законами общественного развития, закономерностями развертывания научно-технической революции. Существуют (и в течение времени число их будет расти) такие сферы жизнедеятельности человека, которые требуют высокой степени внутрисоюзной, а иногда и международной интеграции. Очевидно, что в полной мере обеспечивать коммуникативные потребности этих сфер могут только языки межнационального и международного общения. Учитывая это, дальнейшее развитие языковой жизни нашей страны должно строиться на основе разумного распределения общественных функций между национальными языками и языком межнационального общения. При этом нельзя упускать ни малейшей возможности дать языку немногочисленной народности дополнительный шанс выжить, сохранив или даже введя его в какую-то дополнительную, пусть даже узкую, сферу, где он может функционировать, обеспечив при этом его носителям гарантии социального развития путем эффективного обучения языку (или языкам) с широкими социальными функциями.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС//Правда. 1988. 5 июля.

² Действительно, в масштабах многомиллионного населения страны в целом этническая группа, насчитывающая даже 100 тыс. чел., кажется малочисленной, но не следует упускать из виду, какая психологическая травма наносится таким подходом представителям малочисленных народностей, которые теряют даже свой этноним.

³ Зеймаль Е. Народности и их языки//Коммунист. 1988. № 15.

⁴ Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления//Правда. 1988. 19 февр.

⁵ Так, например, с 1960 по 1985 г. население Туркменской ССР удвоилось. При этом рождаемость на селе на 33% выше, чем в городе, а доля сельских мигрантов-туркмен в приросте городского населения составляет всего 14%. Таким образом, происходит дальнейший рост трудовых ресурсов в уже и так трудоизбыточных районах, большая часть их оказывается занятой в домашнем и сельском подсобном хозяйстве.

⁶ Методологические проблемы социально-экономического развития регионов СССР. М., 1979.

⁷ Социально-культурный облик советских наций. М., 1986.

⁸ Этносоциальные проблемы города. М., 1986.

⁹ Чижова Л. Характеристика занятого населения по районам страны//Население СССР сегодня. М., 1982.

¹⁰ Аутов Н. А. Социальное развитие регионов. М., 1985.

¹¹ Губогло М. Н. Современные этнолингвистические процессы в СССР. М., 1984.

¹² Хасанов Б. Х. Казахско-русское двуязычие: (Социально-лингвистический аспект). Алма-Ата, 1987.

¹³ Тезисы ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции//Правда. 1988. 27 мая.

¹⁴ Levizky E. R. Multilingualism bei Vorschulkindern//Mehrsprachigkeit und Gesellschaft. Tübingen, 1983. B. 2.

¹⁵ Burling R. Language development of a garo and English speaking child//Word. 1959. V. 15.

¹⁶ Feldman C., Shen M. Some language-related cognitive advantages of bilingual 5-year-olds//T. Genetic Psychology. 1971. V. 118.

¹⁷ Ianco-Worral A. D. Bilingualism and cognitive development//Child Development. 1972. V. 43.

¹⁸ Slobin D. A case study of early language awareness//Children's conception of language. Berlin, 1978.

¹⁹ Негневицкая Е. И., Шахнарович А. М. К проблеме раннего двуязычия//Психология билингвизма. М., 1986.

²⁰ Карыпкулов А. К. Народное образование в развитом социалистическом обществе. Фрунзе, 1982.

З. Г. УРАКСИН

ПРОБЛЕМЫ ДВУЯЗЫЧИЯ И МНОГОЯЗЫЧИЯ В БАШКИРИИ

Башкирская АССР, как и многие другие республики нашей страны, является многонациональной: на ее территории проживает более 70 национальностей, причем 12 из них расселены компактно в пределах сел и районов. Это башкиры, русские, татары, чуваша, марийцы, украинцы, белорусы, мордва, удмурты, немцы, латыши, эстонцы. Следовательно, здесь представлены индоевропейские, тюркские и финно-угорские языковые группы. Этноязыковая особенность Башкирской автономной республики состоит в том, что численность славянского населения (прежде всего русского) превышает численность населения коренного (по переписи 1979 г. русские составляли 40,3% всего населения БАССР) [1. С. 7]. Русские и башкиры проживают во всех 54 сельских районах, объединяясь в производственные коллективы, совхозы и колхозы, а в 36 районах расселены представители пяти и более национальностей. Естественно, в таких условиях выдвижение русского языка в качестве языка межнационального общения вызвано самой реальностью жизни, и такая ситуация способствует более интенсивному овладению русским языком нерусскими народами.

Башкиры составляли в 1979 г. 24,3% населения республики, причем доля городского населения среди них—около 12%.

Особенность языковой ситуации в Башкирии состоит в том, что 32,9% башкир признает родным татарский язык. Очевидно, часть так называемых западных башкир, считающих своим родным языком татарский (хотя разговорный язык их, по сути дела, являет собой «смесь» башкирского и татарского), имеет двоякую тенденцию развития национального самосознания и этнического самоопределения: старшее поколение продолжает идентифицировать себя с башкирским этносом, люди более молодого возраста тяготеют к этносу татарскому. Языковая ситуация в этих районах и сейчас более благоприятна для развития татарского языка: все районные газеты издаются на татарском языке, в качестве родного языка и литературы преподаются татарский язык и литература. Усилия партийных и советских органов республики, имевшие целью введение в школах в начале 80-х гг. изучения башкирского языка в качестве родного, не были восприняты на местах, и в большинстве школ вновь начали изучать татарский язык и литературу. Этот факт показывает, что решение национально-языковых проблем командно-административными методами обречено на неудачу.

Татароязычным остается башкирское население Пермской, Сверд-

ловской областей и Татарской АССР, и в этих условиях сохраняющее национальное самосознание и культуру.

Специфичность языковой ситуации в БАССР проявляется также и в том, что большинство нерусского населения республики (это прежде всего башкиры, татары, чувашы, марийцы, удмурты) фактически говорят на трех языках.

Башкирско-татарско-русский и татарско-башкирско-русский «трилингвизм» представляет собой более высокий уровень владения населением этими языками; поскольку башкирский и татарский языки близки между собой в области грамматического строя и лексики, происходит не только непосредственное взаимное общение носителей этих языков, но и интенсивный взаимный обмен культурными достижениями, духовными ценностями. Это достигается путем контактов на производстве, в быту, в сфере культуры. Одновременно идет процесс овладения башкирским и татарским населением русским языком и русской культурой.

Несколько более узкий характер имеет чувашско-татарско-русское, чувашско-башкирско-русское, марийско-татарско-русское, марийско-башкирско-русское триязычие. Оно осуществляется только в зонах контактов этих народов — в сельской местности. Так, например, башкиры, татары и чувашы проживают в 25 из 54 районов БАССР. Степень владения башкирами и татарами чувашским, марийским, удмуртским языками намного ниже по сравнению с уровнем владения чувашами, марийцами, удмуртами татарским и башкирским.

Русско-национальное же двуязычие (владение русскими языками других народов БАССР) несравненно уступает башкирско-русскому или другому типу двуязычия (только около 0,03% всего русского населения республики является двуязычным) [2. С. 12]. В последние годы наблюдается усиление интереса к языку коренного населения республики со стороны русских и других народов. В городских школах начали открываться факультативы и кружки по изучению башкирского языка, курсы для взрослых, ведутся уроки башкирского языка по телевидению. Массовым тиражом были изданы русско-башкирские разговорники [3], двуязычные словари [4], готовятся к изданию самоучители.

Забегание вперед в оценке социально-экономического уровня общества, процессов развития наций и народностей сказалось и на определении судьбы национальных языков, преимущественно языков так называемых «малых» народов. Делались попытки искусственного ускорения процесса «слияния» языков, неоправданного сужения социальных функций языков в различных сферах, особенно в области школьного образования, печати, официального делопроизводства и др. Сужение сферы употребления башкирского литературного языка (в области дошкольного воспитания, школьного образования, в книгоиздательской деятельности) началось еще в середине 60-х гг. Так, например, в годы застоя 646 национальных школ (башкирских, татарских и др.) Башкирии были переведены на русский язык обучения. Сейчас предпринимаются меры по возрождению детских садов и школ с национальным языком обучения, но положение остается трудным. Часть населения уже успела отойти от своего языка и как следствие этого — от своей национальной культуры, традиций. Наряду с проблемами экологии природы возникла реальная угроза экологии языка. Образовавшийся за два десятилетия пробел можно восполнить лишь с помощью значительных духовных и материальных затрат и усилий, включающих в себя пропаганду национальных языков, повышение их престижа, в том числе в глазах самих носителей этих языков. К сожалению, крайне редким исключением оста-

ются в республике выступления на своем языке партийных, советских работников (по радио и телевидению, с докладами и лекциями).

Двуязычие — это и проблема живой жизни языков, их функционирования, структурного развития и совершенствования, ибо язык, сужающий свои функции, перестает развиваться и становится в конечном счете мертвым.

В резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС дано емкое определение ведущей тенденции языковой жизни народов СССР: «Важнейший принцип нашего многонационального государства — свободное развитие и равноправное использование всеми гражданами СССР родных языков, овладение русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения. Следует создавать все условия, чтобы национально-русское двуязычие развивалось гармонично и естественно, с учетом особенностей каждого региона, было свободно от формализма»... [5].

Итак, главное направление языковой жизни — гармоничное национально-русское двуязычие, предполагающее, на наш взгляд, свободное владение членами общества родным и русским языками в их устно-литературной и письменной формах. Это, разумеется, желаемый уровень двуязычия.

Двуязычие — явление динамичное, живое, его глубина и широта зависят от уровня образования, воспитания, демографических и других факторов.

В настоящее время есть два пути достижения действительно двуязычного общества: через родной язык к русскому (в мононациональной среде) и параллельное развитие двуязычия (в многонациональной среде).

Гармоничное двуязычие — это и политическое равноправие языков, что с необходимостью требует равных условий для овладения ими. Долгие годы все это оставалось на уровне деклараций. У отдельных групп общества, принадлежащих к той или иной национальности, возникло ощущение ущербности социального положения своего родного языка. Безусловно, абсолютного равенства общественных функций разных языков быть не может, здесь есть пределы разумного, но ни в коем случае нельзя искусственно сужать сферы применения того или иного языка, ограничивать его роль в жизни данного народа. Так, например, ни в одном из сотен профессионально-технических училищ, техникумов (кроме педагогических) в БАССР родной язык и литература не преподаются даже как специальные предметы. А ведь есть сельские профтехучилища, где башкиры и татары составляют более 60—70% всех учащихся, в полиграфических же ПТУ родной язык и вовсе необходим для профессиональной подготовки специалистов.

Думается, что повысить престиж национальных языков невозможно без четкого определения их статуса путем введения в конституции автономных республик статьи о родном языке данной нации.

В действующей же ныне Конституции БАССР определены лишь некоторые сферы употребления языка: ст. 148 о ведении судопроизводства на башкирском или русском либо на языке большинства населения данной местности; ст. 157, 158 об оформлении государственного герба и флага на русском и башкирском языках [6. С. 136, 143—144]. А общий статус языка как признака нации, важнейшие сферы его использования в государственных и местных органах, в области обучения, делопроизводства так и не оговорены. На практике это приводит к вы-

теснению языка из целого ряда жизненно насущных сфер деятельности людей.

Следует определить язык, на котором должны проводиться общественные мероприятия в мононациональной среде, производственной и культурной. Регламентации требует и официальное делопроизводство.

Несмотря на то, что близость башкирского и татарского языков позволяет их носителям общаться, не прибегая к помощи языка-посредника, роль русского языка как средства межнациональной коммуникации в Башкирской АССР никем не ставится под сомнение. И задача повышения уровня преподавания русского языка, культуры русской устной и письменной речи у всех народов республики остается одной из актуальных.

На XIX Всесоюзной партийной конференции была подчеркнута необходимость внимательного отношения к интересам национальностей, проживающих за пределами своих государственно-территориальных образований, с целью обеспечения возможностей для реализации их национально-культурных запросов. Как в теоретическом, так и в практическом плане этот вопрос еще не разработан. В нашей стране, очевидно, трудно найти какую-либо нацию, проживающую только в пределах своего национально-государственного образования. Так, например, свыше трети башкир проживает за пределами БАССР, они составляют компактные группы в Челябинской, Оренбургской, Курганской, Пермской, Свердловской, Саратовской, Куйбышевской областях и Татарской АССР. Проблемы упрочения консолидирующей роли основного этноса, сохранения и развития культуры и языка населения этих регионов также должны входить в сферу компетенции республиканских партийных и директивных органов. Экономические, миграционные и этнокультурные связи между основным ядром башкирского этноса и его периферийными очагами являются достаточно тесными, однако требуется гораздо большее внимание к культурным, эстетическим запросам населения, организации народного образования и др.

Одновременно необходимо проявлять заботу и о других народах, проживающих в пределах автономной республики: славянских (русские, украинцы, белорусы), тюркских (татары, чуваша), финно-угорских (марийцы, мордва, удмурты) и др. Но здесь следует иметь в виду пределы возможного. Так, например, нереальным было бы образование для всех этих народов тех политических, культурных институтов, какие имеются в центрах их национально-государственных образований. Культурные, эстетические запросы этнических групп целесообразно удовлетворять прежде всего посредством контактов их с автономными и союзными республиками, а также путем обучения родному языку в школах, стимулирования самостоятельных форм творческой активности и др. Проблемы языковой жизни народов, в частности вопросы двуязычия, требуют всестороннего научного изучения. В настоящее время в науке сосуществуют различные определения типов двуязычия [7. С. 4—9; 8]. Исследуются также некоторые проблемы интерференции [9] и речевой культуры. Необходимо комплексное изучение взаимодействий культур и языков при двуязычии, анализ реальной картины взаимоотношений двух разнотипных языков. Как влияют эти процессы на духовное состояние общества в целом и на поведение личности? Не будет ли здесь соперничества, преобладания одной культуры над другой? Предварительные итоги этносоциологических исследований, проведенных в последние 2—3 года в Башкирской АССР среди русских, башкир и татар, показывают, что с развитием образования у части нерусского

населения наблюдается некоторый отход от литературы, периодической печати на национальных языках и все большее влечение к усвоению культурных ценностей на русском языке. Ибо на каком-то этапе национальная литература перестает удовлетворять запросы этих людей. Следовательно, для восстановления гармонии возникает необходимость повышения уровня национальной литературы и других сфер культуры, улучшения качества периодической печати.

Пристального внимания специалистов требуют также педагогические и психологические аспекты двуязычия. Так, нам нужно ответить на вопрос, какой путь развития двуязычия в детском возрасте является наиболее приемлемым. Как показывают наблюдения над развитием речи ребенка в условиях многонационального города с преобладанием русского окружения, усвоение родного языка в школе происходит труднее, нежели изучение русского языка как второго на базе языка родного. Поэтому обеспечение условий для работы детских садов на родном языке, создание благоприятной атмосферы для усвоения материнского языка в семье являются первостепенной педагогической и не только педагогической задачей.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Население СССР. М., 1980.

² Гарипов Т. М. Этнодемографическая и языковая характеристика современной Башкирии//Развитие общественных функций башкирского литературного языка. Уфа, 1987.

³ Галиева К. А., Казарманов Г. Г. Русско-башкирский разговорник. Уфа, 1984; см. также: 2-е доп. изд. (Уфа, 1987).

⁴ Сахипова З. Г., Саяхова Л. Г. и др. Русско-башкирский учебный словарь. Уфа, 1986.

⁵ Правда. 1988. 5 июня.

⁶ Конституция (Основной закон) Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Уфа, 1981.

⁷ Михайлов М. М. О разновидностях двуязычия//Двуязычие и контрастивная грамматика: Межвуз. сб. науч. тр. Чебоксары, 1987.

⁸ Аюпова Л. Л. Вопросы социалингвистики: типы двуязычия в Башкирии. Свердловск, 1988.

⁹ Закирьянов К. З. Двуязычие и интерференция. Уфа, 1984.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Э. А. УМАРОВ

СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА В СТАРОУЗБЕКСКИХ СЛОВАРЯХ

В староузбекско-персидских словарях «Бадаи ал-лугат» [1], «Санглах» [2], «Китаби лугати атракийя» [3] впервые были даны, по методу арабской и таджикско-персидской лексикографии, орфоэпия и орфография 15 000 тюркских слов. В таджикско-персидской лексикографии объяснение произношения слов впервые встречается в «Сихах ал-фурс» Мухаммеда Нахчивани.

Авторы вышеназванных староузбекских словарей, стремясь к точной передаче орфографии и орфоэпии тюркских слов, использовали для этого четыре способа: 1) объяснение харакатами; 2) упоминание названий букв; 3) сравнение; 4) комбинации графемы с грамматическими терминами.

1. Объяснение харакатами

Орфоэпия и орфография большинства тюркских слов передается харакатами, т. е. огласовками *фатха, замма, кесра*. Данный способ, широко употребляемый в восточной лексикографии, в истории узбекского языка впервые использовал Тали Имани, составитель словаря «Бадаи ал-лугат» [4]. Учитывая специфические особенности вокализма староузбекского языка, он применил фатху, замму, кесру, обычно передающих в арабском и таджикско-персидском языках краткие «а», «у», «и», для обозначения гласных обычной долготы:

قوتولماق (69а) [5] *ба замм халос шудан*,
қутулмақ — с заммой 'освободиться';

يىراق (656) *бил каср дур*,
йирақ — с кесрой 'далекий';

يىنا (836) *бил фатх иборат аз аода ва такрорист...*,
йана — с фатхой 'снова', 'опять'...

Объяснение произношения слова харакатами широко используется и составителем словаря «Санглах» Махдиханом, который так же, как и Тали Имани, употребляет фатху, замму, кесру в значении гласных обычной долготы:

تاشيماق (155v) *ба касри шин нақл кардан аз ҷой ба ҷойи*,
ташимақ — «ш» с кесрой 'переносить';

توكان (183ч) *ба фатҳи кофи аҷамӣ ва суқуни нун доғро гўянд...*

туган — «к» персидский (т. е. «г») с фатхой, над «нун» сукун означает «клеймо»...;

قورغاشون (286ч) *ба фатҳи гайни мўъчама ва замми шини мўъчама ба маънии сурб бошад...*

қорғашун — «ғ» с точкой с фатхой, «ш» с точкой с заммой означает «свинец».

Аналогичные примеры встречаются и в «Китаби лугати атракийя» Фатх Алихана:

بارور (90a) *ба замм рои қарашат яъне меравад,*

барур — «р» с заммой 'пойдет';

آنچو (856) *ба касри аввал ва сукуни ё ва нун ва замма ҷими абҷад ба маънии марварид...*

ийнжу — в начале кесра, над «й» и «н» сукун, «ж» с заммой означает «жемчужина».

2. Упоминание названий букв

Этот способ применяется для того, чтобы отличить арабские буквы от персидских. В изучаемых словарях слова, начинающиеся с букв *پ, ج, ك, گ*, помещены в главах на буквы *ب, ج, ك* арабского алфавита. Чтобы читатель не спутал арабские графемы с персидскими, составители словарей каждую графему именуют отдельно. Так, например, букву *پ* (п) называют *бои аҷамӣ*, *ب* (б) — *бои арабӣ*. Буква *ج* (ж) именуется *ҷими арабӣ*, *چ* (ч) — *ҷими форсӣ*, *ك* (к) — *кофи арабӣ*, *گ* (г) — *кофи аҷамӣ*. В нижеследующем примере Тали Имани, чтобы отличить «к» арабское от персидского «г», употребляет термин *кофи арабӣ*:

کوب (736) *ба замма кофи арабӣ хуми бода...*

куб — «к» арабский с заммой 'сосуд', 'кувшин'...

В другом примере Тали Имани отличает «ж» арабский от «ч» персидского:

کیرچ (76a) *ба касри кофи аҷамӣ ва сукуни ҷими тозӣ хиштро гӯянд...*

гирпиж — «к» персидский (т. е. «г») с кесрой, над «ж» арабским сукун означает «кирпич»...

Такие же примеры часто встречаются в «Санглахе»:

آئین (109ч) *ба сукуни кофи аҷамӣ ва нун ду маънӣ дорад, аввал сардуш ва китфро хонанд...*

эин — над «к» персидским (т. е. «г») сукун и нун имеют два значения: первое — «погоны», «эполеты» и «плечо»...

چیلیق (220v) *бо ҷими аҷамӣ ва сукуни лом ва ҷоф ва касри бои аҷамӣ чирк чашмро гӯянд...*

чилпиқ — «ж» персидский (т. е. «ч»), над «л» и «қ» сукун, «б» персидский (т. е. «п») с кесрой означает «глазной гной»...

В «Китаби лугати атракийя» «ч» передается через помету *ҷими порсӣ*, «г» — *кофи порсӣ*:

اینچی (856) *ба касри аввал ва сукуни ё ва нун ва касри ҷими порсӣ ба маънии зан бошад...*

ийнчи — в начале кесра, над «й» и «н» сукун, ж персидский (т. е. «ч») с кесрой означает «женщина»...

اینکراناق (726) *ба касри аввал ва сукуни ё ва нун ва кофи порсӣ ва сукуни нун ... оҳ зори кардан,*

ийнгранмақ — в начале кесра, над «й» и «н» сукун, «к» персидский (т. е. «г»), над «н» сукун... 'стонать'.

Предвидя, что рукописи со временем могут прийти в ветхое состояние, некоторые знаки, точки над буквами вообще исчезнуть, составители использовали специальные термины: *мӯъҷама* 'имеющий при себе

диакритический знак' [6. С. 509]; *мўхмала* 'лишенный диакритических точек' [6. С. 546]. Например, Тали Имани, чтобы подчеркнуть особенности графемы «э», в описании этой буквы ставит помету *мўхмала*:

دوداق (576) ба замма доли мўхмала лабро гўянд... дудак — «д» без диакритического знака с заммой означает «губа».

В другом месте, чтобы подчеркнуть точку над ش, он употребляет помету *мўъчама*:

شودرون (636) ба замма шини мўъчама барони нармро гўянд...

шудрун — «ш» с диакритическим знаком 'мелкий дождь'...

Аналогичные факты характерны также и для «Санглаха»:

مولور (319v) ба сукуни лом ва рои мўхмала ва замма доли мўхмала тагарг буд...

молдур — над «л» сукун, «р» без диакритического знака, «д» без диакритического знака с заммой 'град'...;

تينگيز (202v) ба касри кофи ачамй ва зои мўъчама дарёро гўянд...

тэнгиз — «к» персидский (т. е. «г») с кесрой, «з» с диакритическим знаком 'море'.

В «Китаби луғати атракийя» вместо *мўъчама* и *мўхмала* употребляются термины *нуқтадор* 'с точкой', *бенуқта* 'без точки':

افو (15a) ба замми ғайни нуқтадор захр,

афу — «ғ» с точкой с заммой 'яд';

اسرانگيز (196) ба сукуни сини бенуқта ва нун ва касри кофи порсй амр аз нигоҳ доштан...

асрангиз — над «с» без точки сукун, «н», «к» персидский (т. е. «г») с кесрой, повелительная форма от «оберегать», «сохранять»...

3. Способ сравнения

Этот способ характерен для «Санглаха». Махдихан для передачи орфоэпии тюркского слова сравнивает его с персидским словом такого же размера:

دارا (223v) бар вазни хара ба маънии ҳамиша...

дара — огласовка по размеру *хара* 'гранит' означает 'всегда'...;

دالو (224v) бар вазни алу ба луғати муғули шона...

далу — огласовка по размеру *алу* 'слива', по-монгольски — «плечо»...

4. Комбинации графемы с грамматическими терминами

Составители словарей — тюрки по происхождению и образу жизни — понимали, что тремя знаками фатха (َ), замма (ِ), кесра (ُ), передающими краткие «а», «у», «и», и тремя символами ا, و, ي, передающими долгие «а», «у», «и», нельзя охватить весь состав гласных староузбекского языка и потому к этим знакам и символам подходили творчески. Они применяли фатху, замму, кесру в значении гласных «а», «у», «и» нормальной долготы. Чтобы показать долготу, краткость, узость и широту староузбекских гласных, составитель «Бадаи ал-луғат» Тали Имани и составитель «Китаби луғати атракийя» Фатх Алихан употребляли знаки ا, و, ي с разными уточняющими терминами.

Например, Тали Имани, комбинируя графему алиф (ا) с термином *мамдуда* 'долгий', создал новый фонетический термин *алифи мамдуда*, передающий долгий «а» в анлауте. Сочетая данную графему с термином *мақсур* 'краткий', он ввел термин *алифи мақсура*, передающий ре-дуцированный «а».

Этот прием он использовал для показа всех гласных староузбекского языка XV в. (таблица).

Комбинация графемы *а иф* (*ا*) с терминами для показа качества широких гласных «а»

- $\left\{ \begin{array}{l} + \text{мамдуда 'удлиненный' = долгий «ā»} \\ + \text{мақсура 'укороченный' = редуцированный «ă»} \\ + \text{мафтұха 'открытый' = «а»} \end{array} \right.$

Комбинация графем *а и* *и* (*ا* и *ي*) с терминами для показа качества нелабиализованных гласных

- $\left\{ \begin{array}{l} + \text{бил каср = «и»} \\ + \text{бил каср вал ишбоъ 'суженная касра' = сильно редуцированный «и» — «й»} \\ + \text{бал ишбоъ 'суженный' = долгий «и»:} \\ + \text{била ишбоъ 'без сужения' = «из»} \\ + \text{бил фатҳ 'открытие' = полуузкий «э»} \\ + \text{ба каср алиф бал ишбоъ 'суженный э' = редуцированный «э» — «ё»} \end{array} \right.$

Комбинация графем *а и* *о* (*ا* и *و*) с терминами для показа качества узких лабиализованных гласных

- $\left\{ \begin{array}{l} + \text{ба замма = «у»} \\ + \text{ба замма бал ишбоъ 'суженная замма' = сильно редуцированный «ў»} \\ + \text{бал ишбоъ 'суженный' = редуцированный «ў»} \\ + \text{била ишбоъ 'без сужения' = «у»} \\ + \text{бил фатҳ 'открытие' = полуузкий «о»} \end{array} \right.$

Рассмотрим комбинации графем *а и* *и* (*ا* и *ي*) с пометой *фатҳ* 'открытый' для показа полуузких «э» и «о» в тюркских словах.

Составители словарей помету *фатҳ* ставят непосредственно за словами, в инлауте которых участвуют знаки *а и* *и* *и*, чтобы подчеркнуть открытость, широту гласных, так как указанные знаки в арабском и персидском языках означают лабиализованные и нелабиализованные узкие гласные. Иначе говоря, помета *фатҳ* с арабским знаком *у* означает полуузкий «о», со знаком *и* — полуузкий «э». Например, Тали Имани, составитель словаря «Бадаи ал-лугат», чтобы подчеркнуть инлаутное «о» в слове 'большой кувшин', рядом с этим словом ставит помету *фатҳ*:

کورکا (73а) [1] бил фатҳ хуми бузург ... байт:

Корка алиқа қопуб барди.
Иукунуб бир қадаҳни сипқарди,

корка — с полуузким гласным «о» ... 'большой глиняный кувшин' ... байт:

Встал и пошел в сторону кувшина,
Поклонившись, выпил одну чашу.

Аналогично передается полуузкий «о» и в «Китаби лугати аттракйа». Пометой *фатҳ* снабжается слово *قورغان*, тем самым подчеркивается, что в данном слове употреблен полуузкий «о»:

قورغان (282б) ба фатҳи аввал қалъа ва ҳисорро гўянд,

қорған — в начале полуузкий «о», означает «крепость», «цитадель»;

قورقماق (281б) ба фатҳи аввал ва сукуни рои қарашат ва қоф яъне

тарсидан,

қорқмақ — в начале полуузкий «о», над «р» и «қ» *сукун* означает «бояться».

Составители словарей, ставя возле знака ۛ помету *фатҳ*, показывают полуузкий «э». Например, Тали Имани, чтобы подчеркнуть полуузкий «э» в *инлауте*, рядом со словом *کيسيك* дает помету *фатҳ*:

کيسيك (73а) *ба фатҳи коф ва касри ё аз оху, ки дар кӯх бошад дар Лайли ва Маҷнун воқеъаст, шеър:*

*Гирдида кэйик тола йабани,
Ул ортада ойлаким шабани,*

кэйик — «к» с полуузким гласным «э», «й» с кесрой 'газель, обитающая в горах', встречается в одном из эпизодов «Лейли и Меджнун»:

*Вокруг него степь, полная газелей,
Среди них он, как чабан.*

Слово *кэйин* 'потом' также передается через пометы *фатҳ*:

کيسين (73б) *ба фатҳи кофи арабӣ ва касри ё ақабро гӯянд...*

кэйин — «к» с полуузким «э», «й» с кесрой означает «потом»...

Так же передает полуузкий «э» и составитель словаря «Қитаби луғати атракийи» Фатх Алихан. Чтобы показать наличие полуузкого «э» в слове *بيل*, рядом он ставит помету *ба фатҳ*:

بيل (118б) *ба фатҳи бои абҷад камарро гӯянд,*

бэл — «б» с полуузким «э» означает «пояс»;

بيش. بيشاو (120б) *ба фатҳи, ҳар ду бои абҷад адади панҷ,*

бэш и бэшав — с полуузким «э», в обоих словах «б» 'пять'.

Таким образом, составители словарей для показа наличия полуузких «э» и «о» создали комбинацию арабских знаков ۛ и ۞ с пометой *фатҳ* и тем самым добились точной передачи своеобразных гласных тюркских языков.

Из указанных способов передачи произношения слов наиболее ценными, на наш взгляд, являются описание харакатами и комбинация графем с терминами, дающие обширные сведения об орфоэпии и орфографии тюркских слов в XV и XVIII—XIX вв.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Боровков А. К. Бадаи ал-лугат. М., 1961.

² Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language, by Muhammad Mahdi Xan/ Facsimile Text with an introduction and indices by Sir Gerard Clauson. London, 1960.

³ Рукопись словаря хранится в библиотеке ЛГУ. № 1177.

⁴ Баевский С. И. Средневековая персидская лексикография // История лингвистических учений: Средневековый Восток. Л., 1981.

⁵ Цифры в скобках обозначают страницу рукописи. Персидские комментарии даются по техническим причинам в современном таджикском написании.

⁶ Персидско-русский словарь. М., 1960.

П. С. САФАРОВ

К ФОРМИРОВАНИЮ ЗООНИМИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА: НАЗВАНИЯ КОЗ И ОВЕЦ

Изучению зоонимической лексики тюркских языков посвящено немало работ—от обобщающей материал всех тюркских языков, ставшей уже классической работы А. М. Щербака [1] до ряда диссертаций последних 20 лет, анализирующих определенные области лексики (овцеводческая терминология [2], названия птиц [3], термины коневодства [4]) или же привлекающих подобную лексику более широко, но на материале отдельных языков и диалектов — узбекского [5, 6] и ряда других [7—10]. Все эти работы в целом вводят и обобщают значительный лексический материал, подтверждающий ту огромную роль, которую играло животноводство в хозяйственном укладе тюркских народов. Историко-лексикологический аспект подобных исследований содержит в основном анализ таких вопросов, как: а) происхождение соответствующих слов — тюркское, заимствованное, б) семантическое, фонетическое и (реже) морфологическое своеобразие привлекаемых слов изучаемого языка или диалекта по отношению к какой-либо другой системе: диалекта по отношению к литературному языку, одного языка по отношению к другому, современного языка по отношению к древнетюркским памятникам или общетюркскому состоянию. Однако этимологический и сопоставительный анализ зоонимической или любой другой лексико-семантической группы слов не исчерпывает всех задач историко-лексикологического исследования по тому или иному тюркскому языку. На современном этапе развития тюркского исторического языкознания, когда «назревает потребность в обращении к новой научной задаче, логически вытекающей из предыдущего исследовательского периода и энергично стимулируемой требованиями времени: выработать научные основы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков, а затем, опираясь на эти общие положения, в течение двух-трех пятилетий написать истории ряда национальных языков, что отвечало бы запросам теории и практики» [11. С. 67], — на этом этапе указанные выше аспекты (этимологический и сопоставительный) необходимо дополнить изучением слов в их конкретной истории в хронологических рамках становления и развития современных национальных тюркских языков. Узбекский язык как один из старописьменных тюркских языков, имеющий к тому же—в отличие от многих других тюркских языков—длительную и непрерывную письменную традицию, предоставляет возможности для подобного историко-лек-

сикологического исследования. Однако реализовать такую возможность сложно из-за двух существенных обстоятельств.

Прежде всего, «в памятниках мы имеем дело с проявлением литературного языка. А изучение литературного языка, его истории, как известно, требует совершенно иного подхода, иной методики, нежели изучение истории общенародного языка» [12. С. 80].

Далее, хорошо известно, что современный узбекский язык в структурно-генетическом отношении неоднороден, ибо, по словам В. В. Решетова, «три языковые общности — карлуко-чигиле-уйгурская, кыпчакская и огузская — дали в составе узбекского языка соответственно три наречия» [13. С. 359]. Узбекский литературный язык, который начал складываться со второй половины XV в., также был языком смешанным. Еще более смешанным он стал в современную эпоху, когда в его состав проникло много слов и форм из диалектов, особенно из кыпчакских.

Специалисту, изучающему историю узбекского языка, приходится учитывать не только литературный характер языка многих памятников, но и гетерогенную природу современного языка (а также общенародного и отражающего его литературного). Поэтому для построения действительной картины развития слов и форм на первый план выдвигается задача, возможно, неактуальная для многих других тюркских языков, — внутри незаимствованного, собственно тюркского материала определить элементы разнодиалектного происхождения с тем, чтобы не соединять в единую цепочку переходов формы, имевшие совершенно разную историю. Поскольку основные интересующие нас в связи с историей узбекского языка диалектные группы тюркских языков — карлукская, огузская и кыпчакская — имеют прежде всего существенные фонетические различия, выступающие как классифицирующие для этих групп, основным приемом решения поставленной задачи для нас в этом случае является анализ изучаемых слов с точки зрения исторической фонетики. Указанные диалектные группы имеют, конечно, и дифференцирующие различия в области морфологии, однако эти различия касаются в основном словоизменения и в словах, рассматриваемых как лексемы, они не реализуются. В области лексики классифицирующим оказывается лексемный признак: использование различными диалектными группами разных лексем для обозначения одного и того же денотата (например, в качестве названия козы огузские языки употребляют лексему *кечи* ~ *гечи*, а карлукские и кыпчакские — *счи* ~ *ечку*; см. об этом ниже). Однако классифицирующий характер лексемных различий в рассматриваемой лексико-семантической группе слов прослеживается очень редко, основными при анализе были историко-фонетические признаки.

Диалекты, легшие в основу узбекского языка — и базовые карлукские, и опорные огузские и кыпчакские, — сосуществуют и развиваются в рамках нынешнего среднеазиатского тюркоязычного ареала вот уже тысячу с лишним лет. Начиная с XV в. наряду с узбекским языком происходило формирование и других национальных тюркских языков Средней Азии и Казахстана. Для анализа интересующих нас слов мы привлекаем все доступные диалектные данные узбекского языка, соотнося их с данными соседних языков — киргизского, казахского и туркменского, а также с материалами уйгурского языка и его диалектов. Последний, хотя и находится за пределами географического взаимодействия с узбекским языком, тем не менее близкородствен с ним, поскольку современные карлукские диалекты узбекского и диалекты уйгурского языка восходят к древнекарлукскому языку, описанному

Махмудом Кашгари. Данные «Дивани лугат ит-турк» важны для подобного исследования как контрольный срез языка, непосредственно предшествующего формированию узбекского (и уйгурского) языка, причем не только для сопоставления на лексическом (лексемном) уровне, но и для хронологической оценки звуковых изменений в карлукской и огузской (реже—кыпчакской) диалектных зонах.

Рассмотрим общие названия и терминологию половозрастных групп козы. По данным специалистов, мелкий рогатый скот — козы и свисы — были одомашнены раньше крупного рогатого скота. «...По Гиссарскому хребту и его отрогам проходила широкая зона адаптации азиатских диких коз и овец» [14. С. 290]. Их названия сохранили древнейшие общетюркские лексемы.

ЭЧКИ 'коза' — узб. *эчки*, диал.: карадар. *ечкъ* [15. С. 175], джизак. *эчкъ* [16. С. 35], найм. *екчъ* [17], багд. *ёчки* [18. С. 120], барлас. *йечки* [19. С. 51], джуш. *йечки* [20. С. 105], курам. *йэшки*/*йэчки*/*ечкъ* [21. С. 16], ургенч.-хив., хаз. *геччи* [22. С. 66], каракул. *геччи*/*гечи* [23. С. 103]; уйгур. *эчку*, диал.: *эшкэ* [24.]; кирг. *эчки*; каз. *ешкі*, туркм. *гечи*.

Тюркские языки по названию козы, как можно заключить из материалов для всех языков [25. С. 34—35], распадаются на две большие группы. Огузским (и болгарским) языкам свойственно слово *гечи* ~ *кечи* (на что прямо указано еще в «Диване» Кашгари [26. Т. 3. С. 238]), а кыпчакским, карлукским и северо-восточным — *эчки*. Некоторые ученые анализируют эти слова как исконно тюркские, предполагая в них звукоподражательную [27. С. 35] или же вокативную природу (слово для подзывания коз) и не исключая происхождения формы *кечи* путем метатезы слогов в первоначальном *эчки* [1. С. 117]. Нам кажется, что теории метатезы больше соответствует звательное слово *чиги-чиги*, передающее подзывание коз в говорах Самаркандской области, из которого—но не из *эчки* — как раз могло бы получиться *кичи*. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов оба тюркских слова рассматривают как древнейшие индоевропейские заимствования в тюркских языках «в период продвижения носителей Сатэмных диалектов в Центральную Азию» [28. С. 939—940]. Характерно, что оба тюркских слова имеют разные объяснения на индоевропейской почве: они восходят к дублетным, неодинаковым по морфологическому строению формам одного корня [28. С. 589]. Распределенность слов *кечи* и *эчки* внутри тюркских языков по важнейшим классификационным группам, на наш взгляд, подтверждает возможность происхождения этих форм из разных источников.

Как в собственно тюркском названии для козы, так и в случае их древнего заимствования эти слова являются для современных тюркских языков исконными. Современный узбекский язык сохраняет карлукскую или кыпчакскую форму. Судя по огубленному гласному второго слога, в уйгурском слове *эчку*, совпадающему с др.-карлук. *еёкй* по «Дивану» Кашгари и другим памятникам [29. С. 162], в узбекском языке закрепились кыпчакская форма *эчки* с неогубленным узким гласным второго слога; в огузских говорах (Ургенч, Хива, а также островные говоры Бухары) узбекского языка выступает огузская форма *гечи*, получившая здесь дополнительный (по отношению к лексемному) признак звонкого начала—характерную примету огузской группы.

ТАКА 'козел-производитель' — узб. *така*; уйгур. *теке*/*тика*; кирг. *теке*; каз. *теке*; туркм. *теке*.

Современная узбекская форма несколько изменила гласный состав,

что связано с общей подвижкой узбекского вокализма: общетюрк. *a* → узб. *э*, общетюрк. *ä* → узб. *а*. Поэтому развитие узб. *така* из общетюрк. *tākā* несомненно, что подтверждается и характером согласного *к*: он не является увулярным, как в словах с исконным велярным вокализмом. Уйгурская форма, в отличие от узбекской, сохранила исконный вокализм и даже имеет тенденцию к сужению первого гласного.

Указанные фонетические отличия узбекской и уйгурской форм от форм остальных тюркских языков, вероятно, достаточно поздние, так как в «Диване» Махмуда Кашгари и «Кутадгу билиг» данное слово фиксируется в общетюркской форме *tekä* [29. С. 550]. Других фонетических и морфологических различий среди тюркских форм нет [27. С. 470]. Поэтому можно сказать, что все тюркские языки, в том числе среднеазиатские, сохраняют исконную тюркскую форму, не различающуюся по классификационным группам. Данное слово входит в монгольские языки начиная с древнемонгольского периода [30. С. 390], однако сделать какое-либо заключение о его тюркском или монгольском происхождении Г. Рамстедт и М. Рясянен не решились, по-видимому, из-за полного звукового совпадения слов и отсутствия материала для этимологизирования в той и другой группе. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов сопоставляют тюркско-монгольское слово с индоевроп. *tig[h], давшим др.-в.-нем. *Ziga* 'коза', норвеж. диал. *tikka* 'коза', арм. *tik* 'бурдюк', и с общекартв. *dqa 'коза' (груз. *txa* и т. д.), ничего не говоря о направлении возможного заимствования [28. С. 586, примеч. 1].

Из трех имеющихся в узбекском языке половозрастных терминов «козы» (подробный их разбор мы опускаем) два слова — определенно тюркского происхождения: *улоқ* 'козленок до года' — из общетюрк. **оғлақ* (единодушно связывается с общетюрк. *оғул* 'ребенок' [1. С. 119]) и *тувча* 'коза в возрасте от года до двух лет' (можно связать с общетюркским глаголом *тоғ-* 'рожать, рождаться' + отглагольно-именной аффикс *-ча* со значением свойства, склонности или способности к определенному действию [31. С. 189] — именно на втором году коза, как и овца, обычно приносит потомство). Обе формы, в которых просматривается типично кыпчакский переход *-f>-v* (на фоне, например, уйгур. *оғлақ*), следует признать кыпчакскими по звуковому облику. Третий термин *чибиш* 'козленок-самка в возрасте от шести месяцев до года' определен как возможное заимствование из иранских языков: перс. *čāpēš* 'годовалый козленок', которое А. М. Щербак сопоставил с лат. *sareg* 'козел' и другими индоевропейскими словами [1. С. 120]. Однако Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, разбирая эти индоевропейские слова, не сопоставляют их с иран. *čāreš* [28. С. 515—516]. Если данное слово заимствовано, то достаточно рано, так как в «Диване» Махмуда Кашгари зафиксировано и это слово, и образованный от него глагол: *čepiš* 'шестимесячный козленок', *oqlaq čepišlāndi* 'козленок достиг шестимесячного возраста' [29. С. 144].

Из шести названий козы в современном узбекском языке одно слово (*сарка*) определенно заимствовано из монгольских языков, очевидно, после XIII в.; еще одно (*чибиш*) — возможное заимствование из иранских языков, но до XI в. Остальные слова — тюркского происхождения. Два из них (*така*, *улоқ*) наследуют общетюркские формы, а два других следует определить как региональные, хотя *эчки* распространено очень широко (см. выше), а *тувча* — намного уже. Только слово *така* не имеет признаков тюркских диалектных групп, остальные — *эчки*, *улоқ*, *тувча* — в той или иной степени несут на себе приметы кыпчакского звукового облика.

Овцы остались главным объектом разведения мелкого рогатого скота, тогда как содержание коз сознательно сокращалось населением из-за ущерба, наносимого ими пастбищам. Поэтому система половозрастных терминов «овцы» в узбекском и других тюркских языках выглядит более дробной и разветвленной, чем «козы».

ҚУЙ 'овца, баран' — узб. қуй, диал.: каракул. қой [23. С. 84]; карадар. қой//госфанд [15. С. 175]; уйгур. қой; кирг. кой; каз. қой; туркм. гоюн.

Общее название овцы как вида в огузских языках отличается от формы остальных тюркских языков: это двусложное слово, в котором *-ын/-ун* — «морфологический элемент, некогда выражавший значение уменьшительности» [1. С. 110]. Форма *қой* фиксируется уже в карахидско-уйгурских памятниках XI в. [29. С. 453], причем Махмуд Кашгари приводит ее как фонетическую форму языка тюрков, которой в языке аргу соответствует *қон* [26. Т. I. С. 67]. Эта последняя фонетически близка древнетюркской форме VIII в. с *-н'* [29. С. 453: қот], которую М. Ряснен и считает исходной для тюркских языков праформой: **kon'* [27. С. 279]. Морфологически исходная, но фонетически преобразованная форма *қой* свойственна и кыпчакским, и карлукским диалектам; каких-либо дифференциальных признаков между этими группами в этой форме нет.

СОВЛИҚ 'овцематка' — узб. *совлиқ*, диал.: карадар. *сo:лъқ*; уйгур. *сағлиқ* 'овца', *сағлиқ қой* 'овцематка'; кирг. *соолук* 'овца по пятому году'; каз. *саулық* 'овца (старше трех лет)'

Данное слово по своей внутренней форме связано с общетюркским глаголом *сағ-* 'доить' и первоначально означало, по-видимому, вообще «дойное животное», как это можно видеть из контекста древнеуйгурского памятника [29. С. 481]; правда, А. М. Щербак указывал на трудности в интерпретации аффикса *-лык*, поскольку ни аффикс отвлеченных существительных, ни аффикс, передающий обилие предметов, не могли присоединяться к глагольной основе [1. С. 112]. Хотя в современных огузских языках подобная форма отсутствует, она достаточно древняя, так как фиксируется, как уже сказано, в древнеуйгурском памятнике, а также в «Диване» Кашгари.

Если современный уйгурский язык сохранил древнекарлукскую форму *сағлык*, то узбекский язык — и литературный, и диалекты — воспринял кыпчакскую форму, что определяется по характерному для кыпчакской группы фонетическому развитию *f > v*.

ҚУЧҚОР 'баран-производитель' — узб. *қўчқор*, диал.: карнаб. *қошқар* [32. С. 64]; каракалпак. *қочқар* [5. С. 8]; уйгур. *қочқар*; кирг. *кочкар*; каз. *қошқар*; туркм. *гоч, гочгар* редко 'молодой баран-производитель'.

Уже в «Диване» Махмуда Кашгари фиксируется диалектное различие форм названий барана-производителя: короткая форма *қоч* — огузская, более полная *қочіңар* — тюркская (т. е. древнекарлукская) [26. Т. I. С. 311]; в других древнеуйгурских памятниках это же слово выступает в формах *қоҕаг* и *қоҕар* [29. С. 451]. Эта последняя форма, хотя ее соотношение с формой *с-ң*, как и морфологический состав обеих форм, не ясны, и проходит по всем современным неогузским языкам, тогда как в огузских представлена краткая форма [27. С. 274; 1. С. 111]. В туркменском языке наряду с формой *гоч* словарь отмечает в качестве редко употребляемой форму *гочгар*. Появление здесь *гочгар* можно было бы отнести за счет проникновения кыпчакской формы, но

нельзя исключить и такой возможности, что туркменский сохранил или каким-то образом отразил исконное состояние, когда форма *қоч* и *қочқар* имела семантическое распределение, показываемое семантикой туркм. *гочгар*. Со временем семантическое различие обеих форм в языках кыпчакской и карлукской групп стерлось, и там осталась только форма *қочқар* с уменьшительным аффиксом *-қа* (элемент *-р* истолковать не берем-ся), который отмечается и в других зоонимах. Размежевание тюркских языков по этому слову, как и по другим лексическим, грамматическим и фонетическим признакам, судя по материалам Махмуда Кашгари, произошло уже к XI в.

Что касается дифференциации формы данного слова в карлукских и кыпчакских языках, то это затруднительно. Можно было бы считать *қочқар* кыпчакской формой, а форму с *-ң* — *қачыңар*, *қочуңар* — карлукской, но тогда наличие формы *қочқар* в древнеуйгурских юридических документах XIII—XIV вв. нужно рассматривать как свидетельство начала проникновения кыпчакской формы в диалекты карлукского типа.

Девять слов (подробный разбор которых здесь не приводится) составляют более подробную в сравнении с «козой» сетку половозрастных наименований овцы в узбекском языке. Из них три — явно иранские заимствования: *ширвоз* 'ягненок в возрасте до двух месяцев', *чори* 'четырехлетний баран', *панжи* 'пятилетний баран' (последние два только в некоторых узбекских и южных киргизских диалектах). Два названия — неизвестного происхождения, но явно не тюркского, так как не имеют параллелей в других тюркских языках: *барра* 'ягненок-сосунок в возрасте до трех недель', *дагар* 'баран в возрасте около года'. Меньше половины — четыре названия — имеют тюркское происхождение, но это наиболее важные, ключевые слова во всей системе: *қўзи* 'ягненок в возрасте до шести месяцев' — общетюркское слово более широкой семантики и более употребительное в языке, чем *барра* и *ширвоз*; *тўқли* 'ярка в возрасте от полугода до года' — по семантическим и фонетическим признакам мы предлагаем связывать эту форму с общетюрк. *тоғ* 'сытый', но не с *тоғ-* 'рожать, рождаться', как это предлагалось ранее [1. С. 115]; *тусоң* 'овца-самка в возрасте после года и до двух лет', — вероятно, образование от глагола *тусамоқ* 'сильно желать, хотеть'; *шишак* 'овца, баран в возрасте двух-трех лет'; мы не связываем это слово с глаголом *шишмоқ* 'опухать, толстеть', но выводим его из др.-карлук. *tišäk* 'двухгодовалая овца' в «Диване» Кашгари [29. С. 563]. Историко-фонетический анализ (сравнение с формами тех же слов в других языках и в узбекских диалектах) подвел нас к предположению, что все четыре формы, вероятнее всего, обладают звуковым обликом карлукского типа. В целом же подсистема половозрастных и функциональных названий овцы (сюда добавим: *ахта қўчқор* 'кастрированный баран, валух — явное новообразование, сменившееся др.-карлук. *азма(н)* [26. Т. 1. С. 150]) в узбекском языке проявляет себя как неустойчивая, проницаемая для внедрения иноязычных, прежде всего иранских, элементов, что облегчалось и стимулировалось двуязычностью определенной части населения.

Таким образом, рассмотрение терминосистем названий козы и овцы в узбекском языке показало многослойность формирования обеих групп слов как по источникам, так и по хронологии. Ключевые, наиболее значимые элементы — общетюркские слова в карлукской, реже — кыпчакской звуковой форме, причем кыпчакские формы должны быть признаны более поздними, вошедшими из диалектов кыпчакского типа и сменившими здесь (фонетически же обычно лишь слегка видоизменяв-

шими в силу большой близости форм) более древние формы карлукского типа. И все же слой карлукских форм обнаруживается достаточно ясно. Если слой карлукских (или не дифференцируемых по диалектным группам общетюркских) форм самый старый, а слой кыпчакских модификаций, вероятно, наиболее поздний, то посередине располагаются два слоя заимствований — монгольские и иранские (таджикско-персидские). Первые, очевидно, попали в диалекты, из которых впоследствии сложился узбекский язык в XIII—XIV вв., а вторые — позднее: так, например, в случаях с названиями овец — четырех- и пятилеток иранские слова *чори* и *панжи* пришли на смену монгольским формам *дунон* и *сунон*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербак А. М. Названия диких и домашних животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
2. Урунов Т. Узбекская овцеводческая терминология: (на материале Кашкадарьинской области УзССР): Дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1964.
3. Базарова Д. Х. История формирования и развития зоонимической терминологии узбекского языка. Ташкент, 1976.
4. Усманов Собир. Гиппологическая терминология современного узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1988.
5. Буранов М. Термины животноводства в узбекских говорах Каракалпакии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.
6. Ходжамбердиев Т. Животноводческая лексика узбекского языка: (преимущественно на материалах Ферганской долины): Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1974.
7. Дуйшаналиева Т. Киргизские народные термины животноводства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1969.
8. Ишбердин Э. Ф. Названия животных и птиц в башкирских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1970.
9. Аширов П. Животноводческая лексика в туркменском языке: (на материалах Ташаузской области Туркменской ССР): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1971.
10. Ибрагимов К. Древнетюркские названия животных в лексике современных тюркских языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
11. Тенишев Э. Р. Принцип составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков // Сов. тюркология. 1988. № 1.
12. Благова Г. Ф. Соотношение «истории литературного языка» и «исторической грамматики» в исследовании средневекового тюркоязычного памятника // Там же.
13. Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974.
14. Решетов В. В. Узбекский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2: Тюркские языки.
15. Шерматов А. Проблемы исторического развития и современного функционирования узбекских диалектов: (по материалам говоров низовья Кашкадарьи): Дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1978.
16. Гулямов Х. Джизакский говор узбекского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1954.
17. Валиев М. Узбек тилининг найман шеваси: Дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1963.
18. Данилов Х. Восточно-кыпчакские (джекающие) говоры и их участие в развитии узбекского литературного языка: (по материалам Самаркандской, Джизакской и Сырдарьинской областей): Дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1977.
19. Хасанов Б. Исследование узбекских говоров типа тюрк-барлас: Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1964.
20. Ахмедов А. Джушский говор узбекского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1961.
21. Решетов В. В. Кураминские говоры Ташкентской области: Дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1951.

22. Словарь узбекских народных говоров. Ташкент, 1971.
 23. Шамсиддинов И. Каракульский говор узбекского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1964.
 24. Аганина Л. А. Уйгурские диалекты КазССР: (Чиликский район): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
 25. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980.
 26. Маҳмуд Қошғарий. Туркий сўзлар девони: Уч. томлик/Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Тошкент, 1960—1963.
 27. Räsänen M. Versuch eines etimologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
 28. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 1, 2.
 29. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
 30. Ramstedt G. Y. Kalmukisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
 31. Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
 32. Раджабов Н. Қарнабский говор узбекского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1958.
-

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ш. Ч. САТ, Л. Ю. ДОРЖУ

К ИЗУЧЕНИЮ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА В КНР

В двух номерах китайского журнала «Языки и письменности нацменьшинств» («Миьцзу юйвень») мы познакомились со статьями Сун Чжэнчуна, посвященными изучению языка тувинцев в КНР.

Насколько нам известно, это первый материал по такой теме. Советские ученые не располагают никакой информацией о жизни тувинцев в Китае. Ознакомившись со статьями китайского автора, мы решили откликнуться на них и тем самым поддержать ученого в его начинании.

В Китайской Народной Республике живут представители 56 больших и малых народов — ханьцы, монголы, уйгуры, казахи, маньчжуры и многие другие. С давних времен китайские ученые занимались изучением языков национальностей, населяющих их страну, однако к основной работе в этом направлении с привлечением современных методов и приемов лингвистического анализа они приступили сравнительно недавно — в 1949 г., после победы в Китае народной революции.

В 1962 г. в КНР был создан единый Институт этнографии, при котором в данное время действует несколько кабинетов: языков национальных меньшинств, истории, этнографии; кабинеты по изучению теории нации и народов мира. Сотрудниками института редактируются два научных журнала — «Миьцзу яньцзю» («Изучение национальностей») и «Миьцзу юйвень» («Языки и письменности нацменьшинств») [1. С. 126].

В последнем из упомянутых журналов, издающемся с 1979 г., и были опубликованы две статьи Сун Чжэнчуна: «Первые шаги в изучении фонетической системы тувинского языка в Китае» (1982. № 6. С. 58—65) и «Общие сведения о тувинском языке» (1985. № 1. С. 65—80).

Изучая древнекитайские источники, автор указывает, что дубо (тыва) были тюркоязычными потомками гуннов.

В XVIII в., во время борьбы Цинской империи и Джунгарского ханства за обладание Центральной Азией, некоторые из тувинских кочевий, подчинявшихся монгольским князьям, были вынуждены переместиться на территорию Китая. По данным последней всекитайской переписи населения 1982 г., на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР проживало более 4 000 тувинцев, а в начале XX в. их было около 13 000 чел. [2. С. 66]. Таким образом, исследования Сун Чжэнчуна посвящены изучению языка небольшой части тувинского народа, живущей в отрыве от основной массы своих «соплеменников», в инонациональной среде.

Вступительная часть статей содержит общие сведения о численности и ареале тувинцев, причем со ссылкой на древние китайские источники.

В статье «Первые шаги в изучении фонетической системы тувинского языка в Китае» автором рассматриваются согласные и гласные фонемы. Характеристика всех 19 согласных фонем — *p, b, m, β, s, z, t, c, n, ɣ, l, ʃ, ʒ, š, k, g, ŋ, x, j* — дается на основе артикуляции и занимаемой позиции в слове. Например, «*p* — билабиальный, аспирированный глухой смычный согласный, *paʃ* — запорное кольцо двери; *tartyx* — приятный, вкусный... Когда *p* стоит перед *t* и *k*, оно не рекурсирует» [3].

Автор справедливо отмечает, что в некоторых словах такие фонемы, как *g* и *š*, билабиализируются. На наш взгляд, в подобных случаях на произношение этих фонем влияют соседние гласные звуки, т. е. налицо аккомодация.

По сравнению с современным языком, на котором говорят тувинцы, живущие в Туве, язык китайских тувинцев имеет некоторые фонетические особенности. В частности, вместо сонорного щелевого заднеязычного [q] в языке тувинцев Китая произносится глухой заднеязычный [x]. Например: совр. тув. *kaɣdyq* — кит. тув. *kadyx* — твердый [4].

Согласные фонемы в составе отдельных слов из языка китайских тувинцев отличаются от согласных фонем аналогичных слов современного тувинского языка. Например: кит. тув. *ket* — совр. тув. *xem* 'река'; кит. тув. *toosun* — совр. тув. *doosun* 'пыль'; кит. тув. *xiɣʒa* — совр. тув. *laxɣy* 'ножницы' и т. д.

Описанные в статье 26 гласных фонем подразделяются на три группы: 1) девять основных — *i, e, ɛ, y, ø, u, o, ʊ* [5], а; 2) девять долгих — *ii, ee, yy, øø, uu, aa*; 3) восемь особых (важных) — *i, e, y, ø, u, o, ʊ, a*. По словам Сун Чжэнчуня, «при их произнесении гортань сжимается, от начала до конца (произнесения) им сопутствует трение, образуются щелевые звуки...». В тувинском языкознании такие гласные называются фарингализованными.

Примечательно, что автор выделяет обозначаемые буквами *ɛ* и *ee* звуки переднего ряда нижнего подъема, которые не зафиксированы в современном языке советских тувинцев. По-видимому, в китайском тувинском языке имеется особая фонема.

Описание гласных фонем производится на основе артикуляционных и частично акустических признаков. Например: «*i* — передний, верхнего подъема, негубной узкий гласный». Возможные варианты сочетания гласных с согласными характеризуются различными оттенками в произношении гласных фонем.

Долгие гласные рассматриваются как самостоятельные фонемы, например: *bistii* 'наш', *bisti* 'нас', *eeg* 'сгибать', *eg* 'мужчина' и т. д., при этом объясняется их происхождение.

Сун Чжэнчунь уловил очень важную деталь: подавляющее большинство носителей тувинского языка (старше 30—40 лет) различают основные (краткие) и особые гласные, тогда как люди более молодого возраста произносят такие различающиеся по фарингализованности и нефарингализованности звуки одинаково. Отсюда автор делает вывод, что фарингализация гласных в тувинском языке Китая начинает затухать.

В статье освещаются закономерности гармонии гласных, приводятся правила ударения и структуры слов.

Гласные фонемы ряда идентичных слов тувинского языка КНР и СССР несколько отличаются друг от друга. Например: кит. тув. бөгө—совр. тув. берү 'волк'; кит. тув. biggo—совр. тув. мургу 'сурок (самец)'; кит. тув. setin—совр. тув. сатин 'сатин'; кит. тув. šalbur—совр. тув. шалбыр 'брюки (короткие)' и т. д.

Гармония гласных также происходит различно. Например: кит. тув. ишү — совр. тув. ужу 'верхушка'; 'кончик'; кит. тув. žystykti — совр. тув. чүстүктү 'кольцо'; кит. тув. ипопу—совр. тув. ынааны 'деревянную подпорку юрты' и т. д.

Статья «Общие сведения о тувинском языке» состоит из вводной части и нескольких глав.

I глава («Звуки языка») является продолжением исследования фонем тувинского языка в Китае, причем материал предыдущей статьи исправлен и дополнен. Термин «особый гласный» (т. е. фарингализованный) заменен термином «напряженный гласный»; введено понятие «изменение звуков языка», под которым подразумеваются ассимиляция согласных, диссимиляция, растягивание (повтор) звуков.

Слова тувинского языка во II главе («Лексика») делятся автором на три группы: 1) обычные (at 'лошадь', aj 'луна'); 2) сохранившиеся от древнетюркского языка (adyx 'медведь', em 'лекарство'); 3) монгольские заимствования (šige 'столик', pesil 'столица'), а по составу — на корневые, производные и сложные.

Лексика, приведенная в этой главе, в основном идентична лексике тувинского языка, на котором говорят в Туве. В то же время некоторые слова, употребляемые в языке китайских тувинцев, в современном языке советских тувинцев отсутствуют. Например: surkujly 'школа', pikim 'общество', kypžyl 'одеяло' и др. Возможно, в языке тувинцев Китая имеются лексические заимствования из языков соседних народов — казахов, китайцев, тибетцев и др. Если это так, было бы интересно проследить их развитие.

В первой части III главы («Грамматика языка»), которая называется «Морфология», рассматриваются части речи и словообразование: имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия, глаголы (обычные, неполные, вспомогательные), соединительные слова (союзы), послелог, модальные частицы, междометия, звукоподражательные слова. Подробно описаны сопутствующие категории частей речи.

Морфология языка тувинцев КНР также несколько отличается от морфологии языка тувинцев Тувы. Так, аффикс исходного падежа имеет узкие варианты (например: кит. тув. ystin — совр. тув. ycten 'из масла'; кит. тув. degenin — совр. тув. degeden 'от козла'). Личное местоимение 2-го л. мн. ч. имеет два варианта: senner ~ siler 'вы', порядковые числительные — аффиксы -nši, -nšu (например, bešinči 'пятый'); приблизительное числительное выражается, в частности, аффиксом -ža... (например, aldanža 'приблизительно шестьдесят').

Следует отметить, что автор довольно своеобразно объясняет отдельные явления в морфологии, что отражается на применении некоторых терминов. Так, «счетные слова» выделены им в отдельную часть речи (видимо, по аналогии со счетными словами в китайском языке), например: topna 'тонна', kile 'килограмм', laŋ 'лан' (старая денежная единица), šažaŋ 'чашка', которые мы обычно относим к именам существительным.

Во второй части III главы — «Синтаксис» — на основе конкретного языкового материала исследователь кратко характеризует основ-

ные синтаксические категории подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства, типы простых и сложных предложений.

Здесь уместно сравнить приводимые в статье предложения с современным языком, на котором говорят в Туве: кит. тув. *amdy ol balkaſtar kirkaaп* — совр. тув. *ам ол малгаſтар кургаан* 'сейчас те болота высохли'; кит. тув. *bistiп бөгүнгү іſibis sigiп kakar* — совр. тув. *бистик бөгүнгү иживис сиген кагар* 'наша сегодня работа—косить траву'; кит. тув. *bis ak kabadan geldibis* — совр. тув. *бис Ак Кабадан келдивис* 'мы приехали из Белого Каба'.

Как видно, сочетание слов, словопорядок, оформление членов предложения в тувинском языке, сохранявшемся среди небольшого числа тувинцев в Китае на протяжении 200 лет, по существу, ничем не отличаются от таковых языка основной массы тувинцев, живущих в Тувинской АССР. К настоящему времени, по-видимому, лучше изучен язык именно этой части тувинцев.

Кроме СССР и КНР, тувинцы компактно проживают в Монгольской Народной Республике (более 10 000 чел.). Изучению языка монгольских тувинцев посвящены работы советских ученых Ю. Л. Аранчына и Д. А. Монгуша [6; 7].

Результаты исследований Сун Чжэнчуня, впервые вводящие в научный оборот материалы по языку тувинцев Китая, помогут разработке вопросов о функционировании тувинского языка в разных условиях и сферах общественной жизни, созданию истории тувинского языка. Мы желаем китайским ученым больших успехов в их благородном деле.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Чень Вей. Краткий обзор исследований языков алтайской группы в Китае//Сов. тюркология. 1988. № 2.

² Хэ Синлян. Первые шаги в изучении религиозных верований алтайских урянхайцев//Миньцзу яньцзю. 1986. № 1.

³ Цитаты приведены в переводе с китайского Л. Доржу. Рукопись перевода хранится в рукописном фонде Тувинского НИИЯЛИ.

⁴ Совр. тув.—современный тувинский язык—язык тувинцев, проживающих в Тувинской АССР; кит. тув.—тувинский язык китайских тувинцев.

⁵ Знак [y] употребляется автором для обозначения звука [ы] или [у]; например, в словах *утгаа* 'комар', *алуг* 'брат'.

⁶ Аранчин Ю. Л. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии//Учен. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1975. Вып. 17.

⁷ Монгуш Д. А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии//Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЛЯ ПЛАНИРОВАНИЯ И ВЫБОРА ТЕМ ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТ

Развитие советской тюркологии последнего десятилетия отмечено углублением теоретической базы лингвистических исследований, повышением внимания к новым направлениям и проблемам современного языкознания, созданием капитальных коллективных трудов по центральным проблемам тюркского языкознания, интенсивными научными контактами тюркологов на различных научных форумах. Широкий анализ итогов развития советской тюркологической науки за периоды 1980—1985 гг. и шире—за истекшее 70-летие предложен на страницах «Советской тюркологии» [1—3]; он определяет и перспективу развития нашей науки.

Вместе с тем анализ диссертационных работ, выполненных за то же время, позволяет говорить и о недостаточной глубине фундаментальных исследований, о подчас поверхностном использовании новых идей общей лингвистической теории, определенной несбалансированности тематики [4], о слабой методической базе и в частности — неразличении методики сбора материала и исследовательской методики.

Опубликованные в «Советской тюркологии» рекомендации по проблематике докторских и кандидатских диссертаций [5] во многом сохраняют свою актуальность и сейчас. Вместе с тем, учитывая развитие современной теоретической лингвистики и новые задачи, которые возникают в наше время в сфере общественных наук, в том числе в языкознании [6], редколлегия решила предложить (не претендуя на исчерпывающую полноту) проблематику лингвистических исследований, учет которой может быть полезным в планировании научно-исследовательской работы по тюркскому языкознанию.

1. Вопросы методологии лингвистических исследований:

соотношение эмпирического и теоретического при интерпретации отдельных узлов языкового строя; роль материалистической диалектики в выработке научного понятия при опоре на факты строя тюркских языков; языковые проявления отдельных законов и категорий материалистической диалектики; методологические вопросы методики преподавания тюркских языков в вузах и школах национальных республик.

2. Социолингвистическая проблематика:

типы языкового взаимодействия; теория и методика исследований билингвизма и диглоссии, их психолингвистические и лингводидактические аспекты; лингвистические исследования речевых коллективов и

сообществ; явления креолизации в словообразовании и грамматике, лексике и семантике конкретных тюркских языков; языковые контакты и развитие отдельных микросистем конкретных тюркских языков;

языковая стратификация в разных тюркских коммуникативных общностях;

различные аспекты формирования национального языка (историко-этнические и социально-исторические условия, диалектные истоки, взаимодействия с родственными и неродственными языками и др.); типология становления национального языка;

теория и история литературного языка; типология литературных языков донациональных и национальных периодов; формирование и функционирование литературного языка в аспекте типологии средневековых литератур; принципы и методика описания истории литературного языка; создание истории конкретных литературных языков; проблемы отношения современных литературных языков и старописьменных литературных языков (геср.: литературно-языковой традиции); историческая грамматика литературных языков; современные литературные языки в их взаимоотношениях с диалектами конкретного языка;

национальный стандартный язык как система функциональных разновидностей в их взаимодействии; исследование его функциональных разновидностей (разговорной речи, языка фольклора, поэтической речи и др.) в структурном, коммуникативном, прагматическом, социолингвистическом аспектах;

этнолингвистика: связи языка и культуры, языка и народного творчества.

3. Содержательно-функциональный анализ языковых явлений:

анализ языковых значений (знаменательных лексических, вещественных, классифицирующих, служебных лексических, служебных грамматических — словоизменительных, словообразовательных и пр.) как результат отражения объективной действительности;

установление основных понятий и разработка методики функционально-семантического анализа применительно к строю тюркских языков;

связи грамматической системы с другими уровнями языка; изучение морфологических категорий при учете скрытых грамматических (потенциально грамматических) значений лексических единиц и значения морфологических единиц; словоизменительные категории имен и глаголов (критерии и принципы содержательного анализа); продуктивные словообразовательные категории имен и глаголов; словообразовательная система национального языка; парадигматика словообразовательных моделей; словообразовательные модели и их речевое наполнение; проблемы разграничения словоизменительных и словообразовательных категорий;

проблемы функционального синтаксиса: разработка синтаксических проблем в свете многоаспектной модели синтаксиса (логически ориентированной, структурной, аналоговой, актуальной); проблемы функциональной семантики предложения; коннотативный аспект синтаксических структур; анализ структурно-семантических типов предложения; структурные схемы предложения и их лексическое наполнение (расширение параметров описания синтаксической единицы); роль словоизменительных категорий в организации синтаксических конструкций; проблемы актуального членения (коммуникативный синтаксис); синтаксическая парадигматика (словосочетаний и предложений); валентность и синтаксическая связь; синтаксические потенциалы формы слова;

контекст и речевой акт как объекты исследования при функциональном подходе к явлениям языка; взаимодействие лексических и грамматических значений в коммуникативных актах; проблемы разграничения значений (языковая семантика) и смыслов (неязыковая семантика, мыслительные единицы); функциональный детерминизм в языковых единицах; разработка основных понятий и методики теории речевых единиц;

вопросы ономастологии; структурные и семантические типы ономастологических единиц.

4. Теория текста (лингвистика текста):

типология языковых текстов (включая старописьменные); характеристики текста как целостной структуры и функциональной разновидности речи; грамматические средства организации текста; детерминированность лексико-грамматической структуры высказывания параметрами текста; актуальное членение как элемент организации текста.

5. Лингвостилистика:

разработка теории и принципов стилистического анализа; соотношение лингвистического и стилистического анализа с последующим вычленением конкретных стилеобразующих признаков; типологические характеристики функциональных стилей; системная организация стилистически маркированных и стилистически нейтральных средств текста; развитие функциональных стилей в конкретном литературном языке; стиль как одна из форм речевой реализации языковых возможностей; вопросы теории стилистических исследований в свете диалектики возможности и действительности; лингвистические элементы поэтики.

6. Теория речевого акта:

теория речевых актов, их референциально-прагматические характеристики; анализ высказывания как процесса (семантическое представление высказывания и семантико-прагматические факторы); закономерности экспрессивной речи; анализ текста в единстве параметров речевого акта.

7. Компаративные исследования:

совершенствование методики сравнительно-исторического анализа при реконструкции отдельных грамматических подсистем; использование приемов содержательной типологии при реконструкции; разработка методики семантической реконструкции; реконструкция раннего состояния отдельных групп (или подгрупп) языков тюркской семьи; методика расположения в плоскости относительной хронологии реконструируемых подсистем; место отдельных письменных памятников в истории конкретных языков; современные и древние тюркские языки — проблемы соотношения и преемственности; установление этапов синтаксического развития; заимствования доисторического периода в тюркских языках.

8. Типологические исследования:

проблема языкового типа как комплекса разноуровневых признаков; типологическая характеристика отдельного тюркского языка; сравнительное изучение отдельных групп тюркских языков (в плане формальной и контентивной типологии); особенности тюркской агглютинации в свете общей теории агглютинативного строя; специфика морфологических категорий агглютинирующих языков; тип языка и образ жизни коммуникативной общности (условия существования этноса); сопоставительная типология разнотипных языков.

9. Ареальные исследования:

разработка теории и методики ареального исследования тюркских языков; ареальный аспект исследования лексики, фонетики, отдельных грамматических подсистем (синхрония, диахрония); лингвогеографическое обследование отдельных тюркоязычных регионов и зон; проблема языковых союзов.

10. Исследование лексики:

проблема лексического значения; теория лексической валентности; лексическая классификация имен и глаголов в отношении к грамматике; семантическая классификация лексики в аспекте исследования межуровневых связей; лексические микросистемы; проблема развития терминологии; изучение процессов интернационализации терминологии тюркских языков в сравнительно-типологическом аспекте; обобщающие исследования в области лексикологии отдельных тюркских языков; историческая лексикология; проблема создания этимологических словарей конкретных тюркских языков; исторический аспект проблем лексико-грамматического синкретизма; лексика как источник сведений об этногенезе отдельных тюркских народов; лексические связи между языками алтайской семьи.

11. Текстология:

экспликация принципов текстологического и лингвотекстологического исследования и его методики, текстологическое и лингвотекстологическое исследование отдельных памятников с последующим составлением их критического текста.

12. Экспериментальные исследования:

продолжение и теоретическое обобщение экспериментальных исследований, в частности обобщение данных экспериментальных исследований фонетического строя тюркских языков; экспериментальные исследования интонации, ритмического членения (единицы описания, методика анализа, интерпретация).

13. Инженерно-лингвистическая проблематика:

проблемы лингвистического обеспечения искусственного интеллекта; разработка принципов автоматизации лингвистического труда; теория и принципы создания машинного фонда тюркских языков; принципы и практика составления частотных и других словарей; создание тезаурусов литературных языков.

14. Прикладные аспекты тюркского языкознания:

проблемы совершенствования тюркской орфографии; проблемы тюркской лексикографии (принципы построения словарных статей, совершенствование принципов составления словарей различных типов и т. п.); проблематика внедрения достижений тюркского языкознания в практику вузовского и школьного образования.

Методика преподавания языка в вузе и школе:

вопросы методики преподавания филологических дисциплин; введение новейших достижений науки в вузовскую практику; программное обучение и использование компьютеров.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Тюркское языкознание в СССР в XI пятилетке: итоги и проблемы//Сов. тюркология. 1986. № 1.

² Филологические науки в тюркоязычных республиках в XI пятилетке: состояние и задачи//Там же.

³ Тюркское языкознание в СССР за семьдесят лет//Там же. 1987. № 5.

⁴ Костомаров В. Г., Круглов Ю. Г., Нелюбин Л. Л., Парастав А. Ф., Толстой Н. И., Щербак А. М. Итоги и проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров по языкознанию в 1981—1985 гг. // Вопр. языкознания. 1986. № 5.

⁵ Баскаков Н. А., Гаджиева Н. З., Кузнецов П. И., Соколов С. А. Теоретические проблемы и вопросы по тюркскому языкознанию, рекомендуемые для докторских и кандидатских диссертаций // Сов. тюркология. 1981. № 2.

⁶ К семидесятилетию советского языкознания // Вопр. языкознания. 1987. № 5.

Материал подготовили: Э. А. ТРУНИНА, Г. Ф. БЛАГОВА, В. Г. ГУЗЕВ, Д. М. НАСИЛОВ, Х. Г. НИГМАТОВ, А. М. ЩЕРБАК.

Были учтены замечания И. Х. АХМАТОВА и А. И. КАЙДАРОВА.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Э. А. ГРУНИНА. УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО ОСМАНСКО-ТУРЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

М.: ИЗД-ВО МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА, 1988. 176 с.

Знание арабской графики открывает для специалиста-тюрколога доступ к арабографическому письменному наследию тюркоязычных культур средневековья, в том числе — созданному в период с XIII по начало XX в. на территории Анатолии. Овладение навыками чтения, перевода и комментирования произведений данного периода, написанных на языке, сильно отличающемся в лексическом и грамматическом отношении от современного турецкого литературного языка, осложнялось отсутствием до настоящего времени комплексного учебного пособия для обучения османской письменности и османскому языку. Для этой цели использовались в основном хрестоматии, изданные в конце XIX — начале XX в.: *Смирнов В. Д.* Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1891; 2-е изд. СПб., 1903; *Дмитриев Н. К.* Бу адам. Османский текст со словарем. Л., 1928; *Гордлевский В. А.* Руководство для изучения османского языка. М., 1916. Эти книги в настоящее время стали уже библиографической редкостью, кроме того, в них нет разделов, характеризующих основные особенности языка этого периода и способствующих освоению арабо-персидского письма.

Преподавание турецкой филологии и истории Турции ведется в настоящее время приблизительно в десяти вузах страны. Отсутствие учебного пособия по османско-турецкому языку осложняло процесс обучения студентов. Рецензируемая книга Э. А. Груниной является удачной попыткой устранить существующий пробел в преподавании турецкого языка и его истории.

В краткой и четкой форме в пособии изложено все необходимое для того, чтобы обучающийся мог наиболее рациональным способом освоить арабографическую систему турецкой письменности и пройти достаточную практику работы над текстами.

Настоящее учебное пособие предназна-

чено для обучения студентов-тюркологов, имеющих достаточные знания в области современного турецкого языка, чтению арабографических текстов XV—XIX вв. В предисловии автор излагает основные задачи, поставленные в ходе разработки пособия: привить первоначальные навыки чтения арабографических турецких текстов, а также на примере отдельных образцов литературы разных периодов и разных жанров дать представление о нормах так называемого османского письменного литературного языка (с. 3). Работа состоит из четырех частей: ч. 1: Элементарный курс. Графика. Общие сведения; ч. 2: Образцы письменного литературного языка конца XIX — начала XX в.; ч. 3: Образцы письменного литературного языка XV—XVII вв.; ч. 4: Грамматические особенности арабских и персидских заимствований в турецком языке.

Первая часть состоит из 6 уроков и дополнительных замечаний к системе арабской графики в турецком языке. Здесь студенты знакомятся с арабской графической системой, при этом графемы приводятся в последовательности, определяемой не алфавитом, а частотой употребления и взаимосвязанностью соответствующих фонем. Так, в первом уроке учащиеся знакомятся с графемами: | — «элифом», обозначающим в турецком языке фонемы [a], [e], а в арабских заимствованиях — [ā], [a], [i], [ī], [u], [ū], и наиболее употребляемыми в сочетании с ним ب «бэ», ت «тэ», د «даль»,

ر «ре», во втором уроке — с و «вав» используемым для передачи не только губно-зубного [v], но и гласных [o], [ō], [u], [ū], и ج «лям», ز «зэ», م «мим» и т. д. Этот методический прием позволяет читать элементарные тексты, начиная с третьего урока. Турецкий вариант арабского алфавита в предисловии дан в виде таблицы, где кроме буквы в четырех написаниях и ее

названия показано также ее фонетическое содержание в турецком языке, дана практическая транскрипция в современной графике, международная и принятая в турецкой лингвистической литературе.

Арабская графика не отражает в достаточной степени фонетический строй турецкого языка. В связи с тем, что в арабском языке на письме передаются не все гласные фонемы, определенную трудность представляют средства отображения турецкого вокализма. Для этих целей использовались отдельные графемы, сочетания графем, диакритические знаки. Например, фонемы [a] и [e], обозначаемые на письме «элифом», различались при помощи диакритических знаков «мадда» и «хамза» с. «Элиф» в сочетании с «маддой» $\bar{ا}$ обозначал гласный [a], а в сочетании с «хамзой» $\dot{ا}$ — [e]. Сочетание $ا$ и $ي$ передавало анлаутный узкий [i] и [i], реже — [e], а сочетание $ا$ и $و$ — [o], [ö], [u], [ü]. Передача одного и того же гласного звука в начале, середине и конце слова осуществлялась различными способами. Например, [e] в начале слова передавалось $ا$, в середине $ه$, в конце $و$. В отдельных случаях обозначение гласных вообще отсутствовало, что характерно для арабской письменности. В помощь учащимся автором составлена таблица передачи турецкого вокализма средствами арабской графики (с. 32—34).

Консонантные системы арабского, персидского и турецкого языков также значительно различаются. Это приводит к тому, что, например, графемы $ح$, $خ$, $ه$, соответствующие разным арабским фонемам, в турецком используются для передачи одного звука [h]. С другой стороны, в арабском алфавите не нашлось графем для обозначения звуков [ç], [j], [g]. Поэтому в османско-турецких текстах использовались соответствующие графемы из персидского варианта арабского алфавита. Под влиянием фонетических законов турецкого языка изменяется также произношение арабских заимствований.

В содержащихся в рецензируемой работе комментариях к каждой из графем отмечается, для передачи каких аффиксов она используется. Все возможные описания аффиксов грамматических категорий сведены в один раздел. Обращается внимание на то, что если аффиксы имен действия получают различное отображение в графическом написании в зависимости от гармонии гласных, свойственной фонетике турецкого языка (دق, دوق, دق, دق, دق) то для обозначения деепричастия на $-(y)ip$, $-(y)ip$, $-(y)ur$, $-(y)ür$ существует лишь один вариант $وب$. Вопросительная частица mi , mi , mi имеет также один графический вариант. Не всегда отражались на письме варианты аффикса $-sa/-se/$

$-sa/-se$ (по глухости/звонкости начального гласного). После глухой основы мог выступать звонкий аффикс $türkçe$ ترکجه (с. 38—42). Ясное представление о графическом написании турецких аффиксов существенно облегчает разбор и понимание текстов, определение грамматических форм.

Автор особо останавливается на обозначении цифр, чисел и дат в текстах данного периода, чтение которых представляет достаточную трудность.

В качестве иллюстративного материала к первой главе приводятся шуточные миниатюры из цикла «Бу адам».

Во второй части даны образцы текстов конца XIX—начала XX в., а в третьей части — текстов XV—XVIII вв. Такое расположение материала диктуется стремлением облегчить овладение техникой чтения арабографичных текстов, так как памятники XV—XVIII вв. представляют большую трудность для чтения, содержат ряд сложных арабо-персидских заимствований.

Каждый текст сопровождается подробными комментариями, касающимися как исторических реалий, свойственных каждому периоду (например, $سوباشی$ subaşı 'су-баша' — представитель городской власти в провинции, ведавший городским хозяйством — чистотой кварталов, рынками, тюрьмами, ремонтом мостовых и т. д.; управляющий у санджакбея; управляющий крупными владениями (с. 76); $قاپو$ кару — синоним власти султана; дворцовая стража; обитатели султанского дворца, в этом значении выступало $دار السعادت$ (с. 77)), так и лексических и синтаксических заимствований или отдельных турецких слов (например, араб. $ابن$ ibn 'сын' сохраняет свою форму, если находится перед собственным именем, в середине в турецком переходит в $بن$ bin (с. 71); $ناپدید$ nabadid 'невидимый, пропавший', па- — персидский аффикс со значением отрицания (с. 72); $علماء$ ельма).

$و مشایخ کرام$ — $ulemai-izam ve meşaih-i kiram$ 'великие улемы и благородные шейхи'. В данном сочетании, построенном по типу персидского изафета, происходит согласование в числе определения и определяемого, отсюда $عظیم$ — мн. от $عظم$ azim и $کرام$ — от $کریم$ kekim (с. 81)).

Тексты XIX—XX вв. подобраны таким образом, что дают возможность познакомиться с разными стилями литературного османско-турецкого языка — разговорным и канцелярско-деловым (Исари М. Ханифе-ханым в суде), газетным, языком художественной литературы (Омер Нефи) и языком исторического сочинения (Ахмед Деведет-паша).

Тексты, приводимые в III главе, более трудны для понимания. Это отрывки из географических и исторических сочинений («Джиханнума» Мехмеда Нешри, «Сейя-

хат-наме» Эвлия Челеби, морской атлас «Бахрийе» Пири Рейса) и султанских указов. Комментарии также включают в себя объяснения лексических и синтаксических заимствований. Характеризуются графические особенности памятников: «Для орфографии памятника характерна неустойчивость в обозначении гласных слова. Например, глагол *etmek* встречается в написании *ایتتمک* но чаще начальный гласный

передается только «элифом»: *اتی*. Губной гласный аффикса передается неустойчиво, ср: *جوب* *çekür*, но *جب* *çikur*. Гласные глагольных основ могли не передаваться, ср.:

گنډک *göndekür*, *قرب* *kikur*» (с. 74). Задачи после каждого текста сформулированы таким образом, что они способствуют усвоению материала.

Понимание османско-турецкого языка, а также пользование арабским словарем невозможны без знания основных словообразовательных моделей, основ морфологии и синтаксиса арабского и персидского языков, особенностей функционирования заимствований в турецком языке этого периода. Умение выделить корень и правильно определить породу масдара или причастия не только облегчает пользование арабским словарем, но и дает возможность пользоваться им реже. Каждая порода имеет определенный тип значения по отношению к исходной основе и свои словообразовательные модели имени действия и причастий. По определенным правилам образуются от глаголов имена деятеля, места, орудия. В турецком языке стали продуктивными некоторые персидские словообразовательные аффиксы и префиксы, хотя они и использовались лишь в заимствованной лексике. Прочно вошел в литературный язык и персидский изафет, упот-

ребление которого позже придавало тексту определенную стилистическую окраску. В IV главе систематически излагаются грамматические особенности арабских и персидских заимствований, здесь приводятся таблицы словообразовательных моделей масдаров и причастий арабского языка, разъясняются правила образования надежных форм и форм множественного числа, перечисляются наиболее употребляемые предлоги и частицы, заимствованные из арабского и персидского языков.

Словарь, имеющийся в пособии, содержит необходимое для учебных целей количество лексики; слова в нем расположены в традиционном алфавитном порядке. Наряду с переводом слов дается практическая транскрипция в современной графике. В приложении приводятся образцы рукописных почерков — *рик'а* и *наш'а*.

Таким образом, учебное пособие, созданное Э. А. Груниной, представляет собой первое в нашей стране комплексное учебное пособие по османскому языку и османской письменности. Оно включает в себя разделы, необходимые для усвоения основ языка этого периода и практического применения их при чтении арабографических текстов. Книга, без сомнения, может найти широкое применение во всех вузах страны, занимающихся подготовкой тюркологов, причем не только османистов и тюркологов, но и специалистов по языку, литературе, истории и культуре других тюркских народов.

К сожалению, до смешного маленький тираж пособия — 400 экз. очень скоро приведет к тому, что оно станет библиографической редкостью.

В. Г. Гузев, О. Н. Каменева,
Е. М. Напольнова

П. А. СЛЕПЦОВ. ЯКУТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК: ИСТОКИ, СТАНОВЛЕНИЕ НОРМ НОВОСИБИРСК: НАУКА. 1986

Изучение любого литературного языка, характеризующегося разнообразием пересекающихся вопросов, — одна из наиболее трудных задач в языкознании. Сложность создания данной монографии усугублялась вдвойне отсутствием специальных работ по указанной проблеме в якутском

языкознании.

Первая часть монографии посвящена языку дореволюционной якутской письменности, т. е. истокам литературного языка. П. А. Слепцов, подвергая анализу весь фактический материал, в том числе ранее игнорировавшийся миссионерский, делает

вывод, что до революции письменность на якутском языке все-таки существовала.

По мнению П. А. Слепцова, в зарождении якутской письменности особую роль сыграли представители русской академической науки, политические, в частности акад. О. Н. Бетлингк, создавший безупречный алфавит.

Установлению и нормализации якутского литературного языка немало способствовал Э. К. Пекарский, проделавший громадную текстологическую работу при издании «Образцов якутской народной литературы». Достаточно места в книге уделяется «Воспоминаниям» Уваровского — первого памятника якутской художественной литературы и журналу «Саха саната», в своих лучших частях демонстрирующему выразительный язык.

Хронологически последовательный анализ письменных источников наиболее раннего периода подтверждает, что зарождение якутской письменности, безусловно, явилось одним из благотворных результатов вхождения Якутии в состав Русского государства. Зарождение письменности положило начало якутскому письменнолитературному языку.

Большое значение в становлении норм современного литературного языка имели произведения основоположников якутской литературы — А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, Н. Д. Неустроева. Ценность работы П. А. Слепцова заключается в том, что он исследует их творчество с неизученной до сих пор точки зрения — в аспекте отношения к современному литературному языку, как его дореволюционную основу, источник.

А. Е. Кулаковский с детства воспитывался на традициях фольклора, и именно поэтому язык и стиль его произведений несут на себе глубокий отпечаток якутской народной поэзии. Однако как крупный мастер слова он не механически использовал традиционные изобразительные средства, формулы, пословицы, поговорки, афоризмы, а подвергал их обработке с целью совершенствования поэтической формы и усиления смысловой нагрузки.

А. И. Софронов ввел силлабический стих, сочетая его с аллитерацией и ассонансом. Его стихотворения, в отличие от фольклорного стиха, имеют четкую строфику. Убедительно выглядят благодаря многочисленным конкретным примерам утверждения автора рецензируемой работы о том, что «поэт содержательно использовал поэтические средства фольклора, решительно отказавшись от цветистости, витиеватости, больших гривастых и хвостатых фраз, демонстрировал неограниченные возможности парных и удвоенных слов, универсальный характер подобного способа словообразования» (с. 89).

В области драматургии А. И. Софронов оценивается как крупнейший мастер диалогата. Подчеркивается насыщенность его драм эмоционально-экспрессивной лекси-

кой, активный обиходный словарный состав.

Подробно исследуется язык и другого зачинателя якутской литературы — Н. Д. Неустроева. Насыщенные всевозможными фольклорными формулами и устойчивыми выражениями, его произведения в то же время стилизуются афористичностью, что, несомненно, исходит, как правильно замечает П. А. Слепцов, из самого стиля писателя, его стремления к краткости, емкости и выразительности.

Исследование языка произведений зачинателей якутской литературы позволяет П. А. Слепцову сделать общее заключение: их литературный язык оформляется как язык художественной литературы; в дальнейшем развитии якутского литературного языка до современного национального язык А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, Н. Д. Неустроева представляется основой его наиболее развитого, ведущего художественного стиля.

Вторая часть работы освещает становление литературного языка послереволюционной эпохи (20—30-х годов) и характеризуется комплексным подходом автора к изучаемой проблеме. Именно комплексность позволила автору с основательной полнотой раскрыть сущность всех фактов и явлений, так или иначе содействовавших становлению литературного языка нового времени.

П. А. Слепцов по праву воздает должное деятельности С. А. Новгородова по распространению массовой гражданской письменности. Его транскрипция в 20-х годах стала средством внедрения якутского языка в общественно важные сферы, была «благоприятным фактором, который ускорил развитие массовой письменной литературы и тем придал успешный старт национальному литературному языку» (с. 113).

В рассматриваемый период ведущее положение по своей нормативной направленности занимают, конечно, учебники и учебные пособия, особенно С. А. Новгородова и Кюндэ — выдающихся деятелей языкового строительства. В своих учебных пособиях оба они практически заложили нормы национального литературного языка на широкой общенародной основе.

Распространение массовой гражданской письменности, переход на якутский язык делопроизводства, введение якутского языка в школы, зарождение различных жанров художественной литературы со всей остротой поставили проблему создания терминологии из собственных ресурсов языка, а также путем заимствования слов из русского языка. О доскональном и детальном изучении всех письменных источников говорит тот факт, что автор точно указывает даже год употребления того или иного значения слова, точное время их семантических сдвигов.

К концу 20-х годов четко обозначились основные черты общественно-публицисти-

ческого, делового и отчасти учебно-педагогического стилей. Формирование указанных трех стилей требовало разработки и кодификации единых, общеобязательных литературных норм.

Со знанием дела анализируются П. А. Слепцовым 30-е годы — время постепенной кристаллизации, оформления основных принципов, идей и правил орфографии. Констатируется, что в системе средств и источников нормализации литературного языка художественная литература 30-х годов занимала ведущее положение.

Основанные на богатом фактическом

материале, подкрепленные многочисленными примерами, объективно исходящие из содержания работы выводы автора представляют несомненную ценность как для осмысления исторического развития социальных функций исследуемого языка и его литературных норм, так и для решения практических вопросов национально-языковой политики и языкового строительства. Монография П. А. Слепцова является серьезным научным вкладом в якутское языкознание и тюркологию в целом.

А. Г. Нелунс

ОНОМАСТИКА ТАТАРИИ

КАЗАНЬ, 1989. 119 с.

Рецензируемый сборник представляет собой первую специальную научную работу татарских языковедов, посвященную актуальным вопросам татарской ономастики и ономастики сопредельных территорий.

В предисловии, написанном Г. Ф. Саттаровым, кратко характеризуется состояние ономастической науки в Татарии, уровень развития тюркской ономастики в целом, а также основные проблемы татарской антропонимики и топонимики.

В статье Г. Ф. Саттарова «Булгарский гласт топонимии и антропонимии казанских татар» утверждается, что выявленные автором ономастические булгаризмы наряду с другими научными данными убедительно доказывают прямую преемственность между волжско-камскими булгарами и казанскими татарами и их языками.

В статье Р. Г. Ахметьянова «К происхождению топонима Урал» на основе древней лексики татарского языка выдвигается версия угорского происхождения названия реки. По мнению автора, это название было воспринято тюрками (башкирами и татарами) задолго до русских и получило различные переосмысления — вплоть до значения «климатический пояс».

Большой интерес представляет статья Ф. Г. Гариповой «О некоторых параллельных гидронимических терминах Татарской АССР», в которой внимание читателя обращается на общирность системы гидронимических терминов татарского языка и его диалектов, объясняющуюся особо важ-

ной ролью рек Поволжского региона в хозяйственной деятельности человека. В данной статье рассматривается около 15 гидронимических терминов, например: *бай* 'река, сухая река', *инеш* 'речка', *тармак* 'рукав реки', *тоба* 'глубокое место в водах, глубокое озеро', *узак* 'река' и др.

Изучению вопроса заимствования татарским народом личных имен из русского и западно-европейских языков посвящена статья М. А. Залялеевой «Татарские личные имена русского и западно-европейского происхождения». Данный вопрос является составной частью проблемы соотношения национальных языков и русского, которая, в свою очередь, представляет собой часть широкой проблемы языковых контактов.

Большой интерес с точки зрения ономастики и истории вызывает статья Д. Б. Рамазановой «Некоторые наблюдения над топонимией и антропонимией пермских татар». Язык татар Пермской области — это самостоятельный говор среднего диалекта татарского языка, который приобрел под влиянием иноязычного окружения своеобразную систему особенностей. Последовательное изучение внедрения тюркского элемента в имена собственные позволяет автору подтвердить тот факт, что предками нынешних пермских татар уже в XVI в. являлись тюрки.

В статье Ф. С. Баязитовой «Личные имена в говорах крещеных татар» рассматриваются фонетические и морфологические изменения в русских собственных

именах, которые произошли в результате их приспособления к татарскому произношению. Анализируя личные имена крещеных татар, автор подтверждает ранее известные языковые факты, но на оригинальном ономастическом материале.

Статья А. Ю. Фильковой «Географические термины в тюркской ойконимии» показывает значительную роль номенклатурных терминов в образовании тюркской ойконимии. Весьма правомерно утверждение автора, что почти каждый географический термин имеет несколько значений, возникших в отдельных тюркских языках в связи с географическими особенностями их территориального распространения.

Объектом анализа статьи Р. И. Куряевой «Лексико-семантический анализ тюркизов в русской ойконимии Татарской АССР» являются ойконимы, в основе которых лежат тюркские слова. По мнению автора, названия более 500 пунктов с русским населением имеют тюркское происхождение. Многие из них рассматриваются в данной статье, например: Караса, Акса-Куль, Секинесь, Кичуй и др.

Автор статьи «Историко-лингвистические особенности формирования и развития ойконимии Заказанья Татарской АССР» К. Я. Кадралеева обращается к ойкони-

мам, возникновение которых является следствием смешения и миграции различных народов, издавна живущих в районе Заказанья Татарии. Изучение материалов по археологии, эпиграфике и этнографии привело автора к выводу, что финно-угорский этнолингвистический пласт в ойконимии Заказанья является наиболее древним, а тюркский — самым значительным.

Сборник завершается статьей Л. К. Гараевой «Тюркизмы в русской исторической антропонимии (на материале личных имен)». Правомерным является утверждение автора о том, что, несмотря на постепенное вытеснение личных имен тюркского происхождения из активного русского именника, они не исчезли бесследно, а сохранились в основах многих русских фамилий тюркского происхождения, например: Мамаев, Киреев, Кондаков, Шарапов, Мансуров, Татарский, Ярлыков и др.

Сборник, посвященный самым различным проблемам и аспектам исследований в области татарской ономастики, дает наглядное представление о состоянии и актуальных направлениях ее развития. Его издание внесло определенный вклад в дальнейшее развитие ономастической науки в Татарии и ономастики в целом.

Ф. Л. Мазитова

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ

РУССКАЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ПЕЧАТЬ О М. Ф. АХУНДОВЕ/СОСТ. И АВТ.

КОММЕНТ. С. ТАГИЗАДЕ. БАКУ: ЯЗЫЧЫ, 1987. 174 с.

Сборник, приуроченный к 175-летию со дня рождения великого азербайджанского писателя и мыслителя М. Ф. Ахундова, состоит из двух частей. В первой опубликованы посвященные М. Ф. Ахундову работы русских критиков и ученых, появившиеся на страницах периодической печати Петербурга, Москвы и Тифлиса в 50—90-х годах XIX в. Во второй части собраны переводы на русский язык статей, сообщений и фрагментов книг европейских востоковедов, трактующих различные вопросы творческого пути азербайджанского классика. Задумана книга хорошо, однако составитель во многом не сумел справиться с поставленной задачей.

В предисловии к сборнику канд. филол. наук С. Тагизаде пишет: «Подлинное изучение истории пропаганды творчества

Ахундова в России и Европе можно осуществить лишь только в свете знакомства с оригиналами статей русских и западно-европейских литераторов. К сожалению, мы до сих пор не имеем доступа ко всем этим материалам. Сейчас возникла настоятельная необходимость издавать в отдельном сборнике статьи русских и западно-европейских литераторов, опубликованных в русской и европейской печати. Думается, что необходимо привлечь в сборник и отдельные наиболее интересные монографические главы (?) о творчестве Ахундова европейских востоковедов» (рец. сб. С. 5).

Получается, что азербайджанским ученым до сего времени не были известны оригиналы русских и европейских ахундоведческих публикаций и именно составителю сборника принадлежит в данном слу-

чае роль первооткрывателя. Однако многие видные азербайджанские литературоведы, в том числе Ф. Кочарлинский, Ю. В. Чемеңземили, А. Сеидзаде, М. Рафили, Ф. Касумзаде и другие, в своих статьях и монографиях, посвященных М. Ф. Ахундову, рассматривали вопросы перевода на русский и европейский языки поэмы «На смерть Пушкина», комедий и повести «Обманутые звезды», а также различные аспекты изучения жизни и творчества писателя русскими и западно-европейскими критиками и востоковедами.

Что же касается переводов на азербайджанский язык работ русских и зарубежных авторов о М. Ф. Ахундове, то начало здесь было положено публикацией в 1938 г. в журнале «Революция и культура» перевода трех статей французских востоковедов (переводчиком выступил Юсиф Везир Чемеңземили, известный писатель и литературовед, отличный знаток французской культуры, некоторое время проживший в Париже). Затем, правда, был длительный перерыв, и только почти четверть века спустя автором этих строк был опубликован перевод на азербайджанский язык большей части посвященных писателю статей и рецензий в книге «М. Ф. Ахундов. Сборник статей» (Баку: Элм, 1962. С. 275—305. Раздел: Русская, немецкая, французская, английская и иранская печать о М. Ф. Ахундове).

Отсюда нетрудно сделать вывод, что не будь азербайджанским исследователям известны оригинальные тексты этих работ, то неоткуда было бы взяться и переводам. Да и выявление иноязычных текстов, вопреки мнению С. Тагизаде, не представляет особой трудности. Статьи и рецензии русских критиков и востоковедов были опубликованы в журналах «Московский наблюдатель», «Библиотека для чтения», газетах «Кавказ», «Закавказский вестник», «Русский инвалид» и других изданиях, которые можно найти в библиотеках Москвы, Ленинграда и Тбилиси, так же, кстати, как и литературу иностранную.

Далее в своем предисловии С. Тагизаде переходит к характеристике известной библиографической работы А. Е. Лермана «М. Ф. Ахундов в русской печати» (Баку, 1962), а также подготовленной автором этих строк упомянутой выше книги «М. Ф. Ахундов. Сборник статей». Положительно в целом оценив эти работы, С. Тагизаде высказывает и критические замечания в адрес их составителей. Так, работа А. Е. Лермана не удовлетворяет его прежде всего тем, что в ней фигурируют «повторы одного и того же источника несколько раз. Например, статья Дружинина, опубликованная в апрельском номере журнала „Библиотека для чтения“ за 1852 год, указывается в библиографии три раза, на страницах 141, 143, 163. А поэма „На смерть А. С. Пушкина“ встречается четыре раза на страницах 26, 136—137, 91. Конечно, при желании можно было избежать

повторений одних и тех же работ в разных главах одной и той же библиографической работы» (рец. сб. С. 9).

С этим мнением С. Тагизаде трудно согласиться. Дело в том, что А. Е. Лерман в своей библиографии придерживался не хронологического, а тематического принципа, группируя материал по рубрикам: «Публикации произведений М. Ф. Ахундова в русской печати», «Жизнь и деятельность М. Ф. Ахундова», «Образ М. Ф. Ахундова в литературе и искусстве», «Общественно-литературные связи М. Ф. Ахундова сего современниками» и др. Отсюда неизбежность повторов.

Попробуем теперь ответить на замечания, высказанные по поводу соответствующего раздела в составленном нами сборнике. Чтобы не прибегать к пространным цитатам и вкратце изложить суть «конфликта», отметим, что С. Тагизаде отрицает тот факт, что рецензия на ахундовскую комедию «Мусье Жордан, ботаник и дровиш Мастали-шах, знаменитый колдун», опубликованная в 1851 г. в журнале «Библиотека для чтения», принадлежит перу известного критика А. В. Дружинина, и, в свою очередь, считает доказанным авторство О. И. Сенковского (с. 10). Этой версии придерживался азербайджанский литературовед М. Рафили, причем основанием ему служили письма М. Ф. Ахундова, в которых Мирза Фатали отмечал, что известный русский литератор О. И. Сенковский положительно отзывался о его комедиях. С. Тагизаде говорит также, что рецензия якобы не подписана инициалами «И. П.» (т. е. «Иногородний подписчик»). Но это явное недоразумение, свидетельствующее о невнимательности составителя.

Дело в том, что рецензия на ахундовскую комедию является частью большой обзорной статьи, помещенной в разделе журнала «Литературная летопись» («Смесь»). Фрагмент статьи, где речь идет о комедии М. Ф. Ахундова, само собой разумеется, подписи не имеет, но ведь само обзор в целом как раз-таки заключен инициалами «И. П.». Известно, что обзорные статьи для раздела «Литературная летопись» в журнале «Библиотека для чтения», как правило, подготавливал один человек. А. В. Дружинин свои обзоры в журнале «Библиотека для чтения» иногда подписывал инициалами «И. П.», большей же частью они шли под названием «Письма иногороднего подписчика».

Далее, С. Тагизаде упрекает нас в следующей фактической ошибке: «В приложении (имеются в виду комментарии.—Н. М.) по поводу другой статьи, также опубликованной в журнале „Библиотека для чтения“ за 1852 год, но, в отличие от первой, написанной А. В. Дружининым, составитель пишет: „Статья была опубликована в журнале „Библиотека для чтения“ (т. 112, ч. II, отдел VI, апрель, стр. 214—239) под

заглавием „Письма иногороднего подписчика“ и подписана псевдонимом „Ахматов“. Как мы упомянули выше, „Иногородний подписчик“ — псевдоним либерального критика А. В. Дружинина. Следует отметить, что статья не печаталась за подписью „Ахматов“. В журнале нет фамилии „Ахматов“» (с. 10).

Мы вновь вынуждены не согласиться с С. Тагизаде, поскольку фамилия «Ахматов» в журнале «Библиотека для чтения» все-таки встречается, — А. В. Дружинин иногда подписывал свои обзоры и этим псевдонимом, в том числе и тот, о котором идет речь. Но, пожалуй, самое курьезное заключается в том, что С. Тагизаде включил в составленный им сборник рецензию (в сокращенном виде), появившуюся в журнале «Пантеон» в том же 1852 г., причем неизвестный критик, резко полемизируя с вышеупомянутой дружининской статьей, называет ее автора господином Ахматовым! Спрашивается, откуда в таком случае могла появиться эта фамилия, если ее «нет в журнале»?

Мы могли бы ответить и на другие замечания С. Тагизаде в наш адрес (они представляются нам столь же «аргументированными»), но недостаток места не позволяет это сделать. Перейдем лучше к непосредственному разбору самой книги, в которой наглядно отразилась филологическая культура ее составителя.

В некоторых статьях, включенных С. Тагизаде в сборник, неоднократно повторяются одни и те же факты, и далеко не все они имеют сколько-нибудь серьезное значение для изучения жизни и творчества М. Ф. Ахундова. В качестве примера можно назвать сообщения и заметки русских критиков, опубликованные в русской печати и посвященные известной ахундовской поэме «На смерть А. С. Пушкина». За исключением двух первых сообщений, напечатанных: одно в 1837 г. в журнале «Московский наблюдатель» (книга 11-я) и другое — в 1877 г. в газете «Русская старина» (№ 8), остальные заметки об этом произведении не было никакой надобности включать в сборник.

Странно и то, что иные статьи помещены в книге дважды. Например, в 1852 г. в немецком журнале «Magazin für die Literatur des Auslandes» была опубликована небольшая рецензия на комедию М. Ф. Ахундова «Мусье Жордан, ботаник и дворянин Мастали-шах, знаменитый колдун», где пересказывалось ее содержание. Спустя год перевод этой рецензии был опубликован в газете «Русский инвалид» (№ 8. 11 янв.). С. Тагизаде в составленный им сборник включил как перевод статьи немецкого автора, сделанный непосредственно с оригинала, так и перевод, опубликованный в газете «Русский инвалид». Отметим, что в «Русском инвалиде» перевод был осуществлен на высоком уровне, тогда как текст из рецензируемой книги представляется весьма слабым, в

нем есть и прямые неточности, искажения.

Другой пример. В 1868 г. в Лейпциге видным русским востоковедом Ад. Берже был издан «Сборник стихов азербайджанских поэтов» с предисловием составителя: «Несколько слов о закавказских мусульманских поэтах». В том же году эта статья на русском языке была опубликована им в газете «Кавказ» (7 янв.). С. Тагизаде вновь дает два перевода — авторский и современный, причем последний опять значительно уступает русскому тексту самого Ад. Берже.

Ряд статей, включенных С. Тагизаде в его сборник, имеет лишь косвенное отношение к М. Ф. Ахундову. Такова, например, упомянутая выше рецензия, напечатанная в журнале «Пантеон», в которой неизвестный критик, резко полемизируя с дружининским обзором, оспаривает и оценку известным литератором трех комедий М. Ф. Ахундова. К тому же разряду относятся и рецензии в «Отечественных записках» и «Современнике» (обе — 1855 г., автором последней был Н. Г. Чернышевский) на тифлисский альманах «Зурна», в которых подробно анализируются лишь произведения русских писателей, в частности В. А. Соллогуба, Е. А. Вердеревского, проживавших в то время в административном центре Кавказа — Тифлисе. М. Ф. Ахундов же в этих рецензиях упоминается лишь в качестве переводчика одного стихотворения известного азербайджанского поэта XVIII в. Моллы Панаха Вагифа. Считаем нужным отметить, что в своей рецензии неизвестный автор журнала «Отечественные записки», говоря о переводе стихотворения М. П. Вагифа М. Ф. Ахундовым, допустил серьезную ошибку. В своей рецензии он писал, что стихотворение «Идеал красавицы по восточным понятиям» есть буквальный перевод письма в стихах от Моллы Панаха, везира карабахского владетеля, к Вагифу, приближенному имеретинского царя. Как видим, здесь русский автор ошибочно полагает, что Молла Панах и Вагиф — это два разных поэта. Очевидно, он не знал, что свое стихотворение М. П. Вагиф послал своему другу, известному азербайджанскому поэту Молле Вели Видади. Странно, что С. Тагизаде не указывает на эту грубую ошибку русского автора, более того, в своем предисловии к сборнику он критикует составителя библиографии «М. Ф. Ахундов в русской печати, 1837—1962» — А. Е. Лермана, который в небольшом примечании к этой рецензии правильно указывал на досадную ошибку русского рецензента. С. Тагизаде пишет: «Библиограф указывает, что здесь допущена неточность: „К. Вагифу, надо полагать, опечатка: следует читать — „к Видади“. Но это уточнение не обосновано никакими фактами» (с. 10).

В 1958 г. западно-германский ученый О. В. Брандс выпустил в Висбадене книгу под названием «Азербайджанская народная жизнь и современные тенденции в

комедиях М. Ф. Ахундова». Она представляет собой сжатое справочное пособие или даже своеобразную мини-энциклопедию, содержащую сведения о жизненном и творческом пути М. Ф. Ахундова, характеристики эпохи, библиографические данные. Книга, безусловно, полезная, позволяющая европейскому читателю многое узнать об азербайджанском классике, хотя для специалистов или просто людей, неплохо знакомых с жизнью и творчеством М. Ф. Ахундова, особых открытий в ней нет. С. Тагизаде приводит перевод первой главы этой книги, в которой немецкий ученый дает весьма общие сведения о жизни и деятельности М. Ф. Ахундова, а также небольшой фрагмент из второй главы, где речь идет о комедии «Алхимик Молла Ибрагим Халил, обладатель философского камня» и ее переводах на русский и другие языки. Мы полагаем, что эти страницы книги не представляют особого интереса и, главное, не дают адекватного представления о содержании и значении работы О. В. Брандса в целом. Поэтому, на наш взгляд, целесообразность включения в сборник именно этих фрагментов является чрезвычайно сомнительной. Кстати, в переводе их допущены серьезные ошибки. Вот только две из них: «К началу шестидесятих годов М. Ф. Ахундов начал интенсивно заниматься составлением проекта реформы законов ислама» (с. 108). В немецком же тексте вовсе не «законы ислама», а «исламский алфавит». Еще пример: «М. Ф. Ахундов в „Письмах Кемал-уд-Довле“ выступает против абсолютизма и идеи прогресса» (с. 110). На самом деле немецкий ученый, определяя общую идейную направленность философского трактата «Письма Кемал-уд-Довле», утверждал прямо противоположное, а именно, что М. Ф. Ахундов в нем «пропагандирует идеи прогресса».

В сборнике допущено немало ошибок в написании имен собственных. Например, Адольф Берже и Карл Берже стали Адольфом Бергом и Карлом Бергом (с. 99), полковник Потоцкий переименован в Потайкина (с. 64). Жюль Мольер превратился в Мольера (с. 36, 38, 84). А. Ваармунд — в А. Ваармунда (с. 99), Д. Хаггард — в Гаггарда (с. 75). Хоггарта (с. 99), Ги Странж фигурирует как Гей Странг (с. 75), Г. Стенч (с. 91), Г. Стрейндж (с. 114), Стринж (с. 149). Альфонс Сильер как А. Силлиер (с. 89, 90). Барбье де Мейнард как Барбиер де Мейнард (с. 108), Ст. Гиауд как С. Гиауд (с. 99), Гичо (с. 145). Л. Бува пишется как Люсен Боят (с. 99), а также Л. Бовье (с. 111), вместо А. Пжафат оглы — А. Кафар-оглы (с. 101). Чафер оглы (с. 104), князь А. Барятинский стал Бариатинским (с. 98), газета «Кавказ» пропала, сохранила название, но превратилась в журнал «Кавказ» (с. 143) и т. д.

В нарушение элементарных правил тек-

стологии, названия иностранных органов печати приводятся только в русском переводе — их оригинальных названий не найти и в комментарии. Даже названия таких немецких журналов, как «Magazin für die Literatur des Auslandes», «Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland», даны в книге только в русском переводе.

Русские и европейские авторы, как правило, не располагали достаточными сведениями о жизни и творчестве М. Ф. Ахундова, они допускали в своих работах много фактических ошибок, высказывали неверные суждения. Составитель обязан был в комментарии к сборнику оговорить эти просчеты, но, к сожалению, не сделал этого. Надо сказать, что в целом комментарий написан очень бегло, поверхностно.

Серьезные неточности допустил С. Тагизаде и в предисловии к сборнику. Так, говоря о вкладе писателя в азербайджанскую литературу, общественно-политическую и философскую мысль, составитель указывает, что М. Ф. Ахундов был «инициатором и страстным пропагандистом реформы арабского алфавита в системе тюркских языков» (с. 5).

Но М. Ф. Ахундов стремился провести реформу арабского алфавита на всем мусульманском Востоке. Свой первый проект нового алфавита он озаглавил «Проект нового алфавита для письменности языков ислама, включающих арабский, персидский и тюркские языки», и в течение долгих лет пытался реализовать свой замысел — в том числе и в Иране.

Характеризуя значение для ахундоведения статей и рецензий русских критиков, С. Тагизаде указывает: «Русскими литературоведами и критиками, в частности О. И. Сенковским и А. В. Дружининым, впервые были освещены литературно-эстетические проблемы творчества Ахундова, в которых подчеркивались жизненность, современность и народность его произведений» (с. 6). «О. И. Сенковский для азербайджанского литературоведения был значительной фигурой. Он положил начало исследованию творчества М. Ф. Ахундова в реалистическом плане» (там же).

Разумеется, каждый, кто когда-либо занимался проблемами творчества М. Ф. Ахундова, испытывает чувство признательности к одному из основоположников русского востоковедения О. И. Сенковскому, и в особенности к талантливому критику А. В. Дружинину, за то, что они представили сочинения азербайджанского автора русской читательской публике. А. В. Дружинин благожелательно оценивает ахундовские комедии, его привлекает в них изящество характеристик быта и нравов, художественные достоинства, тонкое понимание автором специфики комедийного жанра. В то же время утверждать, что в статьях А. В. Дружинина глубоко анализируются природа реализма М. Ф. Ахундо-

ва, поэтика и идейное содержание его комедий, их связь с актуальными проблемами азербайджанского общества, было бы явным преувеличением. К тому же, как известно, ни О. И. Сенковский, ни А. В. Дружинин не были сторонниками сатирического направления в литературе.

В целом же, подводя итоги краткого

разбора подготовленной С. Тагизаде книги, можно сказать, что составитель ее с поставленной перед ним задачей не справился. (А ведь юбилейная дата побуждала к особой ответственности). Думается, что издательство «Язычы» также могло бы отнестись к делу не столь халатно.

Н. Дж. Мамедов

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

ОБРАЩЕНИЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ (СКТ) КО ВСЕМ СОВЕТСКИМ ТЮРКОЛОГАМ, ПРОФИЛИРУЮЩИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ЧЛЕНАМ СКТ

За последнее время в нашей стране опубликован ряд биобиблиографических словарей, свидетельствующих о развитии определенных отраслей знаний и накоплении ими большого научного потенциала.

В советский период тюркология как комплексная наука, изучающая духовную и материальную культуру тюркских народов, сделала значительные успехи, получившие широкое признание не только в СССР, но и за рубежом.

Научная общественность с одобрением встретила выход «Биобиблиографического словаря отечественных тюркологов: Дооктябрьский период/Под ред. А. Н. Кононова» (М., 1974). К сожалению, это ценное издание, содержащее сведения о более чем 300 тюркологах, было ограничено хронологическими рамками и не охватывало советский период. Оставшийся пробел в силу объективных причин не мог быть полностью восполнен и другими капитальными трудами (см.: Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1977; Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана: В 3 т./Сост. Б. В. Лукин. Ташкент, 1974—1977; Биобиблиография обществоведов Казахстана. Алма-Ата, 1986 и др.).

Советские и зарубежные ученые и широкие круги читателей, интересующиеся проблемами тюркологии, остро ощущают нехватку биобиблиографического словаря советских тюркологов. Необходимость подготовки такого издания назрела давно. Его публикация поможет, кроме всего прочего, выявить научный потенциал советской тюркологии, подвести итоги ее развития за годы Советской власти, дать богатый материал для историко-сравнительного анализа.

В связи с этим Советский комитет тюркологов (СКТ) принял решение подготовить к изданию «Биобиблиографический словарь советских тюркологов». Организационная и редакторская работа будет проводиться под общим руководством СКТ во главе с его председателем чл.-корр. АН СССР Э. Р. Тенишевым. Составителем указанного справочно-энциклопедического издания утвержден член СКТ, канд. ист. наук А. А. Алафаев.

Книга будет рассчитана на широкие круги научной общественности.

СКТ обращается ко всем специалистам-тюркологам* с просьбой прислать о себе (и ушедших из жизни коллегам) научные материалы для словаря-справочника (образцы анкеты и статей прилагаются).

СКТ обращается ко всем административным, научным, учебным и общественным организациям, где работают (или работали) специалисты в области тюркологии, с просьбой организовать своими силами оперативное заполнение и присылку анкет (статей).

СКТ обращается ко всем своим членам с просьбой проявить инициативу и оказать всемерную помощь на местах. Результаты Вашей работы будут обсуждены на очередном пленуме СКТ.

СКТ надеется издать «Биобиблиографический словарь советских тюркологов» в 1992 г., т. е. к 75-летию Великого Октября. Все материалы должны быть присланы в кратчайшие сроки, но не позднее 7 ноября 1990 г.

Успех начатого дела, несомненно, необходимого и благородного, во многом зави-

* Критерий: диссертационное исследование или совокупность работ в области тюркологии.

от высокого понимания научного и общественного долга всех, кому адресовано наше обращение — и не только ученых, но и всех, кто интересуется историей и культурой тюрков. Статьи, заполненные по анкете, будут опубликованы в журнале «Советская тюркология».

Внимание читателей «Советской тюркологии» предлагается разработать А. А. Алафееву структура биобиблиографического словаря в целом и его научно-справочных статей.

Все научные материалы, замечания и предложения, которые будут приняты в благодарностью, СКТ просит присылать по адресу:

103009, Москва, К-9, ул. Сахарова, 1/12, Институт языкознания АН СССР, Советский комитет тюркологов, Э. Р. Тенишеву, А. А. Алафееву. Тел.: 291-24-26.

СТРУКТУРА

«БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СОВЕТСКИХ ТЮРКОЛОГОВ АН СССР. ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ»

ПОД ОБЩ. РЕД. ЧЛ.-КОРР. АН СССР Э. Р. ТЕНИШЕВА

1. Предисловие (от составителей).
2. Введение: Становление и развитие советской тюркологии (автор Э. Р. Тенишев).
3. Научно-справочные статьи (в алфавитном порядке фамилий).
4. Приложение:

- а) список членов Советского комитета тюркологов;
- б) список опубликованных или переведенных на русский язык наиболее ценных источников, словарей, сборников документов и материалов по истории и культуре тюрков;
- в) сокращения названий периодических изданий;
- г) сокращения названий учреждений и организаций;
- д) остальные сокращения;
- е) указатель учреждений и организаций;
- ж) географический указатель;
- з) указатель имен.

5. Оглавление.

(СТРУКТУРА НАУЧНО-СПРАВОЧНОЙ СТАТЬИ)

1. Фамилия, имя, отчество (число, месяц, год и место рождения)* — последнее место работы, занимаемая научная и административная должность, ученая степень, ученые и почетные звания (с указанием года их присвоения).

2. Специальность. Национальность. Партийность (год вступления). Служба в Советской Армии, участие в гражданской и Великой Отечественной войнах.

3. Сведения об окончании вуза: отделение, факультет, вуз (год окончания). Сведения об окончании аспирантуры: название научного или учебного заведения (год окончания). Кандидатская диссертация: «Название темы» (научный руководитель, место и год защиты). Докторская диссертация: «Название темы» (место и год защиты).

4. Основные направления научных исследований и разработок, их результаты. Участие в подготовке обобщающих трудов, учебников и учебных пособий, словарей, редактирование и участие в редколлегиях, отечественных периодических изданий, зарубежных журналов.

* При заполнении анкеты на ушедшего из жизни коллегу указать число, месяц, год и место смерти (или захоронения).

В «Советской тюркологии» № 5

ликация документов, материалов, иноязычных источников с переводом и комментариями их текстов. Общее количество опубликованных работ, из них — монографий. Основнополагающие труды и их значение для развития советской тюркологии. Количество подготовленных кандидатов наук (указать фамилии). Другие сведения.

5. Участие в научных экспедициях в стране и за рубежом (с указанием цели, места и времени их проведения).

6. Участие в общесоюзных и международных конференциях и конгрессах (с указанием места и года их проведения).

7. Членство в научных и общественных организациях страны (год вступления или принятия).

8. Членство в иностранных и международных научных и общественных организациях, в редколлегии иностранных журналов (с указанием их названия и года избрания или принятия).

9. Краткие биографические сведения: (научная, педагогическая, редакторская, партийная работа: перечень занимаемых в прошлом различных должностей с указанием места работы и времени). Другие сведения.

10. Правительственные награды (с указанием года награждения).

11. Иностранные и международные награды (с указанием года присуждения или награждения).

12. Список основных работ (по усмотрению автора, от 3-х до 10-ти наименований).

13. Список литературы о жизни и творчестве.

14. Указатели литературы о жизни и трудах.

15. Дата заполнения анкеты и подпись.

Анкету следует заполнять в предложенном порядке позиций, указывая вначале их номер и ключевые слова. Номер указывается и в том случае, если позиция не заполняется. При ответе на вопросы позиций № 5—14 необходимо соблюдать хронологический принцип.

О Б Р А З Е Ц

ЗАПОЛНЕННОЙ АНКЕТЫ (СТАТЬИ)

1. БАСКАКОВ Николай Александрович (22.III 1905, г. Сольвычегодск Вологодской (ныне Архангельской) области) — Институт языкознания АН СССР, старший научный сотрудник (1937—1986; с 1986 — консультант), доктор филологических наук (1951), профессор (1969), заслуженный деятель науки Каракалпакской АССР (1960), Туркменской ССР (1962), РСФСР (1967), Казахской ССР (1970).

2. Основная специальность: тюркская филология, лингвистика. Русский. Беспартийный. В Великой Отечественной войне — доброволец Киевской дивизии народного ополчения, откуда был отозван (сент. 1941) вместе с другими учеными президиумом АН СССР по распоряжению вице-президента О. Ю. Шмидта.

3. Окончил 1-й Московский государственный университет им. М. Н. Покровского (ныне им. М. В. Ломоносова), историко-этнологический факультет, тюркское отделение (1929). Степень кандидата филологических наук была присвоена без защиты диссертации по совокупности научных трудов (1938). Докторская диссертация: «Каракалпакский язык: Части речи и словообразование» (Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра (Московское отделение), 1950).

4. Основные направления научных исследований: 1) историко-типологические и сравнительно-исторические исследования всей группы тюркских языков; 2) синхронная грамматическая и фонологическая структура конкретных тюркских языков (каракалпакского, алтайского, ногойского, уйгурского и др.); 3) алтайская семья языков и проблема их генетического родства; 4) история функционального развития тюркских литературных языков, их историческая периодизация и историческая грамматика конкретных тюркских языков; 5) ареальные диалектологические исследования; 6) классификация тюркских языков; 7) тюркская лексикология и лексикография; 8) история изучения тюркских языков в России и СССР; 9) разработка вопросов письменности тюркских языков (алфавитов на латинской и русской графике, орфографии, терминологии и пр.); 10) методика преподавания родных языков в тюркоязычных школах. Общее количество опубликованных трудов (включая редактирование и опубликованные рецензии) — 602; из них монографий — 42, в том числе личных — 24, в соавторстве — 18 (словарей — 7, грамматических исследований — 8, учебников — 3). В это число не включены коллективные работы. К основополагающим относятся исследования: 1) общее введение в изучение тюркских и алтайских языков, а также некоторых конкретных языков; 2) серия историко-типологических исследований по всей группе тюркских языков — историко-

типологическая характеристика их синтаксической структуры, историко-типологическая морфология и фонология; 3) историко-генетическая классификация тюркских языков; 4) сравнительно-исторические исследования; 5) синхронные исследования по грамматической структуре тюркских языков; 6) исследования по исторической грамматике и истории литературных тюркских языков. Общее количество подготовленных кандидатов наук по тюркской филологии — 76 (каракалпаки, туркмены, алтайцы, карачаевцы, балкарцы, кумыки, азербайджанцы, казахи, уйгуры, узбеки, киргизы, татары, хакасы, тувинцы, башкиры, калмыки, украинцы, русские). Редактирование: член редколлегии журналов: «Вопросы языкознания» (1952—1964); «Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР» (1965—1975); «Советская этнография» (1968—1976); «Советская тюркология» (1970—1987); ответственный редактор научных серий: «Труды академика В. А. Гордлевского». Т. I—IV; «Языки народов СССР». Т. II: «Тюркские языки»; «Закономерности развития языков социалистических наций». Т. I—III и др.

5. Участвовал в ряде научных экспедиций по изучению диалектов и фольклора по уйгурскому, ногайскому, каракалпакскому, алтайскому и другим языкам.

6. Участвовал во многих всесоюзных и международных конференциях и конгрессах, в том числе в международных конгрессах: 1) польских ориенталистов (Варшава, 1954); 2) славистов (Москва, 1960); 3) востоковедов (Москва, 1961); 4) антропологических и этнографических наук (Москва, 1964; Токио—Киото, 1968); 5) по изучению Юго-Восточной Европы (София, 1964; Бухарест, 1974); 6) тюркологии (Анкара, 1965; Стамбул, 1979); 7) германистов (Амстердам, 1966); 8) лингвистов (Бухарест, 1967); 9) алтаистических конференциях ПИАК (Копенгаген, 1968; Берлин, 1969; Вена, 1972; Хельсинки, 1976); 10) социологических исследований (Варна, 1970); 11) ориенталистов (Париж, 1973); 12) по ономастике (Берн, 1974; Краков, 1978).

7. Член ученых и специализированных советов: Института языкознания АН СССР, Института востоковедения АН СССР, Института русского языка (в различное время). В настоящее время: 1) член специализированного совета Института языкознания АН СССР, 2) член бюро Советского комитета тюркологов, 3) член экспертной комиссии по языкознанию Комитета по Ленинским и Государственным премиям, 4) член Редакционного совета издательства «Прогресс», 5) зам. председателя научного совета по лексикологии и лексикографии АН СССР, 6) член Международного комитета по ономастике (Ловен, Бельгия).

8. Почетный член иностранных и международных научных обществ:

1) Международного урало-алтайского общества (Гамбург, 1968); 2) член-корреспондент Финно-Угорского общества (Хельсинки, 1969); 3) Турецкого лингвистического общества (Анкара, 1971); 4) Научного общества венгерских ориенталистов им. Короши-Чома (Будапешт, 1971); 5) Научного общества польских ориенталистов (Варшава, 1973); 6) Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии (Лондон, 1975).

9. Краткие биографические сведения: научный сотрудник Этнографо-археологического музея МГУ (1927—1928); научный сотрудник Центрального музея народоведения (1929—1930); зав. этнолого-лингвистической секцией, действительный член (профессор) Комплексного НИИ Каракалпакской АССР (1930—1931); научный сотрудник Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем при КУТВе (НИАНКП), руководитель уйгурской бригады (1931—1933); старший научный сотрудник Центрального научно-исследовательского педагогического института национальностей (ЦНИИПИН, 1933—1938); старший научный сотрудник научного совета Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА, 1933—1937); консультант по национальным языкам Государственного института театрального искусства (ГИТИС, 1933—1941); старший научный сотрудник Института языков и письменности при ЦИКе СССР, позже при АН СССР, переименованном в Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра, затем в Институт языкознания АН СССР (1937—по настоящее время); преподаватель уйгурского языка в Институте востоковедения им. Н. Нариманова (1938—1950); декан ойротского (алтайского) отделения и зав. кафедрой алтайского языка и литературы в Государственном педагогическом институте им. К. Либкнехта в Ойрот-Туре (ныне Горно-Алтайск), затем в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина (1942—1948); зав. отделом языков и письменности народов СССР и член редколлегии журнала «Вопросы языкознания» (1952—1964); член редколлегии и редактор «Трудов Института языкознания АН СССР» и «Кратких сообщений Института языкознания АН СССР» (1951—1959); член редколлегии и редактор серии «Вопросы диалектологии тюркских языков» (1958—1965); консультант-редактор по тюркизмам «Словника староукраїнської мови XIV—XV в.»: В 2 т. (Киев, 1977—1978).

10. Правительственные награды: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945); медаль «В память 800-летия Москвы» (1948), орден «Знак Почета» (1953); медаль «100-летие В. И. Ленина»; Почетные грамоты (в разное время): Верховного Совета РСФСР, Каракалпакской АССР, Хакасской АО, Казахской ССР, Туркменской ССР, Горно-Алтайской АО, Чувашской АССР, Кабардино-Балкарской АССР и др.

11. Иностранные и международные награды: Почетная грамота турецкого правительства за тюркологические исследования (Анкара, 1973), лауреат премии (Золотая медаль) Индианского университета (США) за алтайстические исследования (Блумингтон, 1980).

12. Список некоторых основных работ: Ногайский язык и его диалекты. М., 1940; Каракалпакский язык: В 2 т. М., 1951—1952; Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1952. Т. 1; Алтайский язык. М., 1958; Диалект черневых татар: В 2 т. М., 1965—1966; Введение в изучение тюркских языков: 2-е изд. М., 1969; Диалект кумандинцев. М., 1972; Историко-типологическая характеристика тюркских языков: (Предложение и словосочетание). М., 1975; Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979; Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979; Диалект чайкайцев. М., 1985; Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985; Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988.

13. Список литературы о жизни и творчестве: Разумовский А. Н. Николай Александрович Баскаков // Имена вологжан в науке и технике. Вологда, 1968; Лукин Б. В. Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана: В 3 т. Ташкент, 1976. Т. 1. С. 91—96; Библиография обществоведов Казахстана. Алма-Ата, 1986. С. 92—93; Szirikomszki V. Ket tudos varatsaga/Szovjet Hirado. Budapest, 1958; Gabain A. V. Der grosse Meister der Soviet Turkologie: Nikolaj Aleksandrovic Baskakov // Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden, 1966. Vol. 38. S. 149; Dupinski A. Professor N. A. Baskakov i jego prace turlologiczne // Przegląd Orientalistyczny. Warszawa, 1967. N. 8. (63).

14. Указатели литературы о жизни и трудах: Юлдашев А. А., Дауенов Е. Д. Улкенмиздин эжайып адамлары: Н. А. Баскаков. Нукус, 1974. 52 с.; Милибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1977. С. 64—66; Вопросы алтайского языкознания: Сборник, посвященный Н. А. Баскакову. Горно-Алтайск, 1976. 67 с.; Вопросы каракалпакского языкознания: Сборник, посвященный Н. А. Баскакову. Нукус, 1983. 250 с.; Hazai G. Sovetico Turcica. Budapest, 1960. S. 307—387; (Bibliotheca Orientalis Hungarica, IX.); Bibliography of N. A. Baskakov // Permanent International Altaistic Conference NIVSLETTER (Uralic and Altaic Department of Indiana University) Bloomington, Indiana, USA, 1975. № 10 (October).

15. Дата: 18 ноября 1988 г. Подпись: /проф. Н. А. Баскаков/

1. БЕКМАХАНОВА Найля Ермухановна (20.XI 1940, Алма-Ата) — Институт истории СССР АН СССР, ведущий научный сотрудник (1986), доктор исторических наук (1979).

2. Историк, казахка, член КПСС. (1980).

3. Окончила Московский государственный историко-архивный институт. (1963) Аспирантуру прошла в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР. (1966). Кандидатская диссертация: «Участие казахов Младшего и Среднего жузов в Крестьянской войне 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева» (научные руководители Н. В. Устюгов, М. П. Вяткин. Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР, 1966). Докторская диссертация: «Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии в последней четверти XVIII—60-х гг. XIX в.» (Институт истории СССР АН СССР, 1978).

4. Основные направления научных исследований: политическая и социально-экономическая история, историческая демография, историческая география, историография, источниковедение Казахстана и Средней Азии в XVIII—XX вв. Опубликовано 150 научных работ, из них 4 личные монографии, 2 учебника для средней школы. К основополагающим относятся исследования о классовой борьбе в Казахстане в XVIII в.; серия историко-демографических, историко-географических, источниковедческих исследований и разработка карт по XVIII—XX вв., а также создание первых школьных учебников (в соавторстве с Е. Б. Бекмахановым) по истории Казахстана для 7—8, 9—10 классов. Подготовила двух кандидатов исторических наук (С. В. Тимченко, А. Бедельбасов).

5. В экспедициях не участвовала.

6. Участвовала в общесоюзных конференциях и международных конгрессах: XIII Международном конгрессе историков (Москва, 1970); Международных конференциях по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии в XIX—XX вв.

(Ашхабад, 1972); об опыте социалистических преобразований в СССР и его международном значении (Ташкент, 1972); Всесоюзных конференциях, посвященных 200-летию Крестьянской войны 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева (Оренбург, Уральск, 1973; Казань, Москва, Уфа, 1974); Всесоюзных конференциях по исторической демографии (Таллин, 1974; Рига, 1977; Омск, 1979; Львов, 1985; Таллин, 1988); Всесоюзных конференциях по исторической географии (Москва, 1975, 1980); Всесоюзной конференции этнографов (Ереван, 1978); Всесоюзных тюркологических конференциях (Алма-Ата, 1979; Фрунзе, 1988); Всесоюзной конференции, посвященной 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России (Алма-Ата, 1981); Всемирном конгрессе по экономической истории (Будапешт, 1985); Советско-афганском семинаре Комитета советских женщин (КСЖ) (Москва, 1985); Советско-американских семинарах КСЖ (Москва, 1985, 1988); Всемирном конгрессе женщин и Всесоюзной конференции женщин (Москва, 1987); пленумах КСЖ (Москва, 1985—1986).

7. Членство в научных и общественных организациях страны: зам. председателя научного совета по исторической демографии и исторической географии при Отделении истории АН СССР (1985), член ученого совета историко-филологического факультета Университета дружбы народов им. П. Лумумбы (1985), член Комитета советских женщин и зам. председателя стипендиатской комиссии (1985), председатель комиссии горкома партии Москвы по изучению школ молодого коммуниста (1986), член Всесоюзного географического общества СССР (1980).

8. Не состою.

9. Краткие биографические сведения: младший научный сотрудник отдела истории дореволюционного Казахстана Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР (Алма-Ата, 1966—1967), старший преподаватель кафедры истории Казахской ССР Казахского государственного университета им. С. М. Кирова (Алма-Ата, 1967—1970); старший научный сотрудник (1970—1986) и ведущий научный сотрудник (1986) отдела общих проблем истории народов СССР Института истории СССР АН СССР (Москва).

10. Не имею.

11. Не имею.

12. Список основных работ: Легенда о Невидимке: Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева в 1773—1775 годах. Алма-Ата, 1968. 190 с.; История Казахской ССР: (с древнейших времен до наших дней). В 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 3: Присоединение Казахстана к России. Социально-экономические отношения. Революционное и национально-освободительное движение в канун Великого Октября (один из авторов). 544 с.; Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии в последней четверти XVIII—60-х гг. XIX в. М., 1980. 280 с.; Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М., 1986. 248 с.; История народов Восточной и Центральной Азии: (с древнейших времен до наших дней). М., 1986. Ч. 3, раздел «Казахстан и Средняя Азия»; История Казахской ССР: Учебное пособие для 7—8 классов. 1—18 изд. Алма-Ата, 1970—1988 (в соавторстве с Е. Б. Бекмахановым); История Казахской ССР: Учебное пособие для 9—10 классов. 1—18-е изд. Алма-Ата, 1970—1988 (в соавторстве с Е. Б. Бекмахановым); Některé aspekty současněho vývoje historické demografie v SSSR/Historická demografie. Praha, 1986. № 10. S. 9—36; Probleme der sozialökonomischen Geschichte Kasachstanz im 18. und 19. Jh./Jb. Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1985. № 4. S. 117—129.

13. Список литературы о жизни и творчестве: Биобиблиография обществоведов Казахстана. Алма-Ата, 1986. С. 92—93; Тарасова В. Н. Е. Бекмаханова//Сов. женщина. М., 1984. № 11. С. 4—5. Япон.

14. Не имеются.

15. Дата: 5 декабря 1988 г.

Подпись:

И. Е. Бекмаханова

XIV ПЛЕНУМ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

18—20 апреля 1988 г. в Москве состоялся очередной, XIV, пленум Советского комитета тюркологов при ОЛЯ АН СССР.

Во вступительном слове председатель СКТ чл.-корр. АН СССР Э. Р. Тенишев обрисовал современное состояние и наиболее актуальные задачи тюркологической науки.

Пленум заслушал доклад зам. председателя СКТ К. М. Мусаева «Функционирование тюркских языков и тюрко-русское двуязычие» (опубликовано: Сов. тюркология. 1988. № 2). В реплике по докладу Э. Р. Тенишев подчеркнул особую актуальность проблем сохранения традиционной национальной культуры тюркоязычных народов, движения за расширение общественных функций языков, особенно в дошкольных учреждениях, школе, вузе. Особую роль в национально-языковом возрождении могли бы сыграть, по мнению докладчика, национальные клубы и национально-культурные центры. Хороший вклад в интернациональное воспитание могут внести праздники языков, широкая пропаганда добрых национальных традиций и обычаев.

С сообщением из Института языкознания АН Казахской ССР по «Программе социолингвистических исследований в Казахстане», разработанной и осуществляемой казахскими лингвистами, выступили А. Т. Кайдаров и А. Н. Гаркавец. Как отмечено в докладе, в каждом регионе, где живут и трудятся представители тюркских народов и народностей, существует свой узел довольно острых социально-языковых проблем. Так, на обширной территории Казахской ССР кроме коренной нации — казахов живет много русских, причем их больше, чем казахов, почти по миллиону украинцев и немцев, около 300 тысяч татар, свыше 200 тысяч узбеков, немного меньше белорусов и уйгуров, около 100 тысяч корейцев, десятки тысяч поляков, азербайджанцев, мордвы, евреев, чувашей, башкир, дунган, таджиков, удмуртов, литовцев; имеются компактные поселения болгар, турок, гагаузов, туркмен, каракалпачков, киргизов. Социально-экономическая стратификация населения республики также предельно разнообразна. Распределение населения разных национальностей по областям неравномерное. Русское население явно преобладает в Алма-Ате, Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Кокчетавской, Кустанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской и Целиноградской областях, казахское — в Актыубинской, Гурьевской, Жамбулской, Кызыл-Ординской, Уральской и Чимкентской, некоторый паритет между казахским и русским населением наблюдается в Алма-Атинской, Семипалатинской, Талды-Курганской и Тургайской областях. В других областях третье место по численности занимают раз-

ные национальные группы: в Алма-Ате, в Актыубинской, Гурьевской, Карагандинской, Тургайской, Уральской областях — украинцы, в Восточно-Казахстанской, Жамбулской, Кокчетавской, Семипалатинской и Талды-Курганской — немцы, приблизительно равная численность украинцев и немцев в Павлодарской, Северо-Казахстанской и Целиноградской областях. Корейцы занимают третье место в Кызыл-Ординской, а узбеки — в Чимкентской области. В Кустанайской области, где наибольший процент составляют русские, а на втором месте — украинцы, казахов — менее 15%. Несомненно, данное распределение, сложившееся исторически, определенным образом влияет и на характер соотношения между языками в различных функциональных сферах.

Указанная специфика Казахстана требует создания специализированного банка данных, полученных узкодисциплинарными методами. Для этих целей апробированы первые серии тестов и ряд анкет. Тем не менее по результатам апробации можно заключить, что хотя направление разработок в целом выбрано верное, однако и сами материалы, и методики их обработки отличаются незавидной громоздкостью, а следовательно, требуют больших затрат времени.

С целью преодоления указанных недостатков предполагается проведение рабочих совещаний. Намечается серия микро-социолингвистических исследований в различных районах республики, в задачу которых входит установление характера ответственности осуществляемых в этих районах мер по удовлетворению национальных и социальных культурных и языковых потребностей фактическим запросам проживающих в них социальных и национальных групп. Создаваемая таким путем социолингвистическая картина (своего рода социолингвистическая мозаика) явится реальным фактологическим основанием для подготовки и осуществления более масштабных исследований.

Докладчики считают, что уже сейчас назрела необходимость создания региональных социолингвистических координационных центров — по регионам страны, характеризующимся достаточной общностью признаков, действующих в тесном единстве со всеозначимым социолингвистическим центром на базе соответствующего отдела Института языкознания АН СССР и (для тюркских регионов) Советского комитета тюркологов. Известная распространенность ведения социолингвистических изысканий в однотипных регионах разных республик, краев и областей проявляется во многих аспектах. Это и многократное дублирование в разработке методик и общетеоретических вопросов, и ненужное размежевание исследуемых территорий со-

гласно административному делению, и порождаемая последним слабость интеграции усилий, и обусловленная всем этим недостаточная эффективность частных работ.

Далее был заслушан доклад Х. Г. Короглы «Вопросы тюркской фольклористики. Состояние и перспективы» (опубликовано: Сов. тюркология. 1988. № 5).

Председательствующий Э. Р. Тенишев подчеркнул важность поднятых Х. Г. Короглы вопросов, настоятельную необходимость расширения исследований по фольклору и создания сводов фольклора тюркоязычных народов. Недостаток кадров для этой работы, по его мнению, могли бы восполнить семинары по подготовке фольклористов-исследователей и переводчиков фольклора.

С сообщением о готовящемся Академией наук Казахской ССР многотомном издании «Строй казахского языка» выступил Х. Есенов. План-проспект труда был заранее роздан для рецензирования. В его обсуждении участвовали рецензенты, назначенные бюро СКТ: Н. А. Баскаков, К. М. Мусаев, В. Г. Гузев, Г. Ф. Благова, Л. А. Покровская, И. В. Кормушин, Д. М. Насилов, Э. А. Грунина. Были высказаны замечания по общей структуре издания (необходимость выделения отдельного тома по фонетике, фонологии и морфонологии — Н. А. Баскаков, К. М. Мусаев), объекту анализа (строй современного казахского литературного языка — Г. Ф. Благова). Рецензенты отметили недостатки в концептуальной базе труда, слабый учет современных теоретических достижений в области грамматики, определенную рассогласованность разделов. В дискуссии по этому вопросу приняли участие также С. Н. Иванов, А. Джунисбеков, Ф. А. Ганиев, А. О. Орусбаев, Г. А. Гайдаржи. Отмечая важность задуманного для развития казахского и тюркского языкознания, выступившие признали необходимость дальнейшего совершен-

ствования проспекта и организации работ. Е. З. Кажибеков предложил вернуться к обсуждению плана-проспекта после его доработки в Алма-Ате с участием всего авторского коллектива и рецензентов.

В общей дискуссии по зачитанным докладам в конце первого дня приняли участие К. Б. Бектаев, М. З. Закиев, Е. И. Убрютова, И. В. Дрон. С сообщением об изменениях в положении гагаузского языка — введении его в школьное преподавание, об открытии отдела гагаузоведения в Академии наук Молдавской ССР выступили С. С. Курогло и Г. А. Гайдаржи.

Утреннее заседание второго дня работы пленума было посвящено проведению все-союзных совещаний по вопросам создания машинного фонда тюркских языков и по фонетике тюркских языков (см. резолюцию).

На вечернем заседании пленума были заслушаны сообщения А. М. Мамедова — о работе редколлегии и редакции журнала «Советская тюркология», К. Конкобаева — о подготовке к проведению во Фрунзе V Всесоюзной тюркологической конференции, Т. Д. Меликова — о Первом советско-турецком colloquium, посвященном огузскому эпосу «Китаби Деде Коркуд» и намеченном для проведения летом 1988 г. в городе Баку.

Третий день работы пленума был посвящен научно-организационным вопросам. О работе СКТ в 1987 г. доложил зам. председателя СКТ К. М. Мусаев, о плане работы СКТ в 1988 г. — ученый секретарь СКТ А. А. Чеченов. По докладам и в продолжение общей дискуссии выступили С. Н. Утургаури, М. З. Закиев, Ф. С. Хакимзянов, Ш. Ф. Мухамедьяров, Д. Г. Тумашева, Т. М. Гарипов, Б. А. Назаров, С. С. Курогло.

Проект резолюции предложил ответственный секретарь СКТ И. В. Кормушин. После обсуждения и внесения поправок резолюция была принята единогласно.

И. В. Кормушин, А. А. Чеченов

РЕЗОЛЮЦИЯ

XIV ПЛЕНУМА СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

г. МОСКВА, 20 АПРЕЛЯ 1988 г.

18—20 апреля 1988 г. состоялся очередной, XIV, пленум Советского комитета тюркологов при ОЛЯ АН СССР.

Пленум заслушал доклад зам. председателя СКТ К. М. Мусаева «Функционирование тюркских языков и тюрко-русское двуязычие» и сообщение Института языко-

знания. АН Казахской ССР по «Программе социалингвистических исследований в Казахстане» (А. Т. Кайдаров и А. Н. Гаркавец), разработанной и осуществляемой казахскими языковедами. Пленум отмечает особую актуальность глубоких и всесторонних, свободных от догматических подходов исследований национально-языковых проблем в Советском Союзе и призывает все тюркологические центры нашей страны прилагать настойчивые усилия к разворачиванию подобных исследований в академических институтах и вузах.

В докладе Х. К. Короглы «Об изучении и публикации тюркского фольклора. Состояние и перспективы» и в выступлениях по докладу отмечалась необходимость снять необоснованные ограничения на изучение и публикации национальных героических эпосов тюркских народов, расширить удельный вес фольклорных публикаций, добиваясь при этом изданий, оснащенных разнообразным научным аппаратом.

Пленум СКТ с удовлетворением воспринял информацию С. С. Курагло и Г. А. Гайдаржи о восстановлении отдела гагаузоведения и расширении гагаузоведческих исследований в системе учреждений АН Молдавской ССР, введении частичного преподавания гагаузского языка в школе. Пленум считает, что СКТ должен и впредь оказывать гагаузским коллегам всю необходимую моральную и организационную помощь в деле развития советского гагаузоведения и подготовки соответствующих кадров.

Пленум СКТ обсудил план-проспект труда «Строй казахского языка» в 3-х томах, подготавливаемого Институтом языкознания АН КазССР, и на основании отзывов ряда авторитетных рецензентов — членов СКТ и выступлений в прениях считает, что проспект нуждается в дальнейшей доработке.

Пленум заслушал и одобрил информацию первого заместителя журнала «Советская тюркология» А. М. Мамедова о работе журнала за период с июля 1987 г. Пленум отмечает большую работу новой редколлегии и руководства редакции по преодолению отмечавшихся на XIII пленуме СКТ недостатков в выпуске журнала.

В рамках работы XIV Пленума СКТ состоялось два всесоюзных совещаний — по фонетике и проблемам создания машинного фонда тюркских языков. Учитывая многообразные задачи в области расширения и углубления фонетических исследований тюркских языков, пленум считает необходимым создание координационного научного совета по данной проблематике (см. резолюцию совещания).

Пленум с удовлетворением принял к сведению информацию ученого секретари оргкомитета V Всесоюзной тюркологической конференции К. Конкобаева о значительной работе, проделанной в Киргизии и Москве по подготовке к V Всесоюзной тюркологической конференции во Фрунзе.

Пленум заслушал информацию Т. Д. Меликова о проведении Первого советско-турецкого colloquium, посвященного изучению огузского эпоса. СКТ приветствует включение советско-турецких научных colloquiumов в программу советско-турецкого межправительственного сотрудничества на регулярной основе. Вместе с тем пленум предложил бюро СКТ еще раз тщательно обсудить вопрос о месте проведения, персональном составе советской делегации, проблемы, которые будут вынесены на colloquium, и т.д.

Всесоюзное совещание, посвященное созданию машинного фонда тюркских языков, отмечает настоятельную необходимость разворачивания указанных работ во всех тюркологических центрах и их тесной координации с первых же этапов осуществления. В этой связи пленум СКТ считает необходимым: 1) создать в структуре СКТ секцию «Машинный фонд тюркских языков и база компьютеризации тюркологических исследований»; 2) выдвинуть проблему создания «Машинного фонда тюркских языков» в число приоритетных всесоюзных программ.

Принято приглашение тюркологов Башкирии провести следующий, XV, пленум СКТ в Уфе в апреле—мае 1989 г.

В И Д О П О Л О Ж Е Н И Е

Пленум СКТ принял к сведению информацию о работе бюро СКТ в 1987 г. и о работе бюро СКТ в 1988 г.

Пленум СКТ принял к сведению информацию о работе бюро СКТ в 1987 г. и о работе бюро СКТ в 1988 г.

Пленум СКТ принял к сведению информацию о работе бюро СКТ в 1987 г. и о работе бюро СКТ в 1988 г. Пленум СКТ принял к сведению информацию о работе бюро СКТ в 1987 г. и о работе бюро СКТ в 1988 г. Пленум СКТ принял к сведению информацию о работе бюро СКТ в 1987 г. и о работе бюро СКТ в 1988 г.

РЕШЕНИЕ СОВЕЩАНИЯ ФОНЕТИСТОВ-ТЮРКОЛОГОВ

Совещание фонетистов-тюркологов отмечает неудовлетворительное состояние дел в тюркской фонетике: исследования ведутся по узкой проблематике, почти полностью отсутствуют работы по просодии (интонации), объем фонетических исследований неоправданно мал, отсутствует координация работ между организациями, занимающимися фонетическими исследованиями. Кадровый состав фонетических лабораторий мал, в академических институтах, по сути дела, отсутствуют фонетические отделы (секторы).

В настоящее время, когда лингвистика обратилась к исследованию речи (спонтанной), фольклора, языков, которые существуют только в устной форме, когда исследования уже не мыслятся вне системного анализа, роль фонетических работ значительно возрастает. Исходя из важности фонетических исследований в народном хозяйстве, совещание фонетистов-тюркологов считает целесообразным и необходимым:

1. Создание или расширение в академических институтах фонетических отделов, сохранение при этом лабораторий экспериментальной фонетики;
2. Расширение аспирантуры по подготовке фонетистов-тюркологов;
3. Создание координационного центра по фонетическим исследованиям в г. Алма-

Ате;

4. Создание постоянно действующей фонетической комиссии в рамках Советского комитета тюркологов;

5. Создание лабораторий автоматического анализа и синтеза на материале тюркских языков;

6. Создание общей программы исследований по фонетике тюркских языков;

7. Организацию регулярных фонетических конференций, симпозиумов, совещаний. Совещание фонетистов-тюркологов обращается с просьбой к руководителям институтов и соответствующих отделов обсудить данные предложения.

В. Г. Гузев, Р. Г. Пиотровский, А. М. Шербака

Одобрено на заседании Института тюркологии

Ташкентского государственного университета

И. А. Бектаев, В. Г. Гузев, Р. Г. Пиотровский

Одобрено на заседании Института тюркологии

Ташкентского государственного университета

И. А. Бектаев, В. Г. Гузев, Р. Г. Пиотровский

Одобрено на заседании Института тюркологии

Ташкентского государственного университета

И. А. Бектаев, В. Г. Гузев, Р. Г. Пиотровский

Одобрено на заседании Института тюркологии

Ташкентского государственного университета

И. А. Бектаев, В. Г. Гузев, Р. Г. Пиотровский

Одобрено на заседании Института тюркологии

Ташкентского государственного университета

И. А. Бектаев, В. Г. Гузев, Р. Г. Пиотровский

Одобрено на заседании Института тюркологии

Ташкентского государственного университета

И. А. Бектаев, В. Г. Гузев, Р. Г. Пиотровский

Одобрено на заседании Института тюркологии

Ташкентского государственного университета

И. А. Бектаев, В. Г. Гузев, Р. Г. Пиотровский

Одобрено на заседании Института тюркологии

Ташкентского государственного университета

И. А. Бектаев, В. Г. Гузев, Р. Г. Пиотровский

Одобрено на заседании Института тюркологии

РЕЗОЛЮЦИЯ

ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ ПО СОЗДАНИЮ МАШИННОГО ФОНДА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СССР И БАЗЫ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

20 апреля 1988 г. по инициативе Советского комитета тюркологов при ЦАИАН СССР было проведено Всесоюзное совещание, на котором обсуждал доклад В. Г. Гузева, Р. Г. Пиотровского и А. М. Шербака «О создании машинного фонда тюркских языков», предварительно разосланный его участникам.

Совещание постановило:

1. Создать при Советском комитете тюркологов секцию «Машинный фонд тюркских языков СССР и база компьютеризации тюркологических исследований»;

2. Утвердить бюро секции в составе: М. Анбетов (ст. преп. Нукусского госуниверситета), К. В. Бектаев (зав. каф. математического анализа и теории вероятностей Физико-математического института), В. Г. Гузев (зав. каф. тюркской филологии ЛГУ), А. Жубанов (ст. науч. сотр. ИЯ АН КазССР), А. Т. Кайдаров (дир. ИЯ АН КазССР), Е. З. Кажиев (ст. науч. сотр. ИЯ АН КазССР), И. К. Кучкартаев (декан филологического факультета Ташкентского госуниверситета), М. А. Махмудов (учен. секретарь ИЯ АН КазССР), С. А. Мухамедов (ст. науч. сотр., руководитель группы компьютеризации ИЯ АН КазССР), Р. Г. Пиотровский (науч. руководитель лаборатории инженерной лингвистики Ленгоспединститута им. А. И. Герцена), Т. Садыков (ведущий науч. сотр. ИЯ АН КиргССР), Ю. В. Шека (доц. каф. тюркской филологии ИСАИ при МГУ им. М. В. Ломоносова), А. М. Шербак (ведущий науч. сотр. ЛО ИЯ АН КазССР); председатель — акад. А. Т. Кайдаров; заместители председателя — К. В. Бектаев, В. Г. Гузев, секретарь — А. Жубанов;

3. Поручить бюро разработать перспективный план мероприятий секции;

4. Запросить у заинтересованных научных учреждений СССР предложения, касающиеся создания машинного фонда тюркских языков СССР и базы компьютеризации тюркологических исследований.

В. Г. Гузев, Р. Г. Пиотровский, А. М. Шербака

Одобрено на заседании Института тюркологии

Ташкентского государственного университета

И. А. Бектаев, В. Г. Гузев, Р. Г. Пиотровский

Одобрено на заседании Института тюркологии

PERSONALIA

ЛЕОНИД ПАВЛОВИЧ СЕРГЕЕВ

(К 60-летию со дня рождения)

Известному чувашскому языковеду, доктору филологических наук, профессору Леониду Павловичу Сергеёву 3 июня 1989 г. исполнилось шестьдесят лет.

Диапазон научных поисков Л. П. Сергеёва весьма широк. Он включает в себя изучение истории чувашского языка и его диалектов, анализ современного состояния языка и разработку методики преподавания его в школе и вузе. Наиболее значительные творческие достижения Л. П. Сергеёва получены им в области диалектологии.

Методами полевых обследований им изучены многие говоры не только на территории нынешней Чувашии, но и в местах компактного проживания чувашей на территориях соседних автономных республик и областей. Результаты многолетних полевых изысканий обобщены ученым в многочисленных статьях и монографиях, посвя-

щенных проблемам описательной и исторической диалектологии, топонимстики, языковых контактов. Наиболее значительным достижением ученого в избранной области является создание им впервые в чувашском языкознании большого «Диалектологического атласа чувашского языка», до сих пор, к сожалению, не увидевшего света, несмотря на высокие оценки труда Л. П. Сергеёва целым рядом советских тюркологов.

«Диалектологический атлас чувашского языка», включающий около четырехсот пятидесяти карт фонетических, грамматических и лексических явлений, дает возможность решать не только собственно лингвистические проблемы, но и практические задачи орфэпии, орфографии и лексикографии. Благодаря широте и разнообразию охваченного материала он позволяет представить наиболее полную картину современного состояния чувашских территориальных говоров. «Атлас...» может служить также справочным пособием для историков и этнографов.

Л. П. Сергеёв является одним из исполнителей всесоюзной темы «Диалектологический атлас тюркских языков СССР», а также чувашского раздела коллективного международного труда «Лингвистический атлас Европы».

Исследователем опубликован и ряд статей, посвященных чувашско-марийским, чувашско-татарским, чувашско-русским языковым контактам. Особое место среди них занимают работы на тему чувашско-марийских языковых связей: «О марийских лексических изоглоссах в чувашском языке» (1967) и «Еще раз о чувашско-марийских изоглоссах» (1973), выявляющие районы наиболее интенсивных этнических и языковых чувашско-марийских контактов.

В равной мере интересуют Л. П. Сергеёва и вопросы исторической диалектологии — происхождение, исторический ландшафт, источники чувашских диалектов и говоров. Результаты своих изысканий уче-

ный изложил в статьях и докладах на различных конференциях и совещаниях в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Баку, Алма-Ате, Ашхабаде, Фрунзе, Тбилиси, Уфе, Чебоксарах.

Немало труда вложил Л. П. Сергеев в разработку различных проблем чувашской лексиксграфии. Им составлены и опубликованы «Диалектологический словарь чувашского языка» (1968), «Словарь чувашских народных говоров. Фонетические диалектизмы» (1971), «Русско-чувашский словарь (буквы Д, Е, Л, Р, Т, У)» (1971), «Краткий толковый фразеологический словарь чувашского языка» (1980), «Обратный словарь чувашского языка» (в соавторстве, 1985).

Заслуживает серьезного внимания также

деятельность ученого в области чувашской топонимстики. Помимо увидевших свет теоретических статей им собран богатый материал, в настоящее время опубликованный лишь частично. Л. П. Сергеев много сил отдал деятельности на поприще народного образования, значительны заслуги его как ученого-методиста. Им подготовлены программы, учебные и методические пособия для средних и высших учебных заведений, издана монография «Очерки методики преподавания чувашского языка».

Друзья, коллеги, ученые желают профессору Л. П. Сергееву доброго здоровья и успехов в осуществлении его творческих начинаний.

В. И. Котлев

ЗАЙТУНА ХАКИМОВНА НАСРУЛЛАЕВА

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения З. А. Насруллаевой — видного литературоведа, доктора филологических наук.

Окончив Каракалпакский пединститут, она продолжила учебу в аспирантуре Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, преподавала в вузах ККАССР и Ташкента. В 1961—1965 гг. З. Х. Насруллаева исполняла обязанности заместителя министра, затем министра культуры Каракалпакской ССР; с 1965 г. и до конца своей жизни (З. Х. Насруллаева скончалась 13 июля 1987 г.) работала в Институте истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН УзССР — старшим научным сотрудником, а в дальнейшем — заведующим отделом каракалпакской советской литературы. Она являлась также членом Союза писателей СССР и членом президиума правления Союза писателей Каракалпакской АССР.

Перу ученого-литературоведа принадлежит около 60 научных трудов, в том числе монографии «Образы женщин в каракалпакской советской литературе» (Нукус, 1963), «Герой современной каракалпакской прозы» (Нукус, 1976), «Каракалпакия — мой край родной (герой и время)» (Нукус, 1980), «Проблема типа и характера в каракалпакской современной прозе» (Нукус, 1984); статьи, посвященные актуальным проблемам каракалпакского литературоведения. З. Х. Насруллаева была одним

из ведущих авторов «Очерков истории каракалпакской советской литературы» (Ташкент; Самарканд, 1968), «Истории каракалпакской советской литературы» (Ташкент: Фан, 1981). Она неоднократно выступала на всесоюзных и республиканских научно-теоретических конференциях, симпозиумах с содержательными доклада-

ми и сообщениями, работы ее публиковались на страницах не только республиканских, но и всесоюзных научных и литературно-критических изданий.

Активное участие принимала З. Х. Насруллаева и в деятельности научного совета по проблеме «Каракалпакская советская литература», а также в работе спецсовета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР.

Научную работу ученый неизменно сочетала с общественной. Она возглавляла комиссию по лекционной пропаганде среди женщин при республиканской организации общества «Знание» Узбекской ССР, выступала с докладами на пленумах Союза писателей Каракалпакии, стремилась пробудить в людях интерес к родной культуре, равнодушное отношение к судьбам род-

ной литературы и шире — духовному наследию народа в целом.

Зайтуне Хакимовне были присущи честность и принципиальность, внимательное отношение к людям.

За весомый вклад в развитие каракалпакского литературоведения, подготовку научных кадров ей было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Каракалпакской АССР».

Недавно издательство «Каракалпакстан» выпустило в свет сборник работ З. Х. Насруллаевой «Герой и время», который составили статьи разных лет, литературные портреты, рецензии. Собранные воедино, они дают хорошее представление о путях развития каракалпакской советской литературы, а также о методах исследовательской работы З. Х. Насруллаевой, память о которой живет в сердцах ее коллег и учеников.

У. Д. Доспанов

ГОЖАХМЕТ САДВАКАСОВИЧ САДВАКАСОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет ученому-уйгуроведу, одному из основоположников уйгуроведения в Казахстане, члену-корреспонденту Академии наук Казахской ССР, директору Института уйгуроведения АН КазССР Гожахмету Садвакасовичу Садвакасову.

Выпускник факультета казахского языка и литературы Казахского педагогического института имени Абая, он в 1957 г. успешно защищает диссертацию на соискание

ученой степени кандидата филологических наук на тему: «Словообразование имен существительных в уйгурском языке».

Результатом многолетних исследований ученого явилась монография «Язык уйгуров Ферганской долины» (в двух частях: Ч. 1: Очерк фонетики, тексты и словарь, 1970; Ч. 2: Лексика, морфология и языковая интерференция, 1976), основные положения которой легли в основу докторской диссертации «Язык уйгуров Ферганской долины и проблемы взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов» (1972). В монографии автор впервые ввел в научный оборот самобытный материал по ферганскому говору языка советских уйгуров, обобщив свои наблюдения в виде законченной лингвистической системы. Книга получила высокую оценку тюркологической общественности, и в 1977 г. Г. С. Садвакасову была присуждена премия имени Чокана Валиханова республиканской Академии наук.

На протяжении многих лет Г. С. Садвакасов успешно руководил работой комплексного отдела уйгуроведения при Институте языкознания АН КазССР. На базе этого отдела в 1986 г. в системе АН КазССР был создан Институт уйгуроведения, возглавить который было поручено Г. С. Садвакасову.

В круг научных интересов ученого входят не только вопросы традиционного уйгуроведения, но и проблемы культуры уйгуров в целом. Но прежде всего внима-

ние Г. С. Садвакасова привлекают проблемы современного уйгурского языка. В работах ученого по уйгурской диалектологии рассматриваются лексико-грамматические, фонетические особенности уйгурских говоров Узбекистана, Туркмении, Семиречья, на основе анализа диалектологических материалов проводится систематизация говоров уйгурского языка, исследуются уйгурско-казахские, уйгурско-туркменские, уйгурско-узбекские языковые связи.

Интересны труды Г. С. Садвакасова в области морфологии уйгурского языка, например, написанные им разделы для коллективной монографии «Современный уйгурский язык» (в двух частях), которая в 1986 г. переиздана в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, а в 1988 г. переведена на китайский язык. В ряде капитальных статей ученый всесторонне описывает систему словообразования в уйгурском языке.

Предметом исследований Г. С. Садвакасова является также лексический состав уйгурского языка. Ряд работ ученого посвящен вопросам происхождения лексических единиц и проблеме заимствования в уйгурском языке; следует упомянуть и статьи, трактующие вопросы уйгурской антропоники, этнолингвистики, терминологии.

Г. С. Садвакасов — автор лексикографических трудов: Широко известен «Орфографический словарь уйгурского языка», составленный им совместно с А. Илиевым и выдержавший уже три издания (1963, 1969, 1983). Несомненную научную ценность представляет приложенный к монографии «Язык уйгуров Ферганской долины» глоссарий, содержащий богатый лексический материал. Г. С. Садвакасов — один из составителей «Уйгурско-русского словаря» (1961). В настоящее время ученый руководит подготовкой к изданию четвертомного «Толкового словаря уйгурского языка».

Г. С. Садвакасов внес большой вклад в разработку правил орфографии уйгурского литературного языка. Действующий свод орфографических правил, выработанный ученым, представляет собой теоретическое обобщение данных как собственно уйгурского, так и ряда родственных языков. Вопросы графики и орфографии уйгурского языка нашли отражение в очерке ученого «Орфография уйгурского языка» (1961) и в его монографии «Графика и орфография уйгурского языка» (1984).

Всесторонне анализируя особенности фонетики уйгурского языка, исследователь доказывает неправоту вычленения в нем фонетического способа словообразования. Несомненный интерес представляет одна из последних статей ученого «О не-

которых особенностях корневой морфемы в уйгурском языке», в которой он в результате рассмотрения ряда фактов (умлаут, редукция широких гласных, выпадение дрожащего сонорного «р», своеобразное проявление спиранта «в» и т. д.) показывает, что звуковой облик основы (корня) в силу специфичности законов уйгурской фонетики не обладает устойчивостью и прозрачностью. Тем самым вносятся определенные коррективы в традиционные представления о данной структурной единице.

В последние годы объектом внимания ученого стали вопросы функционирования и развития современного уйгурского литературного языка в условиях СССР и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Г. С. Садвакасов прилагает немало усилий для координации исследований ученых-уйгуроведов СССР и Синьцзяна, установления прямых творческих контактов между ними.

Известен Г. С. Садвакасов и как собиратель и исследователь уйгурского фольклора. Им опубликован богатый материал по устно-поэтическому творчеству уйгуров: «Уйгурские бейты» (1968), «Жемчужины народной лирики» (1977), «Уйгурские пословицы и поговорки» (1960, 1978; совместно с Ш. Кибировым, А. Вахидовым), при содействии и под редакцией ученого издан целый ряд трудов, посвященных различным проблемам уйгурской культуры. Большое место в деятельности Г. С. Садвакасова занимает научно-педагогическая работа. Он (один из авторов, выдержавших десятки изданий учебников уйгурского языка и литературы для уйгурских школ, а также пособий для школьных учителей и преподавателей вузов. На протяжении ряда лет Г. С. Садвакасов успешно сочетает научную и педагогическую деятельность, ведет курсы современного уйгурского языка в Казахском педагогическом институте имени Абая, руководит работой аспирантов и соискателей, студентов-дипломников.

Г. С. Садвакасов активно участвует в культурной жизни республики. Он является членом президиумов ряда общественных организаций республики, научных обществ и ассоциаций, членом редколлегий журналов «Известия АН КазССР. Серия филологическая», «Проблемы Дальнего Востока».

Коллеги, друзья и ученики Гохамета Садвакасовича Садвакасова сердечно поздравляют его с юбилеем и желают ему доброго здоровья и новых творческих свершений.

Э. Р. Тенишев, А. Т. Кайдаров,
В. У. Махпиров

С О Д Е Р Ж А Н И Е

- Э. Р. Тенишев (Москва). Советскому комитету тюркологов—пятнадцать лет 3

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- М. Т. Томанов (Алма-Ата). Принципы построения исторической грамматики казахского языка 13
 К. М. Абдуллаев (Баку). О соотношении структурного и коммуникативного аспектов дополнения в азербайджанском языке 18
 В. С. Храковский (Ленинград). Тюркский залог с позиций универсальной концепции диатез и залогов 22
 В. В. Ховратович (Москва). Семантика неопределенных местоимений 26

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

- Р. Бердибаев (Алма-Ата). Роль фольклора в развитии казахской литературы 38
 Т. Д. Меликов (Москва). Турецкий верлибр и национальная поэтическая традиция 43

ПРОБЛЕМЫ КОРКУДОВЕДЕНИЯ

- Т. И. Гаджиев (Баку). О двух синтаксических особенностях языка «Китаби Деде Коркуд» 50

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- А. Н. Баскаков, Т. Б. Крюкова (Москва). Актуальные проблемы языковой жизни тюркоязычных республик Средней Азии и Казахстана 61
 З. Г. Ураксин (Уфа). Проблемы двуязычия и многоязычия в Башкирии 75

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Э. А. Умаров (Ташкент). Способы описания фонетической структуры слова в староузбекских словарях 80
 П. С. Сафаров (Самарканд). К формированию зоонимии узбекского языка: названия коз и овец 85

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- Ш. Ч. Сат, Л. Ю. Доржу (Кызыл). К изучению тувинского языка в КНР 93
 Э. А. Грунина, Г. Ф. Благова (Москва), В. Г. Гузев (Ленинград) и др. Приоритетные направления лингвистических исследований для планирования и выбора тем диссертационных работ 97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

- В. Г. Гузев (Ленинград), О. Н. Каменева, Е. М. Напольнова (Москва). Э. А. Грунина. Учебное пособие по османско-турецкому языку 102
 А. Г. Нелунов (Якутск). П. А. Слепцов. Якутский литературный язык: истоки, становление норм 104
 Ф. Л. Мазитова (Казань). Ономастика Татарии 106
 Н. Дж. Мамедов (Баку). Горькие плоды некомпетентности 107

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Обращение Советского комитета тюркологов	112
XIV пленум Советского комитета тюркологов	113
Резолюция XIV пленума Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР	119
Резолюция Всесоюзного совещания по созданию машинного фонда тюркских языков СССР и базы компьютеризации тюркологических исследований	121

PERSONALIA

<i>В. И. Котлеев</i> (Чебоксары). Леонид Павлович Сергеев	122
<i>У. Д. Доспанов</i> (Нукус). Зайтуна Хакимовна Насруллаева	123
<i>Э. Р. Тенишев</i> (Москва), <i>А. Т. Кайдаров</i> , <i>В. У. Махпиров</i> (Алма-Ата). Гожахмет Садвакасович Садвакасов	124

CONTENTS

<i>E. R. Tenishev</i> (Moscow). The Soviet Committee of Turkologists is 15 years old	3
--	---

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>M. T. Tomanov</i> (Alma-Ata). Formation principles of the historical grammar of the Kazakh language	13
<i>K. M. Abdullayev</i> (Baku). On the structural and communicative aspects of the object in Azerbaijani	18
<i>V. S. Khrakovsky</i> (Leningrad). Turkic voice from the point of view of the universal conception of diatheses and voices	22
<i>V. V. Khovratovich</i> (Moscow). Semantics of the indefinite pronouns	26

FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE

<i>R. Berdibayev</i> (Alma-Ata). The role of folklore in the development of the Kazakh literature	38
<i>T. D. Melikov</i> (Moscow). Turkish verlibre and national poetic tradition	43

THE STUDY OF «THE BOOK OF DEDE KORKUD»

<i>T. I. Gajiyev</i> (Baku). On two syntactic peculiarities of the language of «Kitabi Dede Korkud»	50
---	----

ETHNOLINGUISTIC RELATIONS

<i>A. N. Baskakov</i> , <i>T. B. Kruchkova</i> (Moscow). Actual problems of linguistic life of Central Asian turkic republic and Kazakhstan	61
<i>Z. G. Uraksin</i> (Ufa). Problems of bilingualism and polylingualism in Bashkiria	75

MATERIALS AND REPORTS

<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). Ways of phonetic structure description of the word in old Uzbek dictionaries	80
<i>P. S. Safarov</i> (Samarkand). Towards the formation of zoonymy in the Uzbek language: names of goats and sheep	85

LETTER TO THE EDITORIAL STAFF

<i>Sh. Ch. Sat</i> , <i>L. Y. Dorzhu</i> (Kyzyl). Towards the study of the Tuvin language in China	93
--	----

- E. A. Grunina, G. F. Blagova (Moscow), V. G. Guzev (Leningrad) and others.
Prior tendencies of linguistic researches for planning and choice of dis-
sertation themes. 111

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

REVIEWS

- V. G. Guzev (Leningrad), O. N. Kameneva, E. M. Napolnova (Moscow), Э. А. Гры-
нина. Учебное пособие по османско-турецкому языку 102
A. G. Nelunov (Yakutsk). П. А. Слепцов. Якутский литературный язык: истоки,
становление норм 104
E. L. Mazitova (Kazan). Ономастика Татарии 106
N. J. Mamedov (Baku). Bitter fruits of incompetence 107

SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE

- Soviet Committee of Turcologists' appeal 112
XIV Session of the Soviet Committee of Turcologists 118
Resolution of the IV Session of the Soviet Committee of Turcologists at the De-
partment of Literature and Language of the Academy of Sciences of the USSR 119
Resolution of the All-Union conference on the formation of the machine fund of
Turkic languages in the USSR and the base for computerizing the turcolo-
gical researches 121

PERSONALIA

- V. I. Kotleyev (Cheboksary). Leonid Pavlovich Sergeyev 122
U. D. Dospanov (Nukus). Zaituna Khakimovna Nasrullayeva 123
E. R. Tenishev (Moscow), A. T. Kaidarov, V. A. Makhmudov (Alma-Ata). Gozhakh-
met Sadvakasovich Sadvakasov 124

LITERATURE

- R. Baidanov (Alma-Ata). The role of folklore in the development of the Kazakh
literature 125
T. D. Mollkov (Moscow). Turkish folklore and its role in the development of
the Kazakh literature 126
T. A. Gafiyev (Baku). On two styles of the Turkish literature 127
Bede Korkmaz 128

LITERATURE

© «Советская тюркология», 1989 г.

Технический редактор Б. М. Абдуллаев

Корректоры А. А. Гусейнова, С. Дж. Эфендиева

Сдано в набор 14.08.89 г. Подписано в печать 27.10.89 г. ФГ 45226 «Формат бумаги»

70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,4.

Заказ 7222. Тираж 2255. Цена 1 руб. 10 к.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нарманова, 31а Академгородок

Типография издательства «Коммунист», Метбуат проспекти, 529 квартал

Индекс-70927

Г р. 10 к.